

УЙОМОВСЬКІ ЧИТАННЯ

**VI
(2018)**

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

ОДЕСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ

ІМЕНІ І. І. МЕЧНИКОВА

Факультет історії та філософії

УЙОМОВСЬКІ ЧИТАННЯ VI

(2018)

Матеріали Наукових читань пам'яті Авеніра Уймова

Одеса – 2018

УДК 1

ББК 87

У 32

Рекомендовано до друку кафедрою філософії та методології пізнання
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова
Протокол № 6 від 10 січня 2018 року.

Редакційна колегія:

кандидат філософських наук, доцент ***Л. Л. Леоненко***
(Одеська національна академія зв'язку імені А. С. Попова);

кандидат філософських наук ***Д. М. Ляшенко***
(Одеський національний медичний університет);

кандидат філософських наук ***К. В. Райхерт***
(Одеський національний університет імені І. І. Мечникова)
(відповідальний редактор);

доктор філософських наук, професор ***Л. М. Терентьєва***
(Одеський національний університет імені І. І. Мечникова);

кандидат філософських наук, доцент ***О. В. Чайковський***
(Одеський національний університет імені І. І. Мечникова).

У 32 Уйомовські читання VI (2018): матеріали Наукових читань пам'яті Авеніра Уйомова / відпов. ред. К. В. Райхерт. – Одеса, 2018. – 102 с.

У збірці представлені тези доповідей, прочитаних на шостій міжнародній конференції «Наукові читання пам'яті Авеніра Уйомова».

Збірка адресована усім тим, хто цікавиться сучасною філософією та ситсемними дослідженнями.

Тексти представлені в авторській редакції.

Редколегія не завжди поділяє позицію авторів.

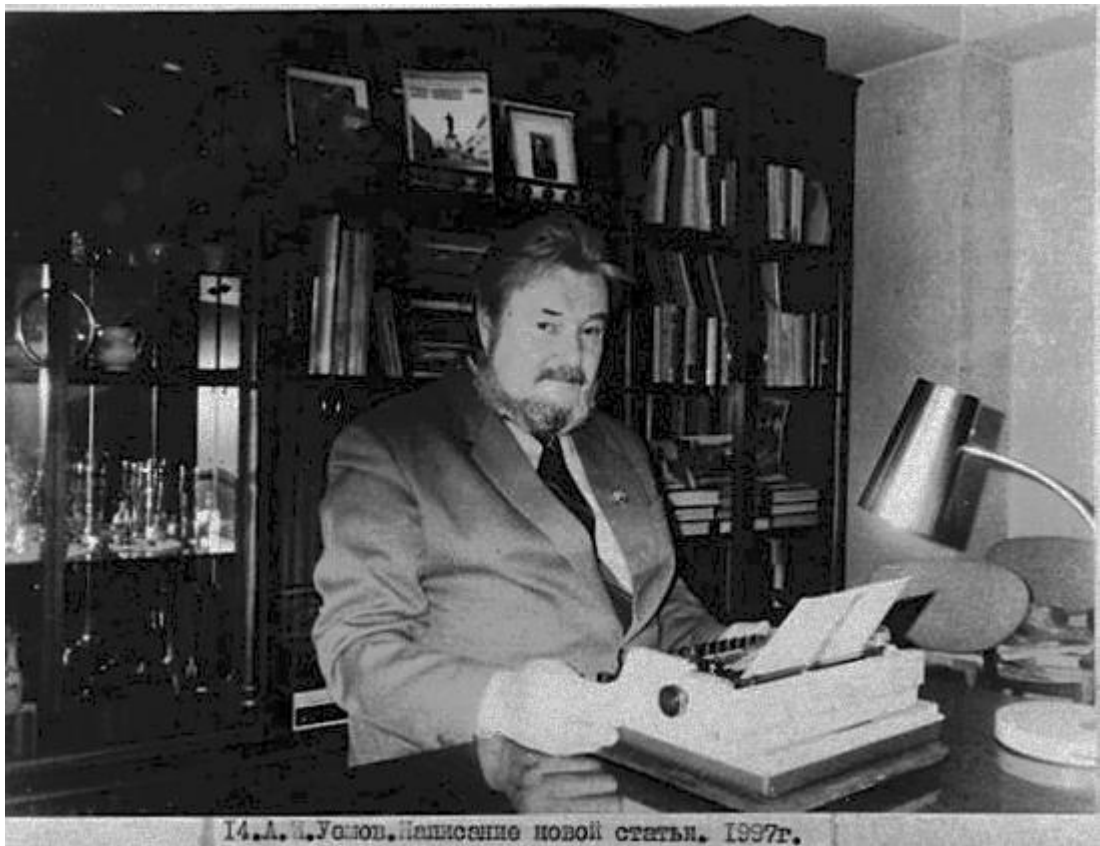
За точність викладеного матеріалу вся відповідальність лежить на авторах.

УДК 1

ББК 87

© Автори матеріалів, 2018

© Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, 2018

Авенір Іванович Уйомов

(04.04.1928 – 29.05.2012)

доктор філософських наук, професор, дійсний член Міжнародної академії наук, промисловості, освіти та мистецтва (Каліфорнія, США), академік Академії історії та філософії, природничих і технічних наук, академік Української академії економічної кібернетики, академік Міжнародної академії організаційних і керівних наук, дійсний член Міжнародної академії філософії. Автор 480 наукових робіт, включаючи 12 монографій, 5 навчальних посібників, 3 з них у співавторстві. Засновник Одеської школи системних досліджень (відомої також як «Одеська логіко-філософська школа»). Науковий консультант 4 докторських дисертацій і керівник 33 кандидатських дисертацій. Творець оригінальної філософської концепції (вчення про речі, властивості та відношення), оригінальної формально-логічної системи (мови тернарного опису), оригінальної теорії висновків за аналогією та оригінального варіанту загальної теорії систем (параметричної загальної теорії систем).

ЗМІСТ

<i>А. І. Афанасьєв, І. Л. Василенко</i>	-	6
<i>Барба Н. С., Голубович І. В., Моцаренко Е. В.</i>		9
<i>Богатая Л. Н.</i>		12
<i>Вороб'єв С. Г.</i>	« »: . - .	16
<i>Габович О. М., Кузнєцов В. І.</i>		18
<i>Гончарова О. Е.</i>		23
<i>Донникова І. А.</i>		26
<i>Зобенко К. І.</i>	« » « »,	29
<i>Івченко А. С.</i>	-	31
<i>Кирилюк О. С.</i>	- « -	33
<i>Кирилюк О. С.</i>	« » ?	38
<i>Кравчик М. А.</i>	-	44
<i>Леоненко Л. Л.</i>	« »	46
<i>Марійчак І. І.</i>		51
<i>Московая Е. А.</i>		53
<i>Прушковська А. Ю.</i>	:	55
<i>Райхерт К. В.</i>	-	57
<i>Савусин Н. П.</i>		59
<i>Сумарокова Л. Н.</i>	« » -	77
<i>Терент'єва Л. Н.</i>	:	80

<i>Фалько В. И.</i>	-	84
<i>Чорноморденко Д. І.</i>		88
<i>Чорноморденко І. В.</i>		90
<i>Шохов А. С.</i> «	»	92
<i>Щедрин А. Т.</i>	«СЕТІ – SETI»:	-
		94
Відомості про авторів		100

*А. И. Афанасьев,
И. Л. Василенко*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ СЛОЖНЫХ ФЕНОМЕНОВ

Первый вопрос, который требует уточнения: о сложности чего идет речь. Следует различать, как минимум, сложность реальных объектов (природных, социальных, гуманитарных, технических) и сложность знания об этих объектах. Разумеется, эти феномены взаимосвязаны, во всяком случае, хорошо известно, что наука рассуждает о реальных объектах с позиций некоторой теории, по сути, «навязывая» простые или сложные представления реальным объектам.

С одной стороны, сложность, как и простота, объективно присущи объектам, если иметь в виду, что эволюция закономерно ведет к усложнению, в частности, путем увеличения разнообразия объектов и их свойств. С другой стороны, степень сложности во многом задается познавательными целями субъекта. Ведь любой исследуемый объект, не говоря уже о предмете, который выделен в нем соответствующей, изучающей его, дисциплиной, очерчен исследовательскими целями, методами, теориями и т.д.

По-видимому, научное знание имеет тенденцию к усложнению, несмотря на активное применение бритвы Оккама как мощного упрощающего методологического принципа, и несмотря на стремление науки, особенно классической, к созданию простых моделей реальности.

Классическая наука, исходя в основном из интуитивных представлений, довольно четко разграничивала то, что считалось простым, и то, что рассматривалось как сложное. Но априори у нас нет способов судить о том, что просто и что сложно [4, с.45]. В принципе, любой объект или любая система может оказаться очень сложной или очень простой. «Подобно тому, как неожиданная сложность возникает в вынужденных колебаниях маятника, неожиданная простота обнаруживается в ситуациях, которые складываются под влиянием совместного действия множества факторов» [4, с.45].

Причем, важно отметить, что состояние исследуемого явления, характеризующееся как сложное, не всегда ему присуще, оно возникает при некоторых обстоятельствах, но определить заранее сложность поведения, как правило, невозможно. Особенно, если речь идет о неустойчивых объектах, обычно описываемых синергетическими терминами «диссипативные структуры», «флуктуация», «нелинейность», «самоорганизация», «порядок и хаос» и др. Примечательно, что из описания начальных условий невозможно причинно вывести последующее состояние такого самоорганизующегося объекта, так как изменения в нем нарастают лавинообразно. Подобные объекты называются в синергетике сложными. «Сложность означает не только нелинейность, но и огромное число элементов с большим числом степеней свободы. Все макроскопические системы, такие, как камни или планеты, облака или жидкости, растения или животные, популяции животных организмов или человеческие общества, состоят из элементов, или компонентов (таких, как атомы, молекулы клетки или организмы. Поведение отдельных элементов в сложных системах с огромным числом степеней свободы не может быть ни предсказано, ни прослежено в прошлом. Детерминистическое описание отдельных элементов может быть заменено эволюцией распределений вероятности» [3].

Синергетический подход позволяет представить многие сложные объекты в адекватных моделях. «Синергетику, по-видимому, можно рассматривать как стратегию, позволяющую успешно справиться со сложными системами даже в гуманитарных областях знания» [3].

Объекты гуманитарного знания часто считаются более сложными, чем природные или технические, в частности, потому, что они требуют для себя разнородные исторические, юридические, религиозные, литературные, психологические и др. данные. Эта по-

что единодушно признаваемая точка зрения требует уточнения, ведь не совсем понятно, что такое «сложность» и как ее измерить. Во всяком случае, общепринятого определения понятия «сложность» нет.

Как полагает К. Майнцер многие объекты гуманитаристики можно представить в синергетических терминах. «Речь идет о междисциплинарной методологии для объяснения процесса возникновения некоторых макроскопических явлений в результате нелинейных взаимодействий микроскопических элементов в сложных системах, Макроскопические явления могут быть различными видами световых волн, жидкостей, облаков, химических волн, растений, животных, популяций, рынков, ансамблей мозговых клеток, характеризующимися параметрами порядка. Они не сводятся к микроскопическому уровню атомов, молекул, клеток, организмов и т. д. сложных систем. В действительности они представляют собой свойства реальных макроскопических систем, таких, как потенциалы поля, социальные или экономические силы, чувства или даже мысли» [3]. В таких случаях синергетический подход становится общенаучной стратегией исследования сложных феноменов.

В то же время, не все сложные объекты имеют «синергетическую» природу, и далеко не всегда их можно представить в рамках одной дисциплинарной модели.

Многие сложные объекты, особенно социогуманитарные, часто исследуются междисциплинарными подходами. Например, историческая антропология, интересуясь различными сторонами жизни человека, от трудовой деятельности до религиозного экстаза, от биологических основ жизни до менталитета, вступает во взаимодействие с лингвистикой и искусствоведением, историей литературы, права, науки и техники, социологией и психологией, а также со многими естественными науками от географии до биологии. Для современной науки междисциплинарность становится нормой независимо от дисциплинарной прописки. Главная причина, по-видимому, заключается в том, что современная наука во многом перестает быть объектной, она становится проблемной в том плане, что проблема все чаще возникает на стыке различных дисциплин, что не всегда влечет становление новых дисциплин, чаще проблема решается междисциплинарным подходом. В таких случаях междисциплинарность дополняется полидисциплинарностью и трансдисциплинарностью [2], что порождает значительные познавательные и методологические трудности, некоторые из которых решаются различными редукционистскими подходами.

По-видимому, редукционизм был исторически первой стратегической попыткой справиться со сложными объектами, и он не утратил своего значения в современной науке. Расширение основных положений механики на другие области реальности в Новое время имело огромный научный эффект. Хотя с течением времени механицизм выявил свою ограниченность, как и различные варианты физикализма или натурализма, тем не менее, редукционизм, особенно примененный к новой неизведанной области, всегда имел огромное познавательное значение. В методологической литературе принято его критиковать, апеллируя к тем случаям, когда обнаруживалась несостоятельность редукционизма, например, при попытках объяснить мышление законами механики или свести историю культуры к биологической эволюции. Однако подобные случаи не свидетельствуют о несостоятельности, а всего лишь обнаружение пределов применения, которые заранее обнаружить невозможно.

Современная биология в значительной мере идет по пути редукционизма, путем обнаружения химии живого, результатом чего стало, в частности, открытие молекулы ДНК, что, в свою очередь, привело к открытиям во всех областях науки о живом: от вирусов и микробов до биологической истории человечества. Успехи в биологии позволяют предположить, что можно объяснить всю биологию в терминах химии и физики, что порой считают проявлением крайнего редукционизма, особенно если считать химические или физические явления более простыми, чем биологические. Но, с другой стороны, новые физико-химические теории живого более сложные, чем все предыдущие объясне-

ния. Поэтому редукционизм не всегда сопряжен с примитивным упрощением. Все это требует как понимания философско-методологического смысла простоты-сложности, так и современного осмысления принципа редукционизма.

Еще одной стратегической линией представления сложных объектов был и остается принцип дополнительности, сформулированный Н.Бором. Потребность в такой стратегии связана не только с необычным, и в этом смысле сложным, поведением некоторых объектов, например, в микромире, но и с неспособностью науки непротиворечиво описать их в рамках одной теории, что, соответственно, значительно усложняет научную модель, поскольку приходится прибегать к взаимоисключающим, но дополняющим друг друга представлениям. Многие социогуманитарные объекты также представляют собой своеобразные кентавры, которые невозможно непротиворечиво описать в рамках одной теории, и приходится прибегать к комплементарности [7], используя принцип дополнительности в духе методологических идей Бора. Это касается и картин мира, и парадигм, и теорий, и других форм представления знаний в гуманитарных дисциплинах [1].

В то же время, не ко всем объектам науки применимы синергетические, редукционистские, междисциплинарные или комплементарные стратегии. Часто достаточно обычных классических способов с применением количественных методов. Но ко многим объектам, в частности, гуманитарным, не всегда хорошо применимы точные количественные методы, например, математические, главным образом из-за обычной «линейной» сложности объектов гуманитарного знания, а, возможно, также из-за того, что в недрах гуманитарного знания еще не выработаны те абстрактные формы, которые могут быть обработаны математическими методами [6, с. 11].

Решение вопроса о том, какие объекты сложнее или проще требует измерения простоты-сложности. Эффективный способ предлагает параметрическая теория систем. Она предполагает выделение трех аспектов системного рассмотрения (системных дескрипторов): концепт, структура и субстрат. Эти дескрипторы могут быть соотнесены друг с другом. Например, отношение структуры к субстрату дает структурную организацию системы, отношение субстрата к структуре – субстратную организацию. В соответствии с дескрипторами выделяются различные типы простоты-сложности. Наиболее существенными являются пять типов: концептуальная, структурная, субстратная, структурно-субстратная и субстратно-структурная типы простоты-сложности. Эти типы могут не соответствовать друг другу. Например, великая китайская стена, очень простая в структурном плане, обладает высоким значением субстратной сложности [5, с. 106]. Системная модель позволяет измерять сложность как количественно, так и качественно [6, с. 197-209]. Таким образом, параметрическую теорию систем также можно зачислить в ряд методологических стратегий исследования сложных феноменов.

Литература:

1. Афанасьев А.И. Гуманитарное знание и гуманитарные науки: монография. – Одесса: Бахва, 2013. – 288 с.
2. Афанасьев А.И., Василенко И.Л. Трансдисциплинарность и профессионализм // Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип. 2 (26). Гуманітарний дискурс: дисциплінарність, міждисциплінарність, трансдисциплінарність. – Одеса: “Аквагорія”, 2016. – С. 8-18.
3. Майнцер К. Сложность и самоорганизация. Возникновение новой науки и культуры на рубеже веков. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/Man.htm>.
4. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. – М.: Прогресс, 1994. – 259 с.
5. Уёмов А. И. Свойства, системы, сложность // Вопросы философии. – 2003. – № 6. – С. 96-110.
6. Уёмов А., Сараева И., Цофнас А. Общая теория систем для гуманитариев. – Варшава: «Universitas Rediviva», 2001. – 276 с.
7. Цофнас А.Ю. Комплементарность мировоззрения и миропонимания // Философская и социологическая мысль, 1995. – № 1-2. – С. 5-22.

*Н. С. Барба,
И. В. Голубович,
Е. В. Моцаренко*

ЛОГИКА В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ И НАСЛЕДИЕ

А. И. УЕМОВА

В последние годы логика фактически исчезла из учебных программ высших учебных заведений, однако потребность в логических знаниях, умениях и навыках по-прежнему велика. Об этом свидетельствует наличие множества публичных проектов, тренингов, мастер-классов, связанных с практической логикой, теорией аргументации, критическим мышлением и т.д. Публичный образовательный проект «Intellectuarium», который осуществляют в Одессе авторы данной публикации, также нацелен на проведение мастер-классов, лекций, образовательных курсов по практической логике и критическому мышлению в публичном пространстве. Проект поддержан научно-просветительским сообществом «Одесская гуманитарная традиция», Украинским философским фондом, главным философским журналом Украины «Філософська думка» [1].

На данный момент мы можем подвести первые предварительные итоги двухлетней активной деятельности проекта «Intellectuarium»: были представлены программа «Практическая логика и механизмы мышления», цикл лекций «Где же логика», получен грант международной еврейской студенческой ассоциации «Hillel» на реализацию курса «Основы критического мышления» и т.д. На рынке публичных просветительских и образовательных проектов, в том числе ориентированных на логику, теорию и практику аргументации, критическое мышление, достаточно много сомнительных предложений, разрекламированных тренингов, псевдонаучных семинаров и спикеров. «Intellectuarium» в этой ситуации намерен выполнять роль своеобразного медиатора между университетским академическим подходом к преподаванию логики, близких к ней дисциплин, с одной стороны, и запросами публичной сферы, с другой. Кроме того, мы хотели бы осуществить экспертизу того, насколько профессиональное философское сообщество на региональном уровне способно выполнить одну из главных миссий философии, сформулированных в Парижской декларации ЮНЕСКО по вопросам философии (1995): «деятельность философствования...должна как можно более четко... формулировать точные дефиниции используемых понятий, проверять корректность размышлений, внимательно изучать аргументы других...» [3].

Опираясь на стратегические цивилизационные ориентиры в области философского и рационально-логического мышления и, одновременно, решая непосредственные практические задачи «Intellectuarium» нередко обращается к наследию выдающегося философа и логика Авенира Ивановича Уемова. Так, «Одесский Диоген» наряду с Н. Гротом и Г. Челпановым стал одним из главных героев публичной лекции-презентации авторского курса «Практическая логика: механизмы мышления» под названием «Как это делалось в Одессе? Страницы истории логики с одесским колоритом» (3 апреля 2016 г.).

В своей работе мы используем большой массив учебной литературы по логике. Существует много достаточно хороших учебников, однако, мы столкнулись с проблемой дефицита добротных, систематизированных и понятных широкой аудитории задачник, практикумов, которые помогали бы закрепить теоретические знания. Осуществив собственный, конечно, далеко не полный мониторинг, мы пришли к выводу, что наиболее адекватными для целей нашего проекта являются два издания. Во-первых, это «Сборник элементарных упражнений по логике» Н. О. Лосского, который знаменитый философ-интуитивист составил, будучи приват-доцентом Императорского Санкт-Петербургского университета в 1908 году. Этот сборник переиздавался в 1911 г. [2]. Издание было выпущено как «необязательное пособие к употреблению в средних учебных заведениях» и рекомендовано «в ротные библиотеки кадетских корпусов» и библиотеки

«духовных семинарий». И во-вторых, это книга, вышедшая более чем полвека спустя, уже в советское время. Мы имеем в виду «Задачи и упражнения по логике» Авенира Ивановича Умова, которые были допущены «Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебного пособия для педагогических институтов и филологических факультетов университетов» [4].

В чем же общие черты и преимущество указанных зданий? Что касается «Сборника элементарных упражнений по логике» Н. О. Лосского, то на то время было достаточно большое количество хороших учебников по логике, но почти не было практикумов. Автор решил восполнить этот пробел, создав максимально всеобъемлющее на то время пособие, направленное именно на практическую проработку основных тем: «наш «Сборник» именно и стремится дать материал для усвоения этой чисто технической стороны мышления» [4, с. VI]. По словам самого автора, сборник составлен так, что им можно пользоваться при прохождении курса логики по какому угодно элементарному учебнику. Спустя 100 лет, задания из сборника остаются актуальными, они включают множество примеров из мировой литературы, использованы сказки, басни, поговорки, таким образом, учитывается вся многогранность и многозначность русского языка. Для нас также особенно важно указание Н. О. Лосского, которое помогает нам сегодня сформировать задачи курса «Основы критического мышления»: «Элементарная логика знакомит с элементарными понятиями, необходимыми при анализе доказательств, и с формами доказательств. Она должна, во-первых, дать учащемуся средства для критического отношения к своему и чужому мышлению и, во-вторых, подготовить его к высшему курсу логики, имеющему философский характер» [4, с. V]. Сходные черты имеет и задачник А. И. Умова, в том числе, и с точки зрения внимательного отношения к проблемам языка и использования примеров из классики мировой литературы. Это не случайно, поскольку «Задачи и упражнения по логике» и создавались в процессе работы со студентами-филологами, они же были первыми адресатами издания. Весьма удачной, на наш взгляд, является структура учебного пособия: в нем представлены все основные темы, ориентируясь на хорошо организованное оглавление удобно сразу находить практические задания по определенной теме. Многие примеры взяты А.И.Умовым из реальной практики, использовались настоящие сочинения школьников, которые приносили автору. А план сочинения о Владимире Маяковском «Маяковский как лирик» уже стал притчей – самый логичный, по мнению Умова, и раскритикованный педагогом по литературе: а) Маяковский – лирик? б) Маяковский – лирик. в) Маяковский – лирик! («Литература в школе», 1959, №5).

То, что в других пособиях считается само собой разумеющимся, А.И.Умов подвергает детальной проработке (например, операция деления понятия: сначала идет пример на то, чтобы найти ошибку, выбрать правильное решение. Как отдельный вид работы представлены различия «род-вид» или «часть–целое» - распространенная ошибка прорабатывается особенно тщательно. Своеобразной изюминкой являются задания по составлению планов и оглавлений школьных сочинений и научных работ. Работа с кругами Эйлера представлена у А.И.Умова так, как ни в одном другом пособии, которое мы изучили. Сначала даны понятия и нужно к ним сделать схемы, затем - полностью заполненные схемы и нужно определить, правильно ли они сделаны, далее - частично заполненные схемы, которые нужно завершить, и, наконец, даны абстрактные схемы с определенными критериями, которые нужно заполнить понятиями. В целом все темы задачника представлены так, чтобы помочь человеку, вообще не знакомому с логикой, досконально изучить весь материал. Последовательное продвижение по страницам задачника развивают эрудицию, для выполнения многих заданий необходимо постоянно обращаться к энциклопедиям и словарям. Многие современные пособия по логике переписывают задания, предложенные А.И.Умовым, иногда даже без ссылки на автора.

В рамках данной публикации мы обратились к такому аспекту наследия А. И. Умова, который может показаться не самым существенным. Однако сегодня в эпоху кри-

зиса рационального мышления и исчезновения учебных курсов по логике из школьных и университетских программ, представленная нами составляющая многогранного творчества выдающегося философа как никогда актуальна. Наверняка и сам Авенир Иванович, которого школьники выбрали когда-то президентом Малой академии наук [5], не считал работу с самыми элементарными кирпичиками логики чем-то малозначащим. Рискнем предположить, что создатель общей параметрической теории систем, весьма сдержанно относившийся к основателю феноменологии, все же согласился бы с принципиальным требованием Эдмунда Гуссерля: «никогда не пренебрегайте работой в области оснований».

Литература:

1. Голубович І. В. *Intellectuarium: перші кроки. Філософська думка. 2017. № 4. С. 98-101.*
2. Лосский Н.О. Сборник элементарных упражнений по логике. Издание второе. С-Пб: Типография М.С.Стасюлевича, 1911. 212 с.
3. Парижская декларация по вопросам философии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001386/138673r.pdf>.
4. Уемов А. И. Задачи и упражнения по логике. М.: Госиздат «Высшая школа», 1961. 354 с.
5. Цофнас А. Ю. Профессор А. И. Уемов [Электронный ресурс]. Сайт: «Философская школа Авенира Ивановича Уеова»// Режим доступа: <http://uemov.org.ua/history/uemov/12-2012-06-25-11-57-49.html>.

Л. Н. Богатая

МАКРОИССЛЕДОВАНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Попытка обозрения той или иной национальной философской культуры во всей ее целостности и сложности до самого последнего времени казалась задачей практически неосуществимой, да и ненужной. Во-первых, что следует понимать под выражением *философская культура*, во-вторых, зачем нужно *понимание* той или иной философской культуры, в-третьих, как эту культуру *проявить, зафиксировать*? Обычно национальная философская традиция определялась по ее ключевым фигурам, творчество которых в определенной мере знакомо «глобальному философскому миру». Однако к разряду «философов» относят не только тех, кто уже хорошо известен и принят в глобальном философском сообществе. Есть множество исследователей, которые выстраивают свои рассуждения на «краю философского мейнстрима», вдали от мировых философских трендов, зачастую используя не всегда понятные и проясненные методы. Тогда и проявляется закономерный вопрос: нужно ли «присматриваться» к тому, что они делают? Есть ли прирост «философского знания» в массивах накапливающихся текстов? Или это все никому не нужное *псевдотворчество*?

В последнее время все чаще появляются голоса в защиту того, что современность требует учета каждого «смещения мысли», ибо все они в своей совокупности характеризуют *планетарные ментальные процессы*. К примеру, американско-итальянский литературовед Ф. Моретти предлагает по-новому рассматривать влияния ключевых европейских литературных традиций на развитие литературы во всем мире [3].

Результаты *философского труда* оседают во множестве текстов: статей и монографий. Статьи публикуются в журналах очень разного уровня. Некоторые из подобных изданий являют признанными в национальном профессиональном сообществе, входят в международные наукометрические базы данных. Другие – известны только в кругу тех лиц, которые с ними непосредственно сотрудничают. И, тем не менее, существование подобных изданий оправдано, ибо именно с публикаций в них у многих молодых исследователей начинается путь в настоящую науку, в философию. Подобные журналы более терпимы к различным формальным авторским новациям, что, отчасти, стимулирует развитие всей исследовательской культуры. Но, к сожалению, многие из отмеченных журналов практически «не видны»: ни внутри национального профессионального сообщества, ни, тем более, в глобальном мире. Поэтому многочисленные тексты оседают «мертвым грузом». Сложно подсчитать, сколько подобных публикаций ежегодно выходит из поля зрения экспертов.

Не лучшая участь ожидает и те работы, которые опубликованы в журналах более высокого уровня. Причина заключается в том, что их тоже *мало* читают. Увы, но «малочтение», похоже, стало характерной чертой современности. Зависимость получается обратноразмерной: чем больше люди начинают писать, тем меньше они же читают.

Этические вызовы новой эпохи

Новый мир, переход в который сейчас многие ощущают, уже обнаруживает себя отличительными особенностями. Одну из таких особенностей хочется обозначить словом *коллективность*. К сожалению, это русское слово сложно перевести во всей его смысловой полноте на другие языки. Любой перевод будет неполон. К примеру, в русском языке этот термин коррелирует со словом *соборность*, которое имеет глубинные православные корни. Сегодня, с учетом вызовов начала 21 века видится, что именно опыт переживания *соборности*, особого рода *коллективности* православный мир может передать глобальному человечеству как выстраданную культурную ценность.

Коллективность в самом глубоком понимании этого слова это *особое человеческое единство*, в котором, с одной стороны, слышен каждый человек, с другой – проис-

ходит объединение отдельных индивидуальностей в *единое мудрое Целое*. Возможно, именно такое *Целое* в свое время предчувствовал С.Лем, называя его Океаном Солярис.

Мудрость *Целого* состоит в том, что оно не подавляет уникальную человеческую индивидуальность, а настроено на гармоничную организацию миллиардов разумных существ в «целостное океаническое звучание». Культуры, в которых эта тенденция окажется прочувствованной, вероятно, смогут более эффективно использовать открывающиеся возможности нового времени.

В свое время интересный русский мыслитель Н.Ф.Федоров предложил миру свершено необычную мысль – «воскрешения мертвых». Эта мысль кажется глубоко утопичной лишь на первый взгляд. Однако современная действительность свидетельствует о том, что «воскрешение из мертвых» уже реально началось. Таким своеобразным «воскрешением» и можно назвать оцифровку многочисленных текстов, лежавших десятилетиями непрочитанными в различных архивах, «архивах великого непрочтенного» (Ф.Моретти). Благодаря современным цифровым технологиям эти тексты обретают возможность практически моментального «оживления». И об этом можно говорить как о своеобразном «воскрешении из мертвых». Тем самым национальная и общечеловеческая культура обретают свою утерянную полноту. Смягчается диктатура времени. Тот, кто не был услышан *сегодня*, вполне может стать интересен и полезен миру завтра.

Освоение *нового Целого* несет в себе и много других перспектив, которые открываются человеку, ставшему на путь постижения опыта коллективного. К примеру, неожиданно актуализируется тема *«заботы о себе»*.

Многие столетия в недрах философии вызревала этика и практика *«заботы о себе»*. Можно долго перечислять имена философов, которые об этом говорили прямо или косвенно. Но в данном тексте хочется обратить внимание на две мысли одного из родоначальников французского экзистенциализма – Габриэля Марселя.

Г.Марсель писал: «Только в той мере, в какой я утверждаю себя как *не являющегося кем-то в частности*, я могу ... признать существование кого-то другого» [2, с.150]. К сожалению, в современном мире людей словно толкают поступать наоборот. Все охвачено поиском той или иной идентичности, раскрывающей план бытия *кем-то в частности*. Обнаруживая свои очередную идентичность человек удаляется от самого себя, от глубинного Я, от уникальной «внутренней мелодии». Об этой мелодии и размышляет Марсель, утверждая, что именно *внимательное прислушивание к этой мелодии* и дает человеку опыт для распознавания Другого. Услышать и различить Другого может только тот, кто привык прислушиваться к себе самому в практиках *«заботы о себе»*.

Неудачи, фактически – «провалы» опытов коллективизации, которые осуществлялись в начале советских времен (20-30 годы Советской России прошлого века), как раз и связаны с тем, что «насиленно коллективизировать» пытались тех, в ком истребляли индивидуальное начало. В то время как настоящая *коллективность* возможна лишь при условии трепетного, терпеливого, спокойного возвращения индивидуального, того, что «инаково». В этой связи интересна еще одна мысль Г. Марселя: «человек, который утратил хотя бы смутное сознание совершаемого над ним насилия, уже не является человеком в полном смысле слова» [2, с. 158]. Конечно же, опасно и сложно анализировать эту мысль, вырванную из общего контекста размышлений философа, и, тем не менее, даже взятая в своей уединенности она кажется очень важной.

Осознание совершаемого над человеком *насилия* делает каждого еще больше человеком. Уроки «насильственной коллективизации», которые пережили не только народы «советского мира», способствовали усилению индивидуального, которое так необходимо для вступления в *новое коллективное*.

Любая настоящая философия начинается с поиска *собственной мелодии*, настраивания своего *уникального голоса*, который не только не стремится подавить голоса других, но наоборот, пытается организовать с ними гармоничное созвучие.

История свидетельствует: нет и не может быть единой правильной философской системы, ибо все эти системы существуют во взаимодополнении, взаимораскрытии. Именно по этой причине, как это ни кажется парадоксальным, настоящим философам легче всего принять *по-новому понимаемое коллективное*. Философ самым острым образом чувствует совершаемое на человеке насилие, ибо напряженно и непрерывно прислушивается к собственному истоку.

Конечно же, ученые могли бы возразить: пока философы только собираются осваивать *коллективность*, ученые различных специальностей активно осуществляют разнообразные междисциплинарные проекты. На подобное возражение можно ответить тем, что междисциплинарные практики неотделимы от общечеловеческой культуры, которая обнаруживает себя, в том числе, и культурой философской. То, что происходит в современной науке, едва ли было бы возможным без существенных изменений, происходящих в философии.

Новый украинский проект

В свете сказанного уже нет необходимости специально аргументировать актуальность проекта по созданию коллективной монографии «**Современные украинские философские традиции**». Это – предполагаемый коллективный труд украинских философов, которые отслеживают историю собственного «философского пути» и пытаются осмыслить интеллектуальную роль философских сообществ в становлении украинской национальной культуры, культуры украинского философского дискурса, в воспитании тех, кто стремится стать на Путь философии.

Для любой локальной культуры становление философской традиции играет особую роль. С одной стороны, благодаря философии в национальную почву привносится то лучшее, что было наработано мировой философской мыслью. С другой – в конкретных локальных культурах формируются всегда «уникальные», «частные» совсем незаметные и незначительные «локальные» философские отклонения. Зачастую эти отклонения никак не учитываются, не рассматриваются, их относят к разряду маргинальных проявлений. Участь таких откликов-отклонений уже была описана выше. Сами участники интеллектуального процесса говорят о том, что их тексты оказываются погребенными в «братских могилах». Хотя за каждым текстом стоит жизнь, судьба, мысль. Многие из этих мыслей могли и призваны стать бесконечно плодотворными для развития конкретной культуры.

Характеризуя саму идею создания коллективной монографии можно остановиться на нескольких, наиболее важных для этого проекта целях.

1.Формирование условий для последующих рефлексий истории становления современного украинского философского дискурса.

2.Привлечение внимания к деятельности *философских сообществ* как своеобразных питомников философской мысли.

3.Создание коллективной монографии как академического продукта особого рода, предполагающего готовность к совместным интеллектуальным действиям, способствующих пониманию позиции Другого.

4.Популяризации философских идей, привлечение к философии самого широкого круга читателей.

Монография может стать началом следующей фазы проекта, связанной уже с более детальной оцифровкой актуализируемых корпусов текстов.

В статьях, входящих в указанную монографию, авторы сосредоточат свое внимание на следующих очень важных для подобного коллективного исследования моментах: характеристике причин и условий, стимулировавших возникновение того или иного сообщества; фигуре «лидера», вокруг которого формировалась группа последователей; подробных ссылок на наиболее значимые исследовательские результаты; информации об изданных статьях, монографиях а также многом другом.

При подготовке этой монографии весьма ценным кажется опыт американского социолога Р. Коллинза (Randall Collins), подготовившего фундаментальный и чрезвычайно интересный по многим причинам труд – «Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения» («The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Cambridge: Harvard University Press, 1998) [1].

Современные политологи обсуждают вопрос о том, сколько наиболее важных *полюсов* будет у того мира, в который мы все вступаем – *один, два, три* или *более*? С точки зрения философии хочется предложить другой ответ. Новый мир – это *мир многомерный*, в котором ни одна из мерностей не является доминирующей. Исключительно *экономическое* или *политическое* измерение мира скоро станет проявлением устаревшей и уходящей в прошлое удушающей человека *одномерности*. Многомерный мир предполагает развитие навыков *многомерного мышления* и конкретных многомерных практик. Именно такой многомерной практикой и видится проект коллективной монографии украинских философов.

Литература:

1. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Пер. с англ. Н.С.Розова и Ю.Б.Вертгейм. – Новосибирск, Сибирский хронограф, 2002. – 1280 с.
2. Марсель Г. Пятая лекция. Рефлексия первой и второй ступени. Экзистенциальный ориентир // История философии. Вып. 10. М.: ИФ РАН, 2003. – С. 144-163.
3. Моретти, Ф. Дальнее чтение [Текст] / пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука, А. Шели. Науч. ред. перевода И. Кушнарева. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 352 с.

С. Г. Вороб'їв

ПАРАЛЛЕЛЬ «ТИПА ПАРАДЕЙГМА»: А. УЕМОВ – Б. ФРАНКЛИН

Речь пойдет об одной не вполне удавшейся попытке провести аналогию в практике ненаучного исследования.

Параллель: Уемов, Авенир Иванович – Франклин, Бенджамин. “Типа парадейгма” в смысле “типа аналогия”. В смысле без вывода. Но как-то сама собой напрашивается.

Тут еще недавно обнаружилось объявление – на местном русском театре – о том, что четвертого апреля сего года будут отмечать девяностолетие покойного Семена Крупника.

«Бывают странные сближения». Родился ли действительно С. Крупник 4 апреля или нет, об этом, возможно, знает «Википедия». И все желающие могут удостовериться (в чем угодно) в два клика. Но куда девать трио Тоси, Леша и Саши из “Белой акации” где явно, причем дважды, упоминается дата «четвертое апреля»? «Белую акацию» в прошлом году восстановили в театре музыкальной комедии. Можно проверить.

Четвертое апреля как сакральная дата вместе с опереттой И.О. Дунаевского давно стали неотъемлемой частью одесского мифа. Авенир Иванович, слава и гордость Одессы, родился в правильный день. И ушел в мае, когда зацветает белая акация. Он был человеком весны, оттепели. Он принес дух «шестидесятничества» в университет, который в застойное время ... Всем, полагаю, известна эта история.

Окуджава рассказывал, что в юности листал календари в поисках знаменательного события, приходившегося на девятый день мая. Позже он даже песню сочинил, как оказалось, не без личной заинтересованности, про одну победу на всех – «мы за цену не постоим». Задолго, правда, до «победобесия». Окуджава тоже был «шестидесятником». Им и остался. Андрей Макаревич в одной из давнишних песен взмолился: «Пусть не будет комиссаров в пыльных шлемах!..».

А.И. Уемов в своей эволюции пошел гораздо дальше Окуджавы: он отстаивал идеи открытого общества и правового государства.

Аналогия, что общеизвестно, является одной из разновидностей умозаключения.

Общеизвестно также, что Авенир Иванович подверг всестороннему рассмотрению аналогию в своей первой диссертации, по результатам которой была написана “Аналогия в практике научного исследования”.

Существенно то, что в языке тернарного описания, ЯТО, аналогия является единственно возможной процедурой переноса знания с одного объекта на другой. В ЯТО, насколько помнится, нет множеств, классов, общих понятий, что позволяло бы непосредственно использовать дедукцию или индукцию. В этом смысле ЯТО представляет собой как бы рай для крайних номиналистов, Росцеллина, Беркли и т.п.

Работает ли параметрическая общая теория систем А.И. Уемова на почившие в бозе идеи тоталитаризма, соборности, “русского коммунизма”, Чевенгура, чучхе и т.д., лежащие в основе прежних идеологий? Не больше чем, скажем, персонализм Н.А. Бердяева.

Оставляя в стороне вопрос о близости персоналистических, индивидуалистических взглядов Бердяева нашей ментальности, следует отметить, что Авенир Уемов, как и недавно ушедший от нас Мирослав Попович – великие философы Украины. Философы-просветители в условиях перманентного украинского барокко.

Просветитель Радищев попал в переплет после оценки его известной коронованной и почитаемой в Одессе дамой: “Он мартинист хуже Пугачева – он хвалит Франклина”.

Авенир Иванович тоже в известном смысле хвалил Франклина в своих лекциях по философии Нового времени, которые читал студентам на философском отделении университета имени Ильи Мечникова. Отмечал у Франклина традиционные для просветите-

лей черты: деизм, локковский сенсуализм, интерес к научным исследованиям, стремление к изменению общества и человека на разумных началах.

О хорошем отношении к Франклину и другим американским просветителям говорит хотя бы то, что они были включены А.И. Уемовым в лекционный курс, что не всегда делали авторы учебных пособий.

Аналогия позволяет делать новый вывод о новом объекте на основании его подобия со старым, известным объектом. Будем считать известным А.И. Уеова, а новым – Бенджамина Франклина. Итак:

Авенир Иванович в процессе учебы в школе и университете сдавал экзамены экстерном. Практически, занимался самообразованием.

Франклин был вынужден заниматься самообразованием, живя в стране без университетов. Он сам способствовал созданию системы высшего образования в Америке.

Авенир Иванович создал некий аналог бумажных денег в рамках системного семинара: СУ, системные услуги. У меня, например, скопилось 6 СУ, которые хранятся как нумизматическая редкость.

Франклин ввел в колониях бумажное денежное обращение, параллельное обращению британского фунта стерлингов. Этому предшествовало введение почтовых марок.

Авенир Иванович основал в Одессе системный семинар, создал философское общество.

Франклин образовал общество единомышленников “Хунто”, которое через некоторое время стало американским философским обществом.

Авенир Иванович участвовал в общественной и политической деятельности Одессы и Украины. В своих публикациях в прессе, выступлениях в средствах массовой информации и на философском обществе, посвященных актуальным вопросам, которые возникали в перестроечный период и после обретения независимости Украиной, он придерживался той точки зрения, что необходимо участвовать в общественной и политической жизни страны. Его либеральные взгляды были настолько хорошо известны, что админресурс не позволил ему быть избранным в Верховную Раду.

Общеизвестна политическая и гражданская деятельность Франклина. Он пытался всячески улучшить жизнь в колониях и – позже – в штатах. Занимал ряд должностей. Представлял колонию Пенсильвания в Британии, континентальный конгресс – во Франции. Американская революция, подписание и принятие декларации независимости штатов и создание конституции немислимы без участия Франклина.

Вывод на основании сходства поступков А.И. Уеова и Б. Франклина делать не будем. Тогда не получится аналогии. Пожалуй, здесь будет иметь место скорее параллель, соотношение, сопоставление. А мораль? То есть вывод? Даже если нет вывода, мораль, по словам известной герцогини из «Алисы в Стране Чудес», должна быть. Она и присутствует всегда, усматриваем мы ее или нет.

*О. М. Габович,
В. І. Кузнєцов*

КВАНТИФІКАЦІЯ ТЕРНАРНОГО ОПИСУ У ФІЛОСОФІЇ ПРИРОДНИЧИХ НАУК

Запропонована А. Уйомовим мова тернарного опису знайшла нетривіальні застосування в логіці [1] та метафізиці [2]. Її використання в філософії природничих наук мають брати до уваги особливості та нерозривну єдність їхніх теоретичних та експериментальних частин. Обмежимося розглядом найбільш розвинутої із цих наук, а саме, фізики. Зазначимо, що в ній для позначення властивостей та відношень досліджуваних фізичних реалій застосовується загальний термін «фізична величина». Маючи на увазі, що сучасні науки досліджують багато властивостей та відношень, які ґрунтуються на, але не зводяться до фізичних величин, будемо використовувати для загальної назви властивостей та відношень, які вивчає решта наук, усталений філософський термін «атрибут».

Фізика базується, з одного боку, на теоретичних розрахунках значень фізичних величин досліджуваних речей, а з іншого, на експериментальному вимірюванні цих значень. Це спричиняє необхідність філософсько-методологічного моделювання фізичних величин в термінах не лише їхніх звичайних та наукових назв і логічних символічних позначень, але й їхніх кількісних значень та дій по знаходженню цих значень двома шляхами: теоретичному обчисленню та експериментальному вимірюванню. Збіг у межах припустимих похибок обчислюваних та вимірюваних значень релевантних фізичних величин досліджуваних фізичних реалій є однією з необхідних ознак застосовності використаних теорій до експериментального вивчення їхніх предметних галузей.

Звернемо увагу на наступне. Коли кажуть про окремі властивості та відношення якоїсь досліджуваної реалії, то припускають у першому випадку можливість її самостійного та незалежного існування як носія властивостей, а у другому – можливість самостійного та незалежного існування крім цієї реалії ще, принаймні, однієї реалії. Разом вони інтерпретуються як складений носій відношень. У обох випадках властивості та відношення трактуються як універсальні та невід’ємні якості/атрибути досліджуваних реалій (об’єктів, явищ, процесів та станів). Причому в інших фізичних обставинах залишається можливість самостійного дослідження та навіть існування деяких із розглянутих властивостей та відношень. Прикладом є пошук фізичного механізму реалізації відношень між елементарними частинками, котрі називаються фізичними взаємодіями.

Евристичною моделлю атрибуту є конструкція абстрактної властивості, запропонована М. Бургінім [3]. Ця конструкція припускає те, що атрибути є відносними щодо відповідних реалій та, як правило, не існують поза ними. Скажімо, згідно із сучасними фізичними уявленнями електричний заряд є атрибутом елементарних частинок та певних макроскопічних реалій. Фізики кажуть про електрон як про елементарний/неподільний носій електричного заряду, але не про те, що заряд може існувати у відриві від частинок. Окрім того, конструкція абстрактної властивості фіксує, що можливі значення конкретного атрибуту не є довільними, а приймають значення з певної множини, його так званої шкали. Зміна шкали віддзеркалює, як правило, уточнення знання про атрибут. Іноді введення нової шкали є результатом відкриття реалій, які відрізняються від раніше відомих значеннями відповідного атрибуту. Так, значення електричного заряду для елементарних частинок зазвичай виражають у невеликих позитивних чи від’ємних цілих числах, якщо приймати абсолютне значення заряду електрона $|e|$ (елементарний заряд) за одиницю. В процесі відкриття кварків як субелементарних частинок було встановлено, що їхній електричний заряд слід вимірювати в дробових одиницях елементарного заряду електрона: $n|e|/3$, де n – ціле число.

Крім скалярних атрибутів з числовими значеннями в певній системі одиниць, є атрибути, значення яких репрезентуються більш складними математичними структурами.

Простим прикладом є прискорення тіла – макроскопічної реалії класичної механіки. Значеннями прискорення є вектори у тривимірному евклідовому просторі. Векторами називається сукупність величин, яка певним чином змінюється при перетворенні системи координат. Векторами характеризуються також і атрибути електромагнітного поля, такі, як напруженості електричного та магнітного полів.

Зазначимо, що розглядаючи внутрішню структуру реалії як її атрибут, можливо зіставити їй декілька змістовних шкал, значеннями яких є певні лінгвістичні конструкції. Це часто використовують фахівці для конкретизації досліджуваних структур. Наприклад, відповідними дихотомічними шкалами є множини {стійка, нестійка} або {стабільна, нестабільна}. Крім дихотомічних, має сенс розглядати й інші шкали структурності, такі як {елементарна, проста, складна, багаторівнева}. Оскільки лінгвістичні конструкції в природознавстві повинні відображати властивості матеріального світу, то всі ці шкали (класифікації) набувають конкретного змісту, якщо застосувати їх до реальних об'єктів. Хрестоматійним прикладом такого уречевлення є застосування геометричної теорії просторового упорядкування абстрактних об'єктів при аналізі властивостей реальних кристалів, квазікристалів, рідких кристалів, колоїдних структур тощо.

Ясна річ, що значення будь-якого атрибуту для кожної окремої реалії не «викарбовано» на ній заздалегідь та навічно. Для його знаходження треба попрацювати, виконавши певні дії або із самою реалією або із її знаковою моделлю. В першому випадку йдеться про належним чином сплановані експерименти, в яких вимірюються значення атрибутів. У другому – про певні символічні або математичні дії зі знаковою, побудованою у термінах певної фізичної теорії [4], моделлю реалії, які мають на меті отримання чисельного значення атрибуту та його зіставлення із вимірним значенням.

У стислій та узагальненій формі можна вважати, що абстрактну властивість репрезентує впорядкована трійка $\mathbf{A} = (D, \mu, S)$, де D множина реалій (точніше кажучи, множин на їхніх назв, яка, за обґрунтованими припущеннями, є базою (носієм) цього атрибуту, множина S – шкала його значень, а μ є описом дій по зіставленню елементам, які позначаються назвами із множини D , відповідних значень атрибуту із множини S .

Наприклад, візьмімо абстрактну властивість, що моделює такий атрибут макроскопічних фізичних реалій, як електричний опір. Варто зауважити, що цей атрибут є вторинним по відношенню до атрибуту "електричний струм", поняття якого сформувався лише на початку 19 століття завдяки трудам французького фізика Андре-Марі Ампера. Тут множина D складається з усіх таких реалій – матеріалів. Дії μ часто (не завжди!) виконуються за допомогою приладу, який має назву «омметр», котрим користуються, згідно з певними правилами. Значення електричного опору (одиницею його вимірювання в системі СІ є «Ом») приймають числові значення із множини дійсних чисел.

Цими реаліями можуть бути різні матеріали, природні та штучні, котрі безперервно створюються хіміками та матеріалознавцями. Серед них виділяють два великих класи – метали та напівпровідники (діелектрики) – в залежності від температурного ходу електричного опору. Певна річ, що такий простий розподіл не вичерпує всіх можливостей, які демонструє величезне різноманіття відомих матеріалів, а тому залежності опору від температури в широкому їх діапазоні, поряд із оптичними характеристиками, зазвичай використовуються для попереднього визначення класу кожного матеріалу та його якісної характеристики. Значення опору залежать не тільки від температури, але й від інших фізичних факторів, наприклад, від освітленості, величини струму, присутності сторонніх домішок, тощо. Більше того, дослідження більшості (немагнітних) металів і сплавів при температурах близьких до абсолютного нуля привело до відкриття явища надпровідності, коли значення їхнього електричного опору при зменшенні температури стрибком падає до нуля. Такі речовини називають надпровідниками.

Наведемо ще один змістовний приклад атрибутів для реалій різного штибу. Почнемо із сукупності небесних тіл у Сонячній системі. Всім їм приписується (і цілком слушно!) такий атрибут, як маса (скалярна величина). Значення маси належать до множини

дійсних чисел, які характеризують у відповідних одиницях вимірювання атрибути для кожного відомого небесного тіла, яке знаходиться в Сонячній системі. Більш того, астрономи переконані, що навіть ще не відкриті небесні тіла теж будуть мати певне значення маси. На відміну від предметів у нашому оточенні, планети не можливо зважувати на якихось навіть дуже великих терезах. Тому астрономи не мають змоги для безпосереднього вимірювання значень їхньої маси. Але, використовуючи закони небесної механіки та спираючись на накопичені раніше дані кількісних спостережень за рухом планет, учні обчислюють значення їхньої маси та передбачають з певною точністю та імовірністю їхні майбутні траєкторії. Передбачені обчислені значення зазвичай підтверджуються наступними спостереженнями за рухами планет, що свідчить про те, що (1) засади небесної механіки справедливі та (2) значення мас планет розраховані правильно. На перший погляд, лише великий розмір та значна маса (у порівнянні, наприклад, з астероїдами, яких у Сонячній системі хоч греблю гати) є підставою для виділення класу планет серед небесних тіл, які тримаються гравітацією Сонця в його околі. Але цікаво зазначити, що тут у гру вступають певні міжнародні домовленості/конвенції. Так, у 2006 році Міжнародний астрономічний союз ухвалив змістовне визначення терміну «планета»: «небесне тіло, що (а) обертається навколо Сонця, (б) має достатню масу для того, щоб його власна гравітація переборола сили зчеплення між частинками матеріалу, з якого побудовано тіло, що зумовлює рівноважну (майже круглясту) гідростатичну форму планети та (в) має «вчищену [від небесних тіл того ж розміру – Авт.] околицю» на своїй орбіті». «Карликова планета» не є супутником іншої планети та задовольняє двом першим умовам, але не третій. Всі інші тіла, за виключенням супутників, є «малими тілами сонячної системи». Наслідком цього нового визначення стало зниження планетарного статусу Плутона, який став тлумачитися як карликова планета [5]. Іншими атрибутами небесних тіл є їхні положення в просторі та шляхи пересування в ньому або траєкторії. В такому випадку однією зі шкал для таких атрибутів є тривимірний векторний евклідов простір. Якраз вивчення кількісних значень цих атрибутів стало джерелом для формулювання Йоганном Кеплером трьох відомих емпіричних законів обертання планет навколо Сонця.

Конструкція абстрактної властивості відкриває можливості для побудови низки змістовних класифікацій атрибутів. Розглянемо деякі з них.

Атрибути різних порядків

Атрибути різного порядку відносно зафіксованої множини D однакових або однотипних реалій $d \in D$ моделюються абстрактними властивостями, які вводяться індуктивним шляхом. Атрибутом нульового порядку відносно реалії $d \in D$ є сама реалія d . Він моделюється наступною абстрактною властивістю ${}^0A(d) = (D, {}^0\mu, {}^0S = D)$, де ${}^0\mu$ зіставляє кожний елемент $d \in D$ з ним самим. Змістовно це означає, що реалія d тотожна сама собі, що відповідає неформальному розумінню її атрибуту «тотожність».

Атрибут першого порядку реалії d моделюється абстрактною властивістю ${}^1A(d) = (D, {}^1\mu, {}^1S)$. Атрибут $n+1$ -го порядку реалії d моделюється абстрактною властивістю ${}^{n+1}A(d) = ({}^nA(d), {}^{n+1}\mu, {}^{n+1}S)$, де ${}^nA(d)$ відповідає атрибуту n -го порядку реалії d , ${}^{n+1}\mu$ означає опис дій із зіставлення елементів, які позначаються назвами з множини ${}^nA(d)$, відповідних значень атрибуту з ${}^{n+1}S$, а ${}^{n+1}S$ – шкала атрибуту ${}^{n+1}A(d)$ $n+1$ -го порядку реалії d .

Таке моделювання атрибутів різного порядку відповідає науковій практиці, в якій деякі атрибути можуть розглядатися як реалії, котрі досліджуються за допомогою власних атрибутів, тобто атрибутів атрибутів або атрибутів другого порядку відносно вихідної реалії. Наведемо декілька прикладів атрибутів різних порядків.

Атрибутами першого порядку фіксованої складеної реалії є її складеність з інших реалій (складників або інгредієнтів), тип зв'язків між складниками, процеси, котрі відбуваються всередині складеної реалії, взаємодії, які забезпечують її існування, тощо. Скажімо, атрибутами першого порядку стосовно такої реалії, як атомні ядра, є їхня побудова з нуклонів та наявність специфічної сильної ядерної взаємодії між останніми, котру в першому наближенні можна розглядати як обмін пі-мезонами. Іншим атрибутом першо-

го порядку відносно якогось атомного ядра є його здатність припинити своє існування завдяки α -, β - або більш екзотичним способам розпаду (включаючи спонтанне ділення на менш масивні дочірні ядра). Атрибутами другого порядку щодо ядер є атрибути їхніх складників, тобто нуклонів. Прикладом є розподіл нуклонів на протони та нейтрони та складеність самих нуклонів із кварків. Атрибутами другого порядку є також характеристики процесів розпаду, зокрема, середній час життя певного типу ядер або параметри потенціального бар'єру, який треба подолати частинці, що вилітає з материнського ядра. Цікаво, що, як з'ясувалося ще на початку досліджень у царині ядерної фізики, ці атрибути визначаються щодо *сукупності* однакових (тотожних) ядер, оскільки процеси ядерних перетворень носять імовірнісний характер.

Атрибутами другого порядку відносно реалій є атрибути відношень між реаліями, зокрема, тип відношень, механізми, які забезпечують існування відношень, тощо. Атрибутами другого порядку реалій є також такі атрибути їхніх станів (атрибутів першого порядку) як стабільність (нестабільність) та тривалість існування.

Конче важливими для природничих наук атрибутами різних реалій є притаманним симетрії. Для реалій різного ґатунку симетрії мають різний характер. Наприклад, для неперервних симетрій та за відсутності дисипації атрибути симетрії можна пов'язати із певними законами збереження (теорема видатного німецького математика Еммі Нетер).

Монадні (одномісні) та багатомісні атрибути

Множина реалій D може складатися як із індивідуальних реалій, так і з їхніх пар, трійок тощо. В першому випадку атрибути є монадними або одномісними, у другому діадними, тріадними тощо (багатомісними). Так, наприклад, у фізиці елементарних частинок, взагалі кажучи, вважають масу частинок одномісним атрибутом, хоча *походження маси* може бути пов'язаним (так воно скоріше за все й є) із втратою симетрії, яка відбувається внаслідок багато-частинкових взаємодій у рамках квантової теорії поля. Цікаво, що не одномісний характер атрибуту «маса» передбачав більше, ніж століття тому видатний австрійський фізик і філософ Ернст Мах, який вважав, що маса окремої фізичної реалії якимось чином пов'язана зі Всесвітом, тобто є багатомісним атрибутом. Варто навести подальші приклади, пов'язані з основними поняттями сучасної фізики. В нерелятивістському наближенні для будь-якої матеріальної реалії можна виокремити енергію спокою, значення якої обчислюється за відомою ейнштейнівською формулою $E_{rest} = mc^2$, де m є (скалярною) масою спокою, а c є швидкістю світла у вакуумі, та кінетичну енергію, значення якої залежить від системи відліку. Енергія спокою – це монадний (одномісний) атрибут, а кінетична енергія – двомісний. У фізиці елементарних частинок розрізняють власну масу та додаткову складову масу окремого кварку в адроні (елементарна частинка, яка бере участь у так званій сильній взаємодії). Якщо перша є одномісним атрибутом, то друга – ні. Складову масу кварку в адроні розраховують як результат його взаємодії з іншими кварками завдяки обміну певними бозонами – глюонами. В цьому сенсі цю частину маси кварку можна тлумачити як багатомісний атрибут.

Розглянемо найпростіше моделювання двомісних атрибутів за допомогою наступної абстрактної властивості. А саме, якщо у випадку монадних атрибутів множини D складаються з окремих реалій, то для діадних (двомісних) атрибутів множина D є декартовим добутком двох множин реалій. Між елементами цих складових множин існує суттєвий зв'язок, який має певний (фізичний) сенс. Наприклад, діадним атрибутом у світі елементарних частинок є інтенсивність різних взаємодій між ними. Для фізичних умов у Всесвіті, що наразі склалися, можна виокремити гравітаційну, слабку, електромагнітну та сильну взаємодії, інтенсивності яких відносяться як $1: 10^{25}: 10^{36}: 10^{38}$. Для опису будь-якої із цих взаємодій потрібно розглянути множину реалій D , яка складається з декартового добутку двох множин, котрі утворені елементарними частинками.

У класичній фізиці, де можливістю вимірювального приладу впливати на результати вимірювання повністю нехтували, були підстави в процесі знаходження значень атри-

бутів класичних реалій абстрагуватися від цих приладів, тобто вважати, що множина D утворюється виключно досліджуваними фізичними реаліями. Це означає, що атрибути класичних реалій переважно тлумачилися як монадні. Натомість, у квантовій фізиці (фізиці мікросвіту) вимірювальний прилад може суттєво змінити поведінку досліджуваної реалії. Отже, значення квантового атрибуту залежать не лише від реалії, а й від вимірювального приладу та вибору процесу вимірювання. Тому, взагалі кажучи, має сенс репрезентувати носій D як декартів добуток множини квантових реалій на множину вимірювальних приладів. У такому випадку атрибути квантових реалій репрезентуються діадними абстрактними властивостями.

Вже майже століття дебатується принципове питання стосовно онтичних наслідків «двомісності»/«діадності» атрибутів квантових реалій. Чи можна визнавати існування квантових реалій, незалежне від дослідника та його втручання у квантовий світ? Прихильники традиційної копенгагенської інтерпретації квантової механіки та інших численних підходів вважають, що ні – не можна! Незважаючи на те, що адептами цієї, ідеалістичної, точки зору на світ є переважна більшість фізиків та філософів фізики, подекуди не перевелися й прихильники протилежної точки зору, до яких належать і автори цих тез [6]. Згідно з цією спільною (попри деякі менш суттєві розбіжності вже між ними) думкою, квантові реалії, так само, як і класичні, існують незалежно від дослідників та їхніх приладів. Їхня ж дивна, з класичної точки зору, поведінка пояснюється специфікою відповідних атрибутів, що є наслідком квантової природи реальних мікроскопічних природних реалій та явищ.

Природа «не зобов'язана» вести себе, як сукупність класичних об'єктів. Водночас, її квантові реалії, які можуть бути досить великими за розміром (наприклад надпровідники, електрони яких складають єдину, суттєво квантову, систему із певною фазою, в чому можна пересвідчитись, спостерігаючи так званий струм Джозефсона), існують об'єктивно, поза нашою свідомістю та аж ніяк не зникають у небуття, якщо експериментатор раптом відволічється та відвернеться від експериментальних установок та вимірювальної апаратури.

Література:

1. Уемов А. К проблеме определения понятия системы и системных параметров на языке тернарного описания // Промышленная кибернетика. – Киев, 1971. – С.248-255; Уемов А. Язык тернарного описания как новый вариант неклассической логики // Современная логика. Материалы VIII Общероссийской научной конференции. 24-26 июня 2004. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 437-440.
2. Уемов А. Категории метафизики и метафизика категорий // Вут і jego ројесіє / Rzeszow (Polska), 2003. – С. 309 – 319; Уемов А. Лекции по метафизике, в 2 ч. – Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова. — Одесса: Астропринт, 2009 с.; Уемов А. Лекции и задачи по метафизике, в 2 ч. (Часть II в соавторстве с Терентьевой Л.) – Одесса: Астропринт, 2010; Уемов А. Метафизика. – Одесса, Астропринт, 2010.
3. Бургин М. Абстрактная теория свойств // Неклассические логики. – Москва: Институт философии АН СССР, 1985. – С. 109—118; Burgin M., Kuznetsov V. Properties in Science and Their Modelling // Quality and Quantity, 1993, 27: 371–382.
4. Габович О., Кузнецов В. Проблеми як внутрішні структури систем наукового знання // Філософські діалоги'2015. До 85-річчя академіка Мирослава Поповича. Філософія. Культура. Суспільство // Зб. наук. праць. – Київ: Інститут філософії ім. Г.С.Сковороди НАНУ, 2015. – С. 132-154.
5. Slater M. H. Pluto and the Platypus: An Odd Ball and an Odd Duck – On Classificatory Norms // Stud. Hist. Philos. Sci., 2017: 61, 1–10.
6. Габович А., Кузнецов В. Существует ли г-н Сонг, которого мы не наблюдаем? // Трибуна Успехи физических наук, 2013 <http://ufn.ru/tribune/trib122.pdf>.

О. Е. Гончарова

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЯДРО КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ ПО ПРОБЛЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И АВТОМОБИЛЯ

Современный высокий уровень жизни человека достигнут во многом благодаря автомобилю. Автомобиль в значительной мере сформировал современную экономику, культуру, политику и общество. Вместе с тем, увеличение автомобильного парка и его техническое совершенствование стало одним из мощных факторов экологического кризиса. Однако наиболее серьезную опасность автомобиль представляет для человека. Провозглашение Генеральной Ассамблеей ООН 2011–2020 гг. десятилетием действий по безопасности дорожного движения свидетельствует о том, что это серьезная проблема международного значения. Для ее решения необходимы *фундаментальные* сдвиги в философии безопасности.

В существующих научных подходах, разработанных для решения проблемы безопасности дорожного движения, отсутствует единство взглядов и методов. Исследователи часто используют такие слабо проработанные наукой термины, как «риск» (теория вероятности), «катастрофа» (теория катастроф), «надежность» (теория надежности), «ущерб» и «уязвимость», что нередко еще больше усложняет проблему. Нестыковка методологий, на наш взгляд, является главным препятствием для выработки общей теоретической базы проблемы безопасности. Это свидетельствует о том, что наукой еще не разработана *парадигма безопасности*.

Сегодня общепризнано, что многие из экологических, социальных, экономических и политических проблем, в том числе проблем безопасности, являются глобальными, сложными и нелинейными, и их решения упираются в актуальную проблему, связанную со становлением *парадигмы сложности*, так как она позволяет увидеть проблему комплексно, во взаимосвязи многих систем и процессов.

На фоне технологического развития начал формироваться новый тип технических систем, в которых при увеличении количества разнородных компонентов, связей между ними, их свойств, процессов и отношений саму систему стали рассматривать как *целостную*. При исследовании таких систем акцент сместился с анализа ее частей на рассмотрение ее как целого. Внимание же современной инженерной мысли при проектировании обращено на *связи и взаимодействия* между человеком и машиной, между ними и окружающей средой, а также на их тип и характер. На современном этапе рассматриваются **киберфизические системы** [К. Майнцер, 2016], посредством которых моделируются сложные социотехнические системы, в значительной мере самоуправляемые. Основаниями для понимания самоорганизации и эмерджентности в таких системах служат математическая теория сложных систем и нелинейная динамика.

Для обеспечения безопасности таких систем необходимо выработать общую стратегию исследования через реформу самих принципов нашего познания.

Нами акцентируется внимание на методологических аспектах решения проблемы безопасности. Предлагается понятие сложной *макросистемы нового типа* [B–A–C], в которой как самостоятельные «целые» взаимодействуют системы разного класса – водитель, автомобиль, среда. Полагаем, что главной причиной ДТП является изначальная несовместимость систем: автомобиля как линейной системы, человека и среды – как открытых, нелинейных, самоорганизующихся сред. Речь идет о разноклассности систем, входящих в макросистему [B–A–C], которая приводит к возникновению критической рваности при их взаимодействии [И. Ершова-Бабенко, О. Гончарова, 2009].

Эдгар Морен, французский философ и социолог, классик теории систем, в центре которой – принципы непредопределенности, самоорганизации и диалогичности, выделяет два фундаментальных аспекта сложности: 1) *холизм* (соединение частей или элементов с образованием единого целого, обретающего новые свойства), 2) всякое сложное

познание/явление/структурообразование в природе и обществе раздираемо глубокими нередуцируемыми противоречиями, которые не столько разрушают сложное, сколько, как это ни парадоксально, строят его, как говорят теоретики организованной критичности, балансирует на краю хаоса. Истина в объединении антагонистических, но вместе с тем и дополняющих друг друга понятий [Э. Морен, 2013].

В работе предлагается объединить ключевые слова и организовать семантическое ядро, в котором наглядно видны антагонистические пары, конфликт между которыми приводит либо к развитию, либо к разрушению всей системы. Взаимодействие ключевых смыслов (семантическое ядро) данной работы можно организовать на основе объёмных тел Платона, применив *know how* исследователя Езерского В.Б., автора #AlphaGravity. Тела Платона – это выпуклые многогранники, все грани которых правильные многоугольники, их именно пять (это доказал Евклид) – правильный тетраэдр, куб, октаэдр, додекаэдр и икосаэдр. Четыре из них олицетворяли четыре стихии: тетраэдр-огонь, куб-землю, икосаэдр-воду и октаэдр-воздух; пятый же многогранник, додекаэдр, символизировал все мироздание. Данной работе и её 12 ключевым словам соответствует икосаэдр – двадцатигранник, тело, ограниченное двадцатью многоугольниками; правильный икосаэдр ограничен двадцатью равносторонними треугольниками. Раскрывая конфликт противоположных пар понятий, энергия конфликта начинает работать на созидательную, неразрушающую сторону взаимодействия систем в макросистеме [В–А–С], в противном случае при достижении между конфликтующими парами критической разности/критического порога разрушение макросистемы неизбежно.

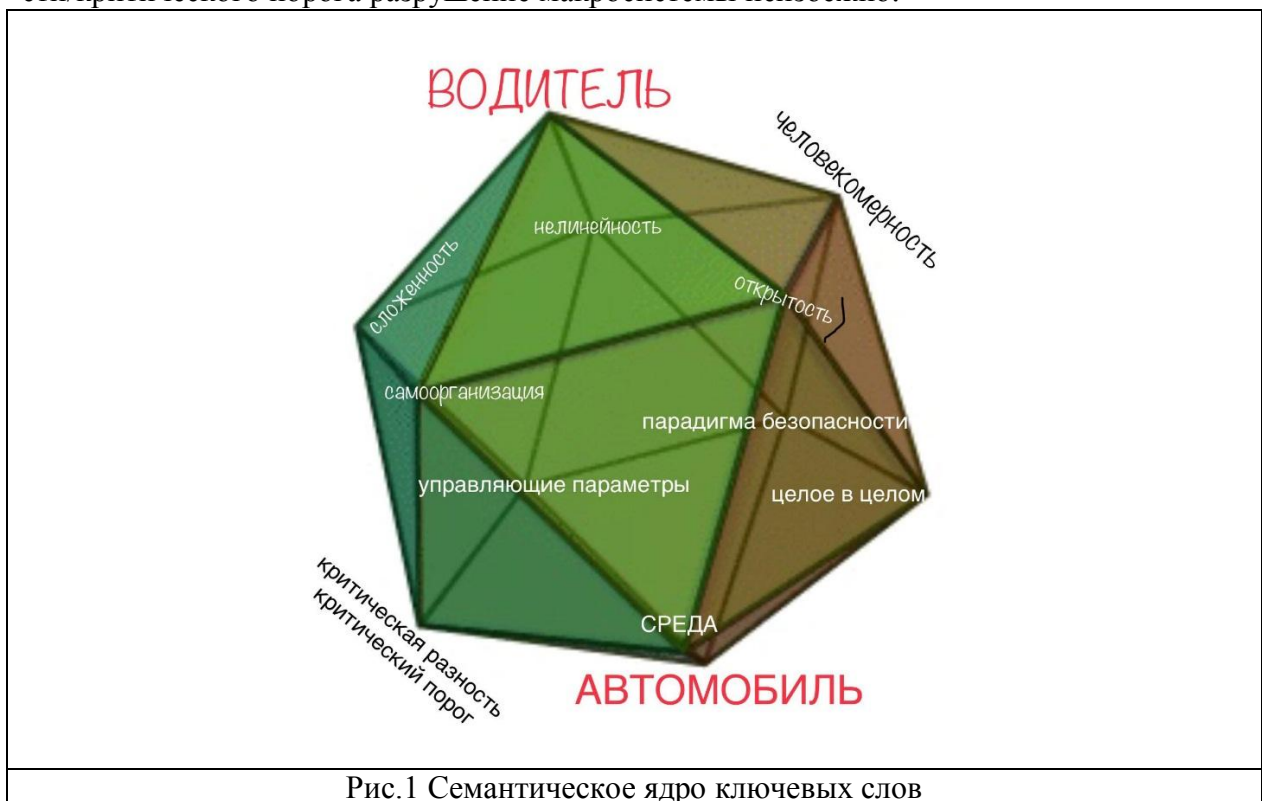

Рис.1 Семантическое ядро ключевых слов

Литература:

1. Майнцер К. Исследуя сложность: от искусственной жизни и искусственно-го интеллекта к киберфизическим системам / К. Майнцер // Инновационная сложность [Составитель и научный редактор Е.Н. Князева]. – СПб.: Издательский дом «Алетейя», 2016. – С. 469–508.
2. Гончарова О.Е. Проблемы методологии исследования человекомерных систем типа «водитель–автомобиль–среда» в контексте постнеклассики / О.Е. Гончарова // Материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием «КОНСТРУИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА». – Томск, ТГПУ, 26 – 29 апреля 2011года. – С. 137-145. url: <http://www.ipr.tomsk.narod.ru>.

3. Ершова-Бабенко И. В. Психосинергетика. Монография / Ирина Викторовна Ершова-Бабенко. – Херсон: Гринь С.В., 2015. – 432с.
4. Морен Э. Метод. Природа Природы /Эдгар Морен; перевод и вступительная статья Е.Н. Князевой. – Изд. 2-е, доп. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. – 488 с.

*И. А. Донникова***АНТРОЛОПОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЛОЖНОСТИ**

Сложность – один из главных концептов современной науки, который используется также в качестве методологического и онтологического принципа. В парадигме сложности представлены различные интерпретации этого концепта, раскрывающего свойства физической реальности, общества, человека, мышления и познания (И. Пригожин, Г. Хакен, Э. Морен, К. Майнцер, В. Степин и др.).

Сложность появляется тогда, отмечает Э. Морен, «когда различные элементы целого становятся неотделимыми друг от друга и когда существует взаимная интерактивная и взаимная ретроактивная ткань между ... частями и целым, целым и частями, частями между собой... Поэтому сложность представляет собой связь между единством и множественностью» [2, с. 49]. Таким образом, концепт объединяет две основные идеи: сложность предполагает холизм, целостность мира (и сложных объектов как его частей); сложность сопряжена с самоорганизацией, способностью трансформировать внутренние противоречия в развитие.

При анализе сложности в центре внимания оказываются *взаимодействия* «равно-мощных сложностей, которые взаимно рекурсивно обуславливают друг друга, возникают и творятся в этом процессе, выступая одновременно и причинами, и результатами, следствиями взаимодействия» [1, с. 9-10]. Полагаем, что содержание концепта сложности может быть дополнено антропологическими и философско-культурологическими интерпретациями, поскольку и культура, и человек – это «части» сложного мира, им порожденные и участвующие в его эволюции.

В своих рассуждениях нами используется мысль Э. Морена о «антропо-социо-информационном развертывании» – переходе биологической вселенной в антропосоциальную, которая буквально разворачивается «из» человека со всем набором его сущностных характеристик [2, с. 402]. Именно поэтому представляется корректным обозначить это развертывание как антропологическое, означающее, что, во-первых, в процессе самореализации человека, вместе с ним формируются условия для этого развертывания; во-вторых, антропологическая сложность в процессе своего «развертывания» порождает конфликты и противоречия, благодаря, вопреки и вместе с которыми происходит ее разворачивание, и истоки которых коренятся в человеческой сущности. В таком контексте становится понятным назначение культуры, которая в общем понимании представляет создаваемые человеком «правила» развертывания «антропосоциальной вселенной», следуя которым человек переводит продуцируемые им конфликты в творчество.

Концепт антропологической сложности и вводится нами для выявления и обоснования роли культуры в становлении человека и общества. Казалось бы, ответы на эти вопросы самоочевидны, однако в современных исследованиях культурологического характера понятие культуры, как правило, используется без уточнения его содержания. Многие современные трактовки культуры, на наш взгляд, лишены онтологического обоснования, «зависают в воздухе», подпитывая аксиологический релятивизм. Раскрывая взаимодействие человека и культуры через концепт сложности, мы осуществляем их «привязку» к сложноорганизованному миру с набором соответствующих свойств и закономерностей. Антропокультурная онтология обретает основу.

Парадигма сложности вобрала в себя многие положения синергетической парадигмы – о нелинейности, неустойчивости, бифуркациях, самоорганизации и т.д. Было бы логичным для анализа человека и культуры, социокультурной реальности как сложности, создаваемой человеком, использовать понятия человекомерности или человекомерности. Тем не менее, концепт антологической сложности представляется нам содержательно более точным.

Если отвлечься от гносеологического аспекта понятия «человекоразмерность» (В. Степин обозначил им объекты постнеклассической науки), речь идет об онтологически «размерных» человеку объектах. Они находятся в едином пространственно-временном континууме, связаны человеческой деятельностью, а потому могут быть рационально описаны языком науки.

Человекомерность – по содержанию понятие шире, поскольку предполагает любые объекты, которые реально или виртуально попадают в поле зрения человека, к которым человек может «приложить свою меру». В мировоззренческом смысле человекомерность связана с антропоцентризмом в завуалированной форме, поскольку человек стремится разместить мир в границах своего существования (или разума). Мир сужается, его сложность становится для человека тайной или большой научной проблемой.

Признание сложности мира и сложности мышления требует, на наш взгляд, отказа от понятия человекомерности, поскольку и человек и мир выявляются свою *многомерность*. Антропологическая сложность означает, что необходимо постигать закон (законы) – о – мерности человека, человеческого бытия, согласующиеся с законом (законами) «мерности» мира. В таком контексте по-иному звучит известная формулировка: «Культура – это мера человеческого в человеке».

Концепт антропологической сложности позволяет рассматривать отношения человека и культуры вариативно, по принципу взаимодействия «сложного со сложным» (как равноправных сложностей) или/и «сложного в сложном» (как «вложенных» друг в друга, соподчиненных сложностей). В первом случае можно говорить о сетевой модели взаимодействия, во втором – системной, предполагающей определенную иерархию частей и целого. Но в обоих случаях на первый план выходит сам процесс взаимодействия человека и культуры, который именно в силу своей сложности обуславливает их становление и приспособление друг к другу.

Важной, на наш взгляд, является возможность объяснения со-творчества человека и культуры, а также присущую их отношениям неоднозначность и противоречивость. В онтологическом плане, нуждаясь друг в друге, человек и культура, тем не менее, никогда полностью не совпадают. Они и избыточны, и недостаточны по отношению друг к другу.

Человек содержит в себе множество онтологических проектов, ни один из которых не реализуется полностью. В. Табачковский выделил полисущностность как онтологическую характеристику человека, которая задает множество способов и направлений его самореализации, определяет фундаментальную потребность в поиске смысла как гаранта устойчивости его существования [4].

Сам для себя человек всегда – возможность, «навигатор», в определении российского философа С. Смирнова. Навигация начинается тогда, когда поиск не может закончиться получением готового места и готового искомого предмета-ориентира. «Человек не может получить опоры, не может сориентироваться, не узнаёт, не слышит, не видит, не чувствует... Прежде всего потому, что во внешнем мире он не находит опор. Он нуждается в ином – в поиске себя. Но его как внешнего ориентира нет и быть не может. Он вынужден ещё только прийти к нему, точнее, создать» [3, с.189]. Прокладывание собственного пути невозможно без ориентиров, которые человек обнаруживает в культуре.

Однако, будучи по своему сущностному определению «навигатором», человек становится и создателем, и разрушителем культуры. Он пребывает в поиске новых способов и форм самовыражения, поэтому для него всегда априорно неактуально уже созданное, воплощенное в культуре, что вынуждает его выходить за обозначенные им же границы антропологического. Культура же, стимулируя человека к творчеству, расширяет границы его бытия, и в тоже время, устанавливает эти границы через нормы и ценности. Тем самым, в культуре всегда есть неучтенное (невыраженное) человеческое, а в человеке – неучтенное (невыраженное) культурное. Это определяет неустойчивость и нелинейность антропологической сложности, которая всегда «предрасположена» к неожиданным трансформациям, либо приводящим к ее обновлению, либо угрожающим ей распадом.

Тем не менее, становление антропологической сложности как части сложного мира возможно при создании, воспроизводстве и обновлении специфических человекоберегающих, защитных «технологий», представленных культурой. Следовательно, вопрос о том, как возникает культура, предполагает осмысление того, как возникает и сохраняется собственно человеческое, и наоборот. В антропологической сложности выявляется культуротворческий потенциал человека (культурогенность человека) и человекотворческий потенциал культуры (антропогенность культуры).

Литература:

1. Аршинов В.И., Князева Е.Н. Предисловие // Синергетическая парадигма. «Синергетика инновационной сложности». – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – С. 9 – 12.
2. Морен Э. Образование в будущем: семь неотложных задач / Э. Морен // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. – М.: Прогресс – Традиция, 2007. – С. 24 – 96.
3. Смирнов С.А. Антропологическая навигация. Введение в концепт – Человек. RU. – 2017. – № 12. – С. 159–191.
4. Табачковський В.Г. Полісутнісне homo: філософсько-мистецька думка в пошуках «неевклідової рефлексивності». — К.: Видавець ПАРАПАН, 2005. – 432 с.

*К. И. Зобенко***ОСОБЕННОСТЬ ДИХОТОМИИ «СОЗНАНИЕ» И «МЫШЛЕНИЕ»,
ИХ КОРРЕЛЯЦИЯ С ЯЗЫКОМ**

В сравнении от ученых древности, современное знание о мире и человеке в нем достигло такой степени фрагментации, что порой трудно найти точки сопряжения для знаний полученных частными науками. Так проблема взаимосвязи категорий мышления и сознания решалась в работах многочисленных ученых, подходивших к вопросу с позиций различных естественнонаучных и антропологических дисциплин, в том числе и лингвистических. И, несмотря на это, в науке еще нет четкого разграничения категорий сознание и мышление, что приводит в некоторых исследований к их синонимии или противопоставлению.

В качестве некоего ориентира в понимании, что такое сознание, примем такие формулировки:

Сознание – это некое аморфное образование, и невоспроизводимо, неизмеримое в физическом смысле ввиду своей деятельности.

Сознание – это субъективная способность человека осуществлять рефлексию содержания мира и самого себя в порождаемых им самим образах, в когнитивных структурах рационального и эмоционального плана, которые так или иначе затронуты в мнемических процессах, вовлеченных в них, и сохраняемые в сознании с разной степенью продолжительности, а также в разной степени, подвергающиеся языковой объективации.

Так, транспортировка когнитивных структур в долговременную память уже есть акт мышления, который может проходить как с вербализацией процесса, так и без вербализации; порождение речи в речемыслительных процессах есть одновременно и акт мыслепорождения. [Жинкин, 1964; Горелов, 1998]. И тогда мышление является той функцией сознания, которая приводит в движение все процессуальные составляющие сознания, организует и запускает механизмы речи, восприятия, памяти и когниции.

Непосредственно сам «процесс мышления» и «сознание», образуют в совокупности абстрактное человеческое мышление. Которое представляет собою комплексность как постоянное взаимодействие между ними, в котором же они, взаимодействуя одно с другим, непрерывно переходят из одного механизма в иной.

Абстрактное мышление человека, таким образом, являет собою сложный двухсторонний, взаимопроникаемый, и взаимообусловленный способ отражения действительности. Причем каждая составная часть абстрактного мышления [процесс мышления и сознание] императивно необходимы: без процесса мышления как динамики мышления нет сознания, оно не будет накоплено и систематизировано, а без сознания как относительно статичного состояния накопленных знаний не может быть осуществлен сам процесс мышления.

Процесс абстрактного мышления человека имеет два уровня материализации: первичный – в нейронах мозга, выступает в виде внутреннего мышления, внеречевого, зачастую данный процесс не осознается человеком, иногда его называют “языком мозга”. И вторичный уровень – выступает в виде не только внешне выраженной системы материальных знаков, но также и как “внутренняя речь”, которая осуществляется в знаках, т.е. вербальное, речевое мышление.

Первичный уровень мышления (авербальное мышление), “язык мозга” - это процесс мышления, условно говоря, без слов, хотя неосознаваемые контуры системы языковых знаков могут присутствовать. Этот процесс часто называют “внутренней речью”, которой свойственны специфические формы – предикативность, свернутость и подобные.

Сознание уже имеет знания, которые сами производят мысль, минуя внутренне скрытую или внешне выраженную систему знаков. Внеязыковое мышление осуществля-

ется лишь на уровне нейронных связей мозга, как материальный, физиологический процесс в самом мозгу, воспроизводящий идеальное в виде неосознаваемых или лишь частично осознаваемых связей понятий.

Вторичный уровень мышления (языковое, вербальное мышление) – это уже процесс вынесения “внутренней речи” за пределы мозга посредством материальных условных знаков, устных и письменных, процесс коммуникации.

Агнация языка и мышления и их комплексность свидетельствуют о том, что свое наиболее точное выражение мысль отражает именно в языке. С помощью языка можно изучить структуру сознания, частично изучить когнитивные процессы, протекающие в человеческом мозге. Непосредственное функционирование языка, окружающей действительности, мыслительных процессов человека и сознания обусловлено их интеграцией.

«Я слово позабыл, что я хотел сказать.../ И мысль бесплотная в чертог теней вернется...» – это тонкое наблюдение, принадлежащие О. Мандельштаму, метафорически выражает убеждение в том, что взаимоотношения сознания и мышления могут породить речь.

Понимание языка как существенного условия позднейшего совершенствования мысли является одним из основополагающих тезисов современного междисциплинарного подхода к изучению языка в непрерывной связи с процессом мышления и сознания в целом, и их взаимообусловленности. Язык становится основной формой объективации сознания.

Литература:

1. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование. Язык и интеллект. – М.: «Прогресс», 1996. – С. 416.
2. Лурия Ф.Р. Язык и сознание / Ф.Р. Лурия; под ред. Е.Д. Хомской. – Рн/Д: Феникс, 1998. – С. 164.
3. Jackendoff, R. *Consciousness and the Computational Mind*, Cambridge, Massachusetts, Bradford Books/MIT Press. 1987.
4. M. Davis, 'Externalism and Experience', A. Clark, J. Ezquerro, and J. M. Larrazabal, *Philosophy And Cognitive Science: Categories, Consciousness, and Reasoning*, Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1996, p. 1–33.
5. Fodor, J. *Concepts: Where Cognitive Science Went Wrong*. New York: Oxford University Press. 1998.

А. С. Ивченко

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ИССЛЕДОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА П. АДО

Пьер Адо для современной философии – фигура значительная. Подтверждением этому служит влияние, которое его исследования оказали, к примеру, на творчество Мишеля Фуко, на его разработку практик «заботы о себе». Однако наиболее значителен вклад П.Адо в изучение античной философии.

Перевод текста П.Адо «Покрывало Изида» в 2017 году на украинский актуализировал исследования всего философского наследия этого французского исследователя. Особый интерес представляют существующие ракурсы изучения творчества этого мыслителя.

Анализ некоторых англоязычных текстов, в которых анализируется творчество П. Адо, позволяет зафиксировать несколько актуальных направлений исследования. Первое может быть обозначено как анализ философский влияний на развитие оригинальной исследовательской позиции П.Адо. Второе направление связано с поисками ответа на вопрос о том, можно ли творчество Адо рассматривать в качестве оригинальной философской системы или его работы все же предстают примером качественных исследований по истории философии.

П.Адо отмечает, что важнейшим этапом его духовного пути стало знакомство с «Логико-философским трактатом» Л. Витгенштейна в конце 1950-х гг., в особенности с концепцией «языковой игры» и методического молчания за пределами опыта речи [5]. Именно тогда П. Адо начинает формулировать свою теорию античной философии как неразрывного единства философского дискурса и философского образа жизни.

Адо задумал рассмотрение философии как деятельности и нашел у Витгенштейна плодотворную точку зрения по этому поводу. По словам самого Витгенштейна, его книги – это беседы автора с самим собой. Витгенштейн пытается возродить сократовский тип философствования: главный пафос философии направляется на практическое философствование, философская теория уступает место философской практике. Именно поэтому Витгенштейн так настойчиво подчеркивает, что он не собирается теоретизировать по поводу обыденного языка, что философия – не доктрина, а деятельность [1].

Следуя Витгенштейну, также пытается рассматривать философию как серию языковых, игр Адо отмечал, что каждая языковая игра должна рассматриваться в тех конкретных условиях, в которых она произошла [2]. Философская жизнь и философский дискурс соотносятся, с точки зрения Адо, диалектически: они и несоизмеримы, и нераздельны. Они несоизмеримы, поскольку философская жизнь может обойтись и без философского дискурса, которому не под силу выразить всю глубину ее экзистенциальной подоплеки, подчас связанной с экстраординарным опытом. Они нераздельны, поскольку их всесторонняя взаимозависимость обуславливает полноту философского мировосприятия, осознанно доведенного до практической реализации. Взаимовлияния философского дискурса и жизненных практик согласно П.Адо проясняется следующим образом:

во-первых, философский дискурс, определенный жизненным выбором, «озвучивает» и концептуально обосновывает этот выбор;

во-вторых, дискурс, выражая некое экзистенциальное предпочтение, становится средством активного воздействия философа на самого себя и на других и тем самым, по словам Адо, «выполняет образовательную, воспитательную, психагогическую, целительную функцию»;

в-третьих, он, представая в форме диалога мыслителя с самим собой или с другими, является упражнением в философском образе жизни [3].

В своих соотнесениях философского дискурса и философской жизни П. Адо исходит из тезиса о главенстве воли над разумом, практических действий на рациональным теоретизированием. Античная философия есть духовное упражнение, потому что она представляет собой образ жизни, форму жизни, жизненный выбор. Можно сказать, что эти духовные упражнения являются определенными формами экзистенции, они обладают экзистенциальной ценностью; они суть составная часть совершенно новой ориентации в мире, требующей само преобразования, метаморфозы самого себя. П. Адо резюмировал свою концепцию так: духовное упражнение - это «практика, нацеленная на то, чтобы совершенно изменить бытие» [4].

Известно, что П.Адо интересовался экзистенциализмом, сближением философии и поэзии. И, тем не менее, он все же решил стать историком философии и подготовил обширную филологическую работу по неоплатонизму и древней философии. И в настоящее время Пьер Адо рассматривается как один из самых крупных историков античной мысли нашей эпохи. К сожалению, не все исследователи полагают, что можно говорить о существовании оригинальной философской системы, разработанной П. Адо.

Французский мыслитель был озадачен постоянно всплывающей темой пресловутой «несвязности» античных философов. Соответствующие исследования и привели его к идее, что философские произведения античности создавались не для изложения системы, но с целью формирования: философ хотел заставить работать умы своих учеников или слушателей.

Испытав на себе труд историка философии, он заключает: историк философии не может не уступить философу как таковому, поскольку тот всегда должен сохраняться в историке-философе. И для решения этой задачи необходимо, чтобы с возрастанием ясности ума время от времени ты задавал себе следующий - решающий - вопрос: «Что это такое - быть философом?». Для Адо же самый полный и самый верный способ философского труда - быть одновременно философом и историком [2].

Литература:

1. Laugier S. Pierre Hadot as a Reader of Wittgenstein [Электронный ресурс] / Sandra LAUGIER // Edinburgh University Press. – 2011. – Режим доступа до ресурсу: <https://www.euppublishing.com/doi/pdfplus/10.3366/para.2011.0028>.
2. Forse P. The teeth of time: Pierre Hadot on meaning and misunderstanding in history of idea [Электронный ресурс] / Pierre Forse // Columbia University. – 2011. – Режим доступа до ресурсу: <http://www.columbia.edu/~pf3/hadot.pdf>.
3. P. Hadot. Philosophy as a Way of Life. Spiritual Exercises from Socrates to Foucault. Edited with an introduction by A.I. Davidson. Translated by M. Chase. Oxford UK.
4. Dreyfus H. and Hermeneutics [Электронный ресурс] / H. Dreyfus, P. Rabinow // The university of Chicago press. – 1983. – Режим доступа до ресурсу: https://monoskop.org/images/d/d4/Dreyfus_Hubert_L_Rabinow_Paul_Michel_Foucault_Beyond_Structuralism_and_Hermeneutics_2nd_ed.pdf.
5. Михайлов, П. Б. «Пьер Адо о философии природы, радости и ужасе бытия», В. К. Шохин, ред. Философия религии: альманах (2012–2013). – М.: Изд-во Восточная литература РАН, 2013. – С. 471–483.

О. С. Кирилюк

ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧНИЙ АНАЛІЗ ТЕРМІНУ «СПІВВІДНЕСЕНЕ» АРИСТОТЕЛЯ У КОНТЕКСТІ ПРОБЛЕМИ НЕПЕРЕКЛАДНОСТЕЙ

Аристотелівська філософська спадщина внаслідок її виключної ролі у розвитку світової філософії становить предмет інтерпретацій та тлумачень вже більше двох тисячоліть. У ній особливу увагу привертають ті розділи та змістовні моменти праць Стагірита, котрі мають проблемний характер. Серед цих проблем чи не на першому місці стоїть проблема метафізичних вимірів буття, серед них – його категоріальних визначень, зокрема, за допомогою «співвіднесеного». У наш час «співвіднесене» активно розробляється Л. М. Терентієвою у контексті з'ясування метафізичних підстав логіки, розробки власне логічних проблем та творчого розвитку теоретичного спадку А. І. Уйомова, праці якої показують не тільки глибоку обізнаність з аристотелівськими викладками з цього питання, але й дар талановитого інтерпретатора. Разом з тим проблема статусу та сенсу терміну «співвіднесене» потребує деяких уточнень, передусім – у лексично-синтаксичних аспектах, взятих наперед у контексті перекладу його з мови оригіналу. Перше – уточнення, складатиме мету цього матеріалу, друге можна вважати завданням, поставленим задля досягнення вказаної мети.

У своїх статтях на цю тему Л. М. Терентієва зазначає, що «категорія “співвіднесене” або “по відношенню до чогось” введена Аристотелем для позначення особливого зв'язку між об'єктами, коли їхня сутність виявляється від взаємного співвіднесення одного з одним» [9, с. 140]. І ось ми беремо п'яту книгу «Метафізики» чи працю під дуже привабливою назвою – «Категорії», і бачимо, що там йдеться про добре знайомі нам категорії – сутність, кількість, якість і серед них – окрему главу «Співвіднесене» і багаточисельні пояснення з використанням цього терміну. Попри те, що назви глав дані у квадратних дужках, що означає, що ці назви давав не Аристотель, а також наявність таких категорій, котрі для нас виглядають досить чудернацькими, але достатньо прозорими, щоб побачити за тими «коли» та «де» звичні категорії часу та простору, ми часто сприймаємо цей термін як повноцінну категорію, без вагань використовуємо аристотелівські «категорії» після їх, як ми думаємо, адекватного перекладу для аналізу або пояснення актуальних для нас питань. При цьому ми зовсім не зважуємо на можливі кумулятивні інтерпретативні трансформації смислу того, що у Аристотеля називалося категоріями, а також на зміни цього смислу при введенні старого терміну в новий тематичний контекст.

Андрій Баумейстер, обговорюючи доповідь Олексія Панича про аристотелівську усію, дорікав йому, що його помилка полягає у тому, що «він підходить до текстів Аристотеля так, ніби Аристотель послідовно і несуперечливо промислює теорію усії. І хоче Аристотеля так виправити, так виписати йому його несуперечливий текст, що мене це захоплює і надихає. Але, знаючи тексти Аристотеля, я з жалем можу відзначити, що навіть у сьомій книзі «Метафізики», особливо в різних розсипаних фрагментах, немає тієї послідовності» [7, с. 41]. Без сумніву, такі ж закиди можна зробити й відносно аристотелівських міркувань як про інші категорії, так і про категорії взагалі – попри назву роботи, серед фахівців існує думка, що власне послідовної та методичної розробки проблеми категорій у Аристотеля немає.

Разом з тим деякі автори визнають, що терміни, що їх вживав Аристотель, з часом могли трансформуватися на власне категорії як універсальні форми буття та мислення. Л. М. Терентієва, наводячи слова Р. К. Луканіна про те, що терміни «якість», «кількість», «відношення», «місце», «час» та інші у своєму чистому виді результатом перекладу аристотелівського вчення перипатетиками та стоїками [8, с. 33] робить висновок, що категорія «по відношенню до чогось» згодом була репрезентована у своєму чистому виді, тобто, замінена на категорію «відношення» ще з античних часів через неадекватний переклад з греки на латину. Тут неясно, чому підміна терміну раптом дала

нам його у чистому вигляді – адже все виглядає так, начебто саме завдяки підміні термін отримав свій «чистий» вигляд. Крім того, ця підміна не означає, що заміщений термін не може мати власного «чистого» вигляду, схопленого у його категоріально-змістовних дефініціях. Але у цілому тут правильно вказано на те, що трансформація категорій з присудків-предикатів усї – матерії, форми та речей як поєднання форми з матерією на власне категорії історично, безумовно, мала місце бути.

Роблячи спробу «повернутись назад до Аристотеля», Л. М. Терентьєва прагне розвести значення термінів «по відношенню до чогось» та «відношення» як модернізованої його форми. По-перше, слід сказати, що у подібній «модернізації» нічого поганого немає, і можна знайти чимало прикладів, коли у архаїчний термін вкладається цілком новий зміст. По-друге, знов-таки, у рамцях поставленої мети, ми маємо визнати, що сучасне розуміння категорій передбачає наявність категоріального підґрунтя мислення і в самого Аристотеля – інакше він просто не міг би мислити, і це підґрунтя у певній своїй окремій формі (тут – «співвіднесеного») може експортуватися із старих текстів у тексти сучасні. Проте тут ми маємо окремий випадок – повертаючись до оригінального аристотелівського терміну, Л. М. Терентьєва залишає за ним той статус категорії, якого він отримав пізніше, при трансформації, ставши «відношенням».

Проте і визначення статусу «співвіднесеного» (чи є воно категорією), і пошук адекватного, найбільш відповідного давньогрецькому оригінальному слову іншомовного терміну при перекладах на інші мови, і з'ясування його автентичного змісту ще далеко не завершилося. Вже з самого початку заглиблення у ці проблеми ми зіштовхуємося з деякими речами, котрі це підтверджують. Так, скажімо, в одному перекладі початку сьомої глави «Категорій» вживається термін «співвіднесене» (коли «*πρός τι λέγεται τὰ μὲν ὡς διπλάσιον*» переводиться як «соотнесенным называется то, что относится как двойное к половинному») [2, с. 10], а в іншому – термін «відносне» (относительным называется то...) [5, с. 35].

Вказані відмінності можна було б пояснити недосконалістю останнього наведеного перекладу, зробленого більш ніж півтора століття тому, проте у сучасних академічних виданнях перекладу «Категорій» Аристотеля оригінал теж перекладається різними термінами. Так, наведений вище фрагмент «Категорій» [2, с. 10] у чотирьохтомному виданні перекладається з використанням терміну «співвіднесене»: «Соотнесенным называется то, о чем говорят, что, что оно есть, оно есть в связи с другим или находясь в каком-то ином отношении к другому» [1, с. 66]. Між тим, і Л. М. Терентьєва це підкреслює, Аристотель відрізняє те, що перекладається як «співвіднесене» від того, що перекладається як «відношення» і, думаю, тим паче – як «зв'язок». Вона пише, що Аристотель розрізняє смисли «співвіднесеного та «відношення», отже, ці категорії не є рівнозначними. Проте пізніше категорію «співвіднесене» («по відношенню до чогось»), почали однозначно розцінюватися як «відношення» [8, с. 32].

Хоча у тому, що «співвіднесене» визначається через ці поняття, є певний сенс (речі насправді є співвіднесеними, коли вони мають певне відношення одна до одної або якимось пов'язані одна з одною, хоча б віртуально), однаке це, все ж таки, різні поняття, і їхнє вживання як тотожних мовних одиниць розвиває власний зміст терміну «співвіднесене», що видно ще й з огляду на те, що Аристотель пов'язує із «співвіднесеним» таку його властивість, як «обопільність» – предмет особливого інтересу Людмили Миколаївни, коли не всі речі, що мають між собою стосунки чи зв'язок, є співвіднесеними в аристотелівському сенсі, як вона його інтерпретує.

Дифузність та термінологічна нестрогість вживання терміну «співвіднесене» видна також з того, що у предметному покажчику до вказаного вище тому творів Стагірита в одній рубриці разом з терміном «співвіднесене» у дужках наводяться, треба думати, синоніми – «співвіднесені», «відношення» та калька з давньогрецької «по відношенню до чогось» з транслітерацією оригіналу латиною – «*to pros ti*». Отже, Л. М. Терентьєва цілком слушно навела два варіанти перекладу, але, він, вочевидь, має мати зворотній поря-

док, оскільки слово «співвіднесене» сам Аристотель не вживав.

З цього мені стало зрозуміло одне, що оскільки такі слова перекладу, як співвіднесене, відносне, відношення та зв'язок не є тотожними, то було б непогано звернутися до фахових перекладачів давньогрецьких філософських текстів щоб виявити, який саме термін Аристотеля перекладається як власне «співвіднесене». Проблема полягала ще у тому, що калька «to pros ti» з предметного покажчика мала артикль, але у текстах Аристотеля $\pi\rho\sigma\ \tau\iota$ артиклю не мало, що означало, що мова йде не про іменник.

Колишній колега по одеському наргоспу Аслан Гаджикурбанов з МГУ ім. М. Ломоносова люб'язно відгукнувся і відповів так: «У двох наведених тобою уривках, як і в багатьох інших, у якості "віднесеного" або "співвіднесеного" у Аристотеля виступає (або перекладається) мовний зворот $\pi\rho\sigma\ \tau\iota$, який являє собою поєднання прийменника (рос. – предлога) $\pi\rho\sigma$ і невизначеного займенника (рос. неопределенного местоимения) $\tau\iota$. Тебе збентежило, що перед ним немає артикля $\tau\omicron$ або $\tau\alpha$, з допомогою яких у грецькій мові можна субстантивувати що завгодно».

Невизначений займенник $\tau\iota\varsigma$, $\tau\iota$ має значення хто, хто(що)-небудь, дехто, дещо, кожен, декотре тощо. Серед багатьох значень $\pi\rho\sigma$, що їх вказують давньогрецько-російські словники [4] разом із такими, як від, з, з боку, по відношенню, відповідно, перед (обличчям), за, на користь, внаслідок, через (щось як причину), до, на, про, окрім, понад, у, при, біля, у напрямку (руху), проти, всупереч, по відношенню, внаслідок, у порівнянні, відповідно, згідно, на додаток, з приводу, близько (приблизно) тощо наводиться й філософське (з посиланням на Аристотеля) значення цього терміну у зв'язці з $\tau\iota$, але вже з артиклем – $\tau\omicron$ і $\tau\alpha$ $\pi\rho\sigma\ \tau\iota$, перекладене як відношення. Але ж у наведених вище текстах Аристотеля артикль відсутній! До речі, слово $\pi\rho\sigma$ має діалектний варіант $\pi\rho\tau\iota$ безпосередньо відповідний давньоіндійському prati та українському проти із значенням «навпроти», що, як у вислові «проти ночі на середу» означає смисловий напрямок «в ніч з вівторка на середу», де вівторок постає як дещо співвіднесене із середу, з чого можна зробити висновок про значеннєве поле $\pi\rho\sigma\ \tau\iota$ як прив'язуючого протиставлення чомусь чи відсилання до чогось.

Олексій Панич, один з авторів відомого «Словника неперекладностей...», відповів мені на питання стосовно перекладу $\pi\rho\sigma\ \tau\iota$ як співвіднесене що це – «гарний приклад того, як бажання перекладача "осучаснити" Аристотеля, замінюючи його вирази начебто впізнаваними термінами, навпаки, робить думку Аристотеля в перекладі настільки темною, що навіть і в оригіналі не одразу побачиш, що ж там перекладено отак. Насправді вираз $\pi\rho\sigma\ \tau\iota$ слід перекладати "стосовно чогось"», що він разом із співавторами й зробив у перекладі «Категорій» [3, с. 38].

Слід сказати, що Людмила Миколаївна певним чином дотримується аналогічного ставлення до перекладу $\pi\rho\sigma\ \tau\iota$ – згадуючи про заміну деякими авторами монографічних та навчальних праць категорії «по відношенню до чогось» (перекладу, близького до «стосовно чогось») категорією «відношення», вона говорить не про заміну «співвіднесеного» «відношенням», а про заміну останньою категорією саме терміну «по відношенню до чогось», що зустрічається, як вона зазначає, у працях Р. К. Луканіна та Г. Челпанова. Разом з тим і сама вона ототожнює «по відношенню до чогось» із «співвіднесеним», твердячи, приміром, що згодом категорія «співвіднесене», тобто, «по відношенню до чогось», стала однозначно розцінюватись як «відношення» [8, с. 33]. З такою синонімізацією цих двох термінів, як ми знаємо, категорично не погоджується Олексій Панич – за ним перекладати $\pi\rho\sigma\ \tau\iota$ як «співвіднесене» неприпустимо.

Л. М. Терентьева також зазначає, що при перекладі з греки на латину сенс «по відношенню до чогось» було втрачено, і $\pi\rho\sigma\ \tau\iota$ стало перекладатися як *relato* – «(взаєм)відношення». Між тим Ю. Вестель, І. Листопад та О. Панич у вказаній роботі провели цікавий експеримент – вони взяли грецький оригінал «Категорій» Аристотеля та його латинський переклад і порівняли незалежно зроблені переклади. Для порівняння було взято фрагмент, уже наведений вище у перекладі з греки українською. У перекладі з ла-

тини також було застосовано термін «стосовно чого» – ad aliquid [3, с. 35].

В англійських перекладах Аристотеля ми зустрічаємо ще одну проблему, котра потребує прояснення. Так, в англійському перекладі «Метафізики» (сайт Perseus) розділ про «стосовно чого» (співвіднесене) починається не з дефініції того, що називається відносним як таким (хоча тут визначається не воно, і навіть не співвіднесене), а з визначення того, які речі іменуються відносними (1020b «Things are called "relative" (a) in the sense that "the double" is relative to the half»), що вже цілком усуває самостійний статус «співвідносного» і робить його визначенням речі. Насправді у Аристотеля визначається не «стосовно чого» як таке, а те, що перекладається або як сутність, або як субстанція, в оригіналі – «усія» (οὐσία), про яку Олексій Панич говорив як про приклад типової проблеми неперекладностей [6, с. 11].

Саме неї, усії, стосуються всі аристотелівські визначення (умовно кажучи) категорій, котрі ми наводили вище. Тобто, у Стагірита йдеться не про визначення категорій як таких, а про визначеннями усії – сущого, субстанції, зрештою, речей взагалі, чим, власне, можна виправдати введення в англійський переклад «речі».

Про цей факт було відомо давно, і Л. М. Терентьева згадує про це у своїх статтях, посилаючись на інших дослідників, за якими Аристотель вживав у цих своїх викладках такі терміни, котрі підкреслювали їхню залежність від сутності, і буквальный переклад аристотелевих виразів для категорій вказує на те, «яка велика» сутність, «яка за якістю», «до чого відноситься», «де» і «коли» тощо [8, с. 34]. Іншими словами, те, що ми у Аристотеля приймаємо за категорії, власне категоріями, у сучасному розумінні слова, не являються. Це є певні визначення, фігурально висловлюючись, загальної сущої субстанціальної сутності, де остання постає суб'єктом або підметом (рос. подлежащим), а всі перелічені визначення – предикатами або присудками (рос. сказуемыми). Недарма ж Аристотель весь час вживає вираз λέγεται – тобто, про те, про що йдеться, про усію, говориться, висловлюється, вимовляється, називається, рос. сказывается.

Існує ще й цікава відповідність між давньогрецьким словом категорія, українським словом присудок і російським подлежащее. Олексій Панич детально розглядав це питання, зазначаючи, що «твір, назву якого традиційно відтворюють як “Категорії”, загалом присвячений аналізу наших суджень про предмети. Власне, саме таким є буквально значення грецького κατηγορία (“присудження”), що походить від дієслова κατηγορέω (“звинувачувати, стверджувати, судити, засуджувати); відповідно, буквальним українським перекладом цієї назви було б слово “Присудження”. “Присуджене” – κατηγορούμενον – ми маємо всі підстави називати “присудком”, який співвідноситься з предметом судження, себто підметом (грецьке ὑποκείμενον, буквально “те, що лежить під”)» [6, сс. 16-17] (порівн. лат. sub-ject, рос. под-лежащее). Латинською відповідністю ὑποκείμενον, як пишуть три автори згаданого перекладацького експерименту [3, с. 29], є термін subjectum, котре ми скрізь перекладаємо запозиченим словом «суб'єкт».

З огляду на сказане, ми маємо визнати, що говорити про те, що Аристотель дає визначення категорії «співвіднесене», буде половиною правди. Від його дає, але специфічно як для дефініцій та попутно із визначенням підмету, «гюпокейменону», наводячи у правій частині висловлювання лише чуттєво-наочні приклади (кінь, Лікей, площа тощо). Якщо подібні дефініції визнавати достатніми, то ми мали б задовольнитись таким визначенням, котрий колись для ілюстрації великого розміру чогось давав співак Микола Басков – «Такое большое, как отцудова дотудова». Це теж саме, як казати, що у вислові «Лист дерева зелений, наприклад, як дозвільне світло світлофора» зафіксовано не предикат (колір) даного суб'єкта (листя), а дане визначення зеленості як такої (не говорячи вже про те, якщо припустити, що мовиться насправді про зелене як таке, то тут замість визначення маємо просте посилання на щось подібне). Так само дефініції співвіднесеного у Аристотеля немає, є тільки наочні приклади того, що є співвіднесеним, а це ніяк не розкриває його сутність, хоча є цілком достатнім для того, щоб вказати на один з предикатів усії.

Що стосується власне того підмету (суб'єкту), до якого Аристотель докладає (категоризує = присуджує) всі вказані присудки (предикати), то у нього з ним ситуація не однозначна. Олексій Панич зазначає, що цим підметом є уся, але не в усіх її термінологічних застосуваннях, що впливає з букви та духу аристотелівських думок. Він пише, що на початку «Категорій» Аристотель аналізує судження та класифікує їх за вже згадуваними типовими «присудженнями», серед яких уся посідає особливе місце, оскільки у «найголовнішому» та «найпершому» значенні вона якраз-то не є «присудженням», бо у цьому значенні вона «не говорить про жоден підмет і не перебуває в жодному підметі» [Cat. 2a.11-14]. Відповідно, дещо є усією у «найголовнішому» та «найпершому» значенні, тобто «першою усією», якщо воно: (1) є підметом (адже все, крім «перших усій»), «або мовиться про перші усії як про підмети, або існує в них як у підметах» [Cat. 2a.34]; (2) не є присудком («не говорить про жоден підмет»); (3) «не перебуває в жодному підметі» (тобто не є частиною якогось іншого одиничного суцього). Зрештою, таким підметом може бути «речовина» (ὕλη, гюле, що зазвичай перекладається як «матерія» – О. К.) «сполучення речовини з формою» та власне «форма» (μορφή + εἶδος) [7, с. 33, 34, 35-36]. У цілому тут Олексієм Паничем розбирається доволі дискусійна специфічна текстологічна проблема (не всі учасники обговорення в усьому з ним погоджуються), але, не вдаючись у деталі, можна виснувати, що мова у Стагірита йде про певний підмет (суб'єкт) присудження та його категоризацію, тобто, предикатизацію, що робить осучаснене прочитання його текстів про «категорії» невідповідним суті оригіналу.

Роблячи висновок, можна сказати, що вживана у російських перекладах лексема «співвіднесене» є пізнім неологізмом, і ще у XIX столітті πρός τι перекладалось як «відносне», сам Аристотель цього терміну ніколи не використовував, але дефініцію πρός τι дуже часто давав саме через поняття «відношення». Те, що перекладається як «співвіднесене» у якості службової частини мови є складним применником. Більш давню (латинську) традицію має вживання терміну relation – «відношення» в англійських та у переважній більшості інших європейських перекладів. Синтаксично πρός τι становить собою присудок, чому відповідає автентичне значення терміну «категорія» у текстах Аристотеля, підметом же тут постає уся, хоча і сам цей термін, і взагалі визначення того, що Аристотель мав на увазі, наводячи відповідні присудки цього підмету, становить собою проблему, остаточно ще й досі не розв'язану. Формально-логічною відповідністю цієї пари є суб'єкт і предикат. Наскільки потужною є ця традиція розуміння категорій, видно вже з того, що навіть у Гегеля, котрий надав категоріям сьогоdnішнього змісту, ми бачимо потужну ремінісценцію їхнього аристотелівського розуміння – у «Науці логіки» термін співвіднесене вживається біля сотні разів у контексті визначення за його допомогою гегелівської «усії» – Абсолютного Духу.

Література:

1. Аристотель. (1978). Категории. В: Аристотель, Соч. в 4-х тт. Т. 2 (сс. 51-90). Москва: Мысль.
2. Аристотель. (2016). Категории. Киев: Мультимедийное изд-во Стрельбицкого.
3. Вестель Ю., Листопад І., Панич О. (2012) «Категорії» 1–5: оригінал і три переклади. Філософська думка, 1, 26-58.
4. Древнегреческо-русский словарь. [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html>]. Останній доступ 31.03.2018.
5. Касторский М. Н. (1859). Категории Аристотеля на греческом и русском языках. Переводил и объяснил М. Н. Касторский. Санкт-Петербург.
6. Панич Олексій (2017). Аристотелева «уся»: між перекладом і неперекладністю. В: Аристотель: традиція, адаптація, переклад. К.: Дух і Літера, 7-93.
7. Панич О. (2016). Аристотелева «уся»: між субстанцією, сутністю і неперекладністю. Філософська думка, 5, 33-49.
8. Терентьева Л. Н. (2010). Концепция Аристотеля «соотнесённое» в логических формах традиционной логики. Вісник Одеського національного університету. Т. 14 –

Вип. 21, 31-40.

9. Терентьева Людмила (2014). Реляционная и атрибутивная структура в двойственном системном моделировании. Науковий вісник Чернівецького університету. Вип. 706-707. Філософія, 138-142.

О. С. Кирилюк

ЧИ Є АРИСТОТЕЛЕВЕ «СПІВВІДНЕСЕНЕ» КАТЕГОРІЄЮ?

*«А кто не пьет? Назови! Нет, я жду!»
А. В. Велюров (фільм «Покровська брама»)*

Розгляд у моїй попередній статті у цій збірці лексично-синтаксичного аспекту «співвіднесеного» у роботах Аристотеля у контексті неперекладностей показав, як я сподіваюсь, що Стагірит під категоріями розумів абсолютно не те, що розуміємо зараз ми з вами. Проте це зовсім не означає, що у певному сенсі у текстах Аристотеля не йшлося все ж таки саме про категорії у сучасному їх розумінні, хоча, можливо, для цього слід провести певні герменевтичні процедури з метою виявлення у текстах філософа тих смислів, про яких він, пробі, і не здогадувався. Метою статті буде показ категоріального статусу «співвіднесеного» у нашому розумінні суті категоріальності, а завданням, поставленими задля досягнення цієї цілі, буде надання категорії «співвіднесене» поняттєвого статусу через її визначення у першому наближенні.

Необхідною попередньою умовою пошуку розв'язання поставленого у заголовку проблемного питання є з'ясування того, що ми маємо на увазі, вимовляючи це слово, тобто, який сенс у наші часи несе у собі цей термін. «Категорії – це найбільш широкі поняття» – таке визначення ми зустрічаємо у всіх філософських підручниках, словниках та енциклопедіях, але мало хто задумується, чи все тут вірно. Прояснення цієї проблеми може дати відповідь на запитання, чи всі категорії є поняттями, і чи всі поняття є категоріями?

Щоб відповісти на нього, звернімося до міркувань з цього приводу Гегеля, який писав, що філософія є справою легкою, тому що займається тим, що є близьким та знайомим усім людям – категоріями. Разом з тим філософія є справою складною, тому що вона рухається у чистих визначеннях думки, але багатьом людям це непросто зробити, через що філософію слід спеціально вивчати. Кожен мислить «філософськими категоріями» – пише Г. Гегель у своїй «Науці логіки» [§§ 1-18], але інстинктивно, несвідомо, через що без підготовки у «чистих формах мислення» поза їхнім «змістом рухатися важко», а цей зміст, що наповняє нашу свідомість, якого б роду він не був, складають певні почуття, споглядання, образи, уяви, а також думки та поняття – вважає мислитель.

Тобто, як бачимо, Гегель явно розрізняє категорії як чисті визначення думки (чисті форми мислення) і власне зміст останнього, до якого входять чуттєві дані та раціональні «думки та поняття». Вже з одного цього визначення категорій як загальних понять буде абсолютно неправильним. Далі, окрім того, що ці чисті визначення думки (категорії) є формами мислення, вони одночасно постають його структурними елементами, або «опорним точками», котрі у своїй взаємовизначеності постають деякими «каркасом», «будівельним риштуванням», на який у процесі мислення ми спираємося. Дані нам неявно, вони «закриті» для нашої інтроспекції тим змістом, котрим ці форми наповнені. Проте, за Гегелем, всі люди ними все ж таки «інстинктивно» користуються.

Так, у наведеному Гегелем у згаданій праці прикладі – висловлюванні «Цей лист (є) зелений» присутні категорії моменту (або часу – ми говоримо про лист, який не був і не буде, тобто, не у минулому чи майбутньому часі, а у часі теперішньому – він є зараз), місця (або простору – лист де? Він тут, оцей лист), буття (або існування – лист що? він є), одиничності (або кількості – скільки тут листя? воно одне), кольору (або якості – лист

який? зелений). Не будь цих категорій, ніякі висловлювання про будь-що були б просто неможливі. Категорії у цьому сенсі можуть бути визначені як певні синтетично-аналітичні «рубрикатори» дійсності, коли кожна з них включає до свого класу все предмети за притаманною цій категорії ознакою (функція синтезу) та виключає всі ті речі, що цієї ознаки не мають (функція аналізу).

Разом з тим самі ці категорії також можуть отримати поняттєвого визначення, коли, і це – справа філософії, ми ставимо питання про те, чим є час, простір, буття, кількість, якість як такі. Повертаючись до заданого вище запитання, ми можемо говорити, що всі поняття у певному сенсі (як рубрикатори дійсності) є категоріями (поняття «яблуко» включає до своєї «рубрики» всі яблука), але не всі категорії є поняттями, тому що щоб стати поняттями, вони мають бути, за словами Гегеля «виколупані» зі змістовного свого функціонування з наступною розгорнутою експлікацією вже їхнього власного, категоріального змісту, коли ця форма мислення буде розглянута у своїх сутнісних дефініціях (про це докладно писали у свій час філософи Київської школи Володимир Шинкарук та Михайло Булатов).

Вважається, що історично першим таке «виколупування» з нашого мислення його глибинних категоріальних структур зі створенням певного їхнього «реєстру» та, власне, першого філософського словника, було зроблено Аристотелем на матеріалі давньогрецької мови. Але і у нього категорії можуть функціонувати «інстинктивно», або неявно (за відомим виключенням, коли мислительний інваріант співпадає з прив'язаною до нього термінологічною номінацією, наприклад, як-от у термінах «час, «простір» і так далі).

Тепер мова вже йде про те, щоб «виколупати» інваріантний універсальний зміст тієї форми мислення, що нас тут цікавить, співвіднесеного, у самого Аристотеля. Відповідно до мети цієї статті це стосується аристотелівського «стосовно чогось». Іншими словами, ми співвіднеслись с аристотелевим співвіднесеним, і тим самим реалізували один з визначених самим Аристотелем варіантів прояву співвіднесеного – між, що пізнається, і тим, хто пізнає.

У нашій літературі, зокрема, у Л. М. Терентьєвої, увага здебільшого звертається лише на один, можливо, головний вид аристотелевого співвіднесеного (інші варіанти співвіднесеного, як правило, остаються поза розглядом), котре виражає «стосовно чого» між двома контрадикторними термінами та є обоїльними. Це є, по суті, діалектичне, симетричне, референтне, імагінативне, сутнісне «співвіднесене» (терміни мої – О. К.).

Співвіднесеною в цьому, у Аристотеля далеко не єдиному смислі, є та річ, значення якої можна зрозуміти через значення іншої, у своє чергу також співвіднесеною з нею речі. Наприклад, неможливо зрозуміти, ким є жінка, ігноруючи ті значення, котрі притаманні чоловікові. Так само значення половини чогось не може бути зрозумілим без дефініції цього «чогось» у їхній взаємній співвіднесеності. Тут ми можемо говорити про певне «неявне додане віртуальне (імагінативне) значення», котре ми мовчазно долучаємо до реальної речі при співвіднесенні її з іншою річчю. Виникає ситуація, схожа з феноменом ідеального (віртуального) взагалі. У цьому співвіднесенні реального та ідеального в одній речі (речі, реально даної, та подумки співвіднесеною з нею речі) і полягає, як показав на прикладі товарного-грошового обігу Е. Ільєнков, власне, сутність ідеального, коли товар реально є товаром, а ідеально – грошми, а гроші реально є грошима, а ідеально – товаром.

Діалектичним таке співвіднесене є тому, що воно виражає стосунки між двома протилежностями з такою ознакою діалектичності, як втрата однією протилежністю сенсу при усуненні другої її сторони, адже «верх» не має сенсу без «низу», «ліве» – без «правого», «чоловік» – без «жінки» тощо. Аристотель з цього приводу говорив, що співвіднесені сторони існують разом, і усунення однієї сторони співвіднесеного веде до зникнення іншої сторони. Наприклад, без раба немає пана, без пізнаваного предмету – пізнання.

Симетричним (обоїльним) же воно є тому, що така його риса зберігається і при оберненні сторін – «низ» не має сенсу без «верху», «жінка» – без «чоловіка».

Референтним даний тип співвіднесеного є тому, що воно полягає у референції, відсилці, посиланні на другу сторону співвіднесеного, цілком у відповідності до значення цього терміну, оскільки референтний – це той, що співвідноситься, пов'язується з чим-небудь, служить для співвіднесення з чим-небудь, прив'язки до будь-чого. До речі, цей термін використовується в англійському перекладі «Метафізики» [Met. 1021a 25-30]. Тобто, цей вид співвіднесеного є таким, що містить у собі «посилання на щось інше».

Ще одна риса даного виду співвіднесеного – вже згадувана імагінативність, визначається тим, що сторона, на яку спрямована відсилка, референція, існує ідеально, поза безпосередньо-чуттєвою даністю, як, приміром, товар імагінативно є грошми. Щодо цієї риси співвіднесеного слід сказати, що мова йде не про те, наприклад, що ми візуально бачимо жінку і імагінативно уявляємо собі чоловіка поза жінкою, поруч з нею, зовнішнім чином. Імагінативна форм співвіднесеної з даною річчю її протилежності постає, за Гегелем, як «своє інше першого», тобто, чоловіче начало у жінці присутнє у ній самій, а не поза нею, і навпаки. Жінка вже тільки тому, що вона є жінкою самою по собі, співвідноситься з чоловіком як з власним «своїм іншим». Сам Аристотель про це писав так: «Знаходиться у відношенні до чого-небудь – це не те саме, що бути за самою суттю співвіднесеним з іншим» [Кат. 8a 20-25].

У розділі С – «Протиріччя» своєї «Науки логіки» у третій примітці Георг Гегель пише, що якщо взяти будь-які тривіальні приклади, скажімо, верх і низ, праве та ліве, батька та сина і так далі до нескінченності, то батько є іншим сина, а син – іншим батька, і кожен має буття лише як це інше іншого, коли визначення одного (приміром, батька – О. К.) має місце лише у співвідношенні з іншим (сином – О. К.). Тобто, коли ми говоримо, приміром, «батько», то саме це слово вже відсилає нас до того, з чим воно співвіднесене – до сина, хоча сам син при батькові може й не перебувати.

Сутнісним такий тип співвіднесеного є тому, у цьому випадку «сама його сутність включає в себе відношення, а не тому, що щось інше знаходиться у відношенні до нього» [Met. 1021a 25-30], тобто, співвідношення жінки та чоловіка визначається їхньою сутністю, а не якимось зовнішнім ставленням, хоча буває, що деякі чоловіки залицяються до фаніх жінок не за своєю спільною з жінками сутністю «людина», яка утворює підставу для їхнього співвіднесення, а заради престижу, бажання мати дорогу і красиву «річ» нарівні з авто і т. п.

Окрім даного типу співвіднесеного Аристотель наводить прикладі й інших його різновидів (нижче я нарахував їх шістнадцять), котрі частково несуть у собі деякі вказані ознаки «головного» співвіднесеного, хоча з подальшим розгортанням своїх міркувань Стагірит певним чином ці ознаки звужує, показуючи, що деякі його типи не є контрадикторними та, відповідно, такими, що втрачають функцію обопільності, а також не є суттєвими.

Вже вже не обмежуючись визначенням співвіднесеного через категорії «відношення» та «зв'язку», Аристотель виходить на інші «присуди» усії. У главі сьомій «Категорій» філософ до співвіднесеному зараховує 1) володіння, 2) розташування, 3) чуттєве сприйняття, 4) знання та 5) положення [Кат. 6b].

Співвіднесеними є також речі, котрих порівнюють – одна гора є більшою не сама по собі, а у 6) порівнянні її через співвіднесення з іншою, меншою горою, і це Аристотель виявляє при аналізі такої категорії, як кількість [Кат. 5b 15]. Аналогічно про співвіднесене говорять як про 7) подібне до чогось, причому подібність може бути більшою чи меншою, але не всяке співвіднесене допускає ступінь подібності – так, подвійне не має більшого чи меншого ступеня подібності. Взагалі, тут можна сказати, що такий вид співвіднесеного, як половина стосовно цілого виражає, зрештою, певні 8) рівняння або пропорції.

Серед співвіднесених явищ в межах уявлень про якість він називає 9) властивості та 10) здібності. У главі, присвяченій протилежностям (протилежачому), він також багато уваги приділяє співвіднесеному, показуючи, що про протилежності можна говорити у

чотирьох смислах, і першим з них є розуміння 11) протилежного як співвіднесеного, коли подвійне протилежить половині як співвіднесене.

Звертаючись до питання про обопільність співвіднесених сторін, Аристотель водночас примічає, що не всі співвіднесені мають таку рису, зокрема, говорячи про крило птаха ми не можемо обернути це на вислів птах крила, і тут він говорить скоріше за необопільну співвіднесеність 12) частини та цілого (рука тіла, але – не тіло руки).

У «Метафізиці» [Мет. кн. 5 гл.15] Аристотель теж наводить приклади того, що він вважає «співвіднесеним», подаючи ці викладки у контексті інших категорій. Це те, що відноситься як 13) здатність дечого нагрівати до того, що нагрівається (причина і наслідок, та, окрім цього, потенція і акт як здібність та її актуалізація – О. К.); а також те, що 14) може розрізати – до того, що розрізається (дія та страждання як окремі категорії Аристотеля, або активне та пасивне у латинській версії – О. К.); чи стосунки того, що 15) вимірюється – до міри (процедура вимірювання як метод пізнання – О. К.); і, нарешті, він згадує вже відоме нам 16) пізнавальне співвіднесення – того, що сприймається почуттями до власне чуттєвого сприйняття [Мет. 1020b 25-30].

Виникає питання – як співвідноситься співвіднесене з іншими категоріями, котрі були щойно згадані. Іншими словами, нехай синонімічне вживання відношення та співвіднесеного – це змушена данина віковичній проблемі неперекладностей, то які стосунки мають, скажімо, співвіднесене з причиною, якістю, кількістю, мірою як певними відношеннями?

Моє пояснення полягає у тому, що всі відношення та зв'язки встановлюються між тим, що було якимось чином співвіднесене одне з одним, тоді як саме співвіднесене як історичний «попередник» розвинутих мислительних форм має свій, відмінний від їхнього, категоріальний статус та грає власну логіко-пізнавальну роль як однієї з перших форм та умов пізнання.

Перед тим, як, скажімо, встановити чи мав якийсь відношення підозрюваний до ситуації, що є предметом слідчого впровадження, необхідно співвіднести цього підозрюваного та вказану ситуацію, результатом чого може бути встановлення того, що дана людина ніякого відношення до подій, що мають ознаки злочину, не має. Так само всі кількісні, якісні визначення речей, встановлені причинно-наслідкові зв'язки, як і сам зв'язок взагалі, протилежаче, частина і ціле ґрунтуються на співвіднесеному, але власне співвіднесене може бути не причиною та наслідком, а простою часовою послідовністю подій, не зв'язком, а відокремленістю, не протилежачим, а тотожним (подібним) тощо. Чому це так?

Річ у тім, що даний термін відображує той початковий ступінь пізнання, коли ми вже визначили контури речі у межах категорії «одне» та приступаємо до опису її ознак та властивостей, далі, переходимо до виявлення сутності та прагнемо з'ясувати, які відносини ця річ має з іншими речами. Пізнавальна фіксація якогось невизначеного чогось супроводжується встановленням того, як це чогось проявляє себе «стосовно іншого чогось» (πρός τι). Одна тільки операція з контатації границь поки що невизначеного предмета вже автоматично робить цей предмет співвіднесеним з чимось іншим – доквіллям, іншими речами тощо.

Співвіднесене у цьому плані постає (прошу вважати це анонсованим визначенням даної форми мислення) як широка, бідна та абстрактна категорія, котра є чи не найпершим етапом пізнання віяла стосунків даної, змістовно ще невизначеної речі («одного»), з іншими речами або явищами. Перед тим, як ці стосунки пізнати, ми маємо зафіксувати певні передпізнавальні «вектори», котрі виходять за границі речі і котрі стануть першим кроком на шляху визначення сутності, властивостей та відношень даної речі. Подальший процес полягає вже у з'ясуванні того, які ці попередньо співвіднесені речі мають категоріально відношення одна з одною – зв'язку чи відокремленості, умови чи обумовленості, причини чи наслідку, детермінанти чи детермінованості тощо. З метою розрізнення від традиційного терміну «співвіднесене» таким чином зрозумілу категоріальну форму про-

поную називати «співвіднесеність».

Важливим моментом функціонування категорії «співвіднесеність» є те, що вона передбачає наявність третьої сторони – суб'єкта, що здійснює дане конкретне співвіднесення. Іншими словами, має бути той, хто співвідносить половину та подвійне, визначає співвіднесеність при порівнянні та вимірюванні, співвідносить причину і наслідки (спостерігаючи, як гаряче нагріває холодне) тощо.

На прикладі розгляду розташування як співвіднесеності дуже добре проявляється не тільки відмінність останнього від зв'язку чи відношення, але й визначальна роль цієї «третьої сторони». Коли у пізнанні формується «пресуппозиція» (можна сказати, передсенс), тобто щось таке, що вербально і поняттєво ще не оформлено, але вже готове до цього оформлення як згусток поки що не кристалізованого смислу, відбувається пошук відповідних засобів для вираження цього змісту, який має всі ознаки співвіднесеності. У Жана Бодрійєра у «Системі речей» це є в описі співвіднесеності меблів у традиційній «буржуазній» квартирі. Завдяки тому, що речі в ній співвіднесені з людиною, яка надає сенс їхній просторової організації, між ними також виникає певна співвіднесеність (не зв'язок і не відношення – для цього вони занадто різномірні – ліжко саме по собі ніяк не відноситься до шафи самої по собі), що відповідає принципам гармонії та пропорційності.

Ще однією особливістю даної категорії є те, що вона у своїх функціях постає завжди актуальною. Будучи, як говорилося, начальною стадією пізнання та визначення речей та явищ, вона актуалізується у кожному новому акті співвіднесення, що його здійснює вказана «третья сторона». Перед тим, як вимірювати дещо, ми маємо співвіднести між собою те, що вимірюється з вибраним нами еталоном, тобто, з тим, за допомогою чого ми робимо ці виміри. Перед тим, як встановити, які відношення чи зв'язок існують між речами, ми також повинні їх попередньо співвіднести одна з одною. Будь-яке математичне обчислювання вимагає попереднього співвіднесення чисел, скажімо, натурального ряду, де кожне число є співвіднесеним з двома найближчими сусідніми числами, меншим і більшим, і ними визначається.

Співвіднесеність, визначена таким чином, становить категоріальну основу таких пізнавальних процедур, як спостереження, порівняння, вимірювання, кореляція, аналогія (співвідношення грецькою буде *αναλογία*). Серед лексичних (поняттєвих) засобів, що несуть у собі інваріантний зміст співвіднесеності, можна назвати такі, як корелятивний (взаємно залежний, співвідносний), референтний (відсилка, посилення на щось), релевантний (такий, що має відношення до чогось, відповідний чомусь), когерентний (взаємозв'язаний), згідний (рос. 'сообразный'), відповідний (рос. 'соответствующий'), узгоджений (рос. 'согласованный'), співставний, нормативний, етальонний, знаковий тощо.

Іншими словами, перед тим, як почати спостерігати, порівнювати, вимірювати, проводити аналогії ми маємо співвіднести між собою те, що спостерігаємо, порівнюємо, вимірюємо і т. д. Необхідною умовою пізнання та визначення речей та процесів як корелятивних, референтних, релевантних когерентних, згідних, відповідних, узгоджених, нормативних, етальонних, знакових тощо є те, що й у цих випадках ми також маємо застосувати категорію «співвіднесеність», хоча, можливо, і у латентний спосіб, «інстинктивно».

Аристотель писав, що якщо дехто безперечно знає, що дещо є співвіднесеним, то він буде також точно знати й те, з чим власне воно співвіднесене [Кат. 8а 35]. Відповідно, істинним буде і зворотне твердження, що якщо ми знаємо речі, з якими співвіднесена дана річ, ми знаємо також, чим ця річ є. Іншими словами, перед тим, як з'ясувати, чим є та чи інша річ, ми маємо «активізувати» таку первинну категоріальну форму, як співвіднесеність взагалі та знайти ті явища чи речі, з якими дана річ співвіднесена. Адже якщо ми цього не зробимо, то і те, чим, власно кажучи, є ця річ, ми не узнаємо, оскільки з іншими речами, завдяки чому і можуть проявитися її властивості та розкритися її сутність, ми її не співвідносили. Ця пізнавальна дія категорії співвіднесеність у своїх синтетико-

аналітичній функції включає до свого класу всі співвіднесені речі та виключає речі не співвіднесені. Але оскільки останні виступають, по суті, ніяким чином не даними нам ані безпосередньо, ані через інші речі своєрідними речами-у-собі, то вони випадають з будь-якого позитивного знання. Разом з тим до першої рубрики (класу), утвореного категорією співвіднесеності, входять всі тим чи іншим способом визначені (ясно, що через співвіднесеність з іншими речами) знані нами речі у їхній поняттєвій формі.

На підсумок можна сказати, що категорія «співвіднесеність» є універсальною, оскільки охоплює всі без виключення речі. Співвіднесеним буде будь-яке поняття, оскільки його зміст розкривається через співвіднесення з іншими поняттями. Чуттєво даний образ буде співвіднесеним з поняттям, котре, у свою чергу, також є співвіднесеним з цим образом, коли, скажімо, ми, називаючи дерево, котре сприймається нами візуально, деревом, співвідносимо його, унікальне та одиничне, конкретне дерево, що росте тут і тепер, із загальним поняттям дерева як такого. Кожна окрема нота буде співвіднесеною з іншими нотами певного музикального ряду, посідаючи певні місце у ряду звукових коливань, конкретний колір співвідноситься з усім спектром світлових хвиль тощо. Дивує, але цю універсальність співвіднесеності бачив і Аристотель, який говорив, що дуже важко, або неможливо показати, що жодна сутність не є співвіднесеною [Кат. 8а 30].

З огляду на це, переіначивши фразу кіногероя з епіграфу, можна запитати: «А что есть не соотнесенным? Назови! Нет, я жду!»

Література:

1. Аристотель. (1978). Категории. В: Аристотель, Соч. в 4-х тт. Т. 2 (сс. 51-90). Москва: Мысль.
2. Аристотель. (1976). Метафизика. В: Аристотель, Соч. в 4-х тт. Т. 1 (сс. 63-367). Москва: Мысль.
3. Гегель Г. В. Ф. (1970). Наука логики: в 3-х тт. Т.1 (501 с.). Москва: Мысль.

М. А. Кравчик

ПРОБЛЕМА ГУМАНИТАРНОЙ СЛОЖНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

Понятие “сложность” входит в арсенал современных философских и научных понятий, конституирующих новое универсальное сознание, основанное на постнеклассической рациональности и новом видении взаимоотношений человека и окружающей действительности. Однако в философии использование этого понятия имеет достаточно длительную традицию, уходящую в древнегреческую мысль. Как известно, одно из первых определений сложности как того, что причастно материи и состоит из элементов принадлежит еще Аристотелю [1, с.353]. Также можно говорить о диалектике сложности в рамках гегелевской философии и т.д.

Однако проблема сложности в современной философии и науке приобретает особое значение в связи с развитием синергетического подхода, акцентирующего внимание на новых аспектах и гранях феномена сложности. “Термин «сложность» (лат. *complexus* – то, что соткано, сплетено вместе) применяется для обозначения саморазвивающихся систем с множеством элементов и параметров порядка, для социальных систем, сформированных в эпоху информатизации (М. Кастельс), для обозначения нового подхода познанию, связанного с интеграцией естественнонаучного и социогуманитарного, с появлением технауки и феномена конвергирующих технологий, для обозначения сложносистемного мышления (К.Майнцер, Э. Морен)” [2]. Более того, синергетика получила название также наука о сложном, поскольку явления самоорганизации, которые стали объектом ее исследования, обнаруживали сложную природу, т.е. они относились к так называемым сложным, саморазвивающимся системам. К ним относятся системы живой и неживой природы, социальные организации, экосистемы, когнитивные системы и многое другое.

С другой стороны, синергетика являясь наукой о сложном, представляется сегодня как некоторое “знание нового типа”, “это трансдисциплинарное знание, которое характеризуют не только как кооперацию различных научных областей, но и как перенос когнитивных схем из одной области в другую” [2]. Именно это позволяет говорить о различных определениях сложности не только с точки зрения естественных наук, но и гуманитарных. Поэтому вполне можно согласиться с Богатой Л.Н., вводящей понятие “гуманитарная сложность” [3]. Рассматривая это понятие в свете таких ключевых для гуманитарных наук понятий как “индивидуальность” и “личность”, Л. Богатая представляет их как качественно отличные порядки, описывающие уровни самоорганизации человека: порядок личности определен внешними факторами жизни человека и “схватывает, фиксирует, закрепляет те внешние порядки, которые активны в настоящий момент в социокультурном окружении человека”. Поэтому выстраивая этот уровень порядка человек “становится похожим на всех, принимая и поведенчески закрепляя набор общепринятых норм” [3, с.7]. Порядок индивидуальности – экзистенциален, требует усилий для его выстраивания и проявления как чего-то значительного и определенного, “заметного” и сравнимого с личностным порядком.

Однако представляется также интересной попытка рассмотреть понятие “гуманитарной сложности” в контексте религиозного сознания. Так, по справедливому утверждению П.В. Ополева, “религиозное сознание, его рациональная и эмоционально волевая стороны представляют собой один из древнейших откликов на проблемы сложности. Всякий коллективный или же индивидуальный опыт оказывается опытом самоорганизации, обнаружения и преодоления сложного” [4, с.157]. Особенно это отчетливо проявляется в христианской теологии, для которой понятие Бога уже оказывается опытом сложности. В рамках христианской богословской традиции Бог является “Единым” (Иоанн Дамаскин, Максим Исповедник и др.) и “Простым” (св. Фома Аквинский), оставаясь

вместе с тем непостижимым для ограниченного человеческого разума, в котором сталкиваются антиномии трансцендентного и имманентного.

Таким образом, “диалектика сложности в рамках религиозного сознания состоит в том, что, с одной стороны, сложность оказывается ему имманентно присущей, а другой стороны, – связывается с результатом творения, ограниченного человеческого разума, поврежденностью человеческой природы. Для того чтобы приблизиться к «простому» Богу, религиозное сознание должно быть онтологически и гносеологически сложным. «Сложность» религиозного сознания – это своеобразная реакция на «простоту» бытия” [4, с.159].

С другой стороны, обращаясь к понятию “гуманитарная сложность” можно отметить, что в контексте религиозного сознания становится возможным опыт выстраивания внутреннего экзистенциального порядка индивидуальности, которая укореняется не в социально-культурном окружении или в каком бы то ни было внешнем порядке, но в духовной практике. Духовная практика, принимая ее различные виды, существующие в рамках разных христианских традиций, оказывается тем внутренним измерением индивидуальности, которое дает место для ее самоорганизации, именно как порядка экзистенциального, требующего идентификации только с личностью Бога, воплощенного в Иисусе Христе.

Однако все же остается немало вопросов, касающихся более детальной разработки понятие “духовная практика” в свете проблем гуманитарной сложности. Для ее решения необходимо обратиться к конкретному опыту тех христианских деятелей, которые опираясь на определенные духовные практики, совершали “сложное” выстраивание экзистенциального порядка индивидуальности.

Литература:

1. Аристотель. Метафизика // Сочинения: в 4-х т. Т. 1. - М.: Философская мысль, 1976. - 550с.
2. Черникова Д.В., Черникова И.В. Сложность как способ бытия саморазвивающихся систем // [Электронный ресурс]:http://fsf.tsu.ru/wp_test/wp-content/uploads/publications/chernikova_iv/slojnost_sistem.pdf
3. Богатая Л.Н. Гуманитарная сложность в контексте некоторых актуальных понятий современной культуры // Интегративна антропология. - 2016. - С.4-9.
4. Ополев П.В. Сложность как предмет религиозного сознания // Вестник Омского университета. - №1.- 2013. - С.157-159.

Л. Л. Леоненко

ОБ ЭКСПЛИКАЦИИ ПОНЯТИЯ «СИСТЕМНЫЙ ПАРАМЕТР» В ЯЗЫКЕ ТЕРНАРНОГО ОПИСАНИЯ

1. В 1984 году в ежегоднике "Системные исследования" были опубликованы статьи [1] и [2]. В [1] язык тернарного описания (ЯТО) был впервые детально сформулирован как формальная аксиоматическая система. В [2] эта система использовалась для формальных экспликаций понятий «атрибутивный системный параметр» и «системная закономерность» параметрической общей теории систем (ПОТС).

В так называемых "бразильских" статьях [3], где предлагалась новая аксиоматизация ЯТО, А.И. Уёмов кратко упомянул о том, что она также предназначена для формализации понятий ПОТС, и сослался при этом на статью [2]. Однако в более поздней серии статей для "International Journal of General Systems" [4] он предложил иную, по сравнению с [2], экспликацию понятия «системный параметр».

Доклад посвящен обсуждению различных *формальных экспликаций* понятия «системный параметр», предложенных в [2], [4] и некоторых других работах "школы Уёмова". Ниже предполагается, что читатель знаком с *содержанием* следующих понятий ПОТС: «система», «системный параметр», «системная закономерность».

2. Основные концепции ПОТС были сформулированы *до* появления ЯТО. Их исследованию были посвящены многочисленные работы А.И. Уёмова и его сотрудников [5; 6; 7]. Одними их важных результатов этих исследований были: *a)* описание нескольких десятков признаков, специфичных для *систем* – так называемых *значений* системных параметров (минимальность, гомогенность, центрированность, etc.); и *b)* выработка следующих *условий*, характеризующих понятие «атрибутивный системный параметр»:

1°) Атрибутивный системный параметр P – это конечный или бесконечный набор свойств P_1, \dots, P_i, \dots (значений параметра P) таких, что произвольная система обладает одним и только одним из свойств P_i .

2°) Число значений системного параметра P больше единицы.

3°) Если P_i – значение системного параметра P и объект D обладает свойством P_i , то D является системой.

4°) Каждое значение любого атрибутивного системного параметра представляет собой отношение между субстратом, структурой и концептом системы.

3. Условия 1° – 4° сами по себе *не предполагают* какого-либо определённого формального языка описания систем и их параметров. Исторически конкретные *значения* атрибутивных системных параметров формулировались вначале на натуральном языке. Например: «Минимальной системой будет называться система, которая уничтожается при уничтожении хотя бы одного любого её элемента» [5, с.29]. Поскольку предполагалось, что важной целью построения ПОТС является обнаружение *достоверных* системных закономерностей (связей между различными системными параметрами), очевидна необходимость какой-то формализации подобных определений.

В книге [8] в качестве средства такой формализации избран ЯТО. В частности, *значениям* атрибутивных системных параметров, содержательно описанным в [5; 6], в [8] сопоставляются *формулы* ЯТО. Поэтому, *если* признавать правомерными условия 1° – 4°, понятию «атрибутивный системный параметр» должно отвечать *множество* различных формул ЯТО.

Но возникает вопрос о *критериях*, которым должна удовлетворять заданная формула ЯТО, чтобы можно было считать её выражающей значение некоторого системного параметра (ЗСП). Имели место попытки сформулировать такие критерии. Обсудим некоторые из них, предварительно приняв ряд соглашений, касающихся используемой формулировки ЯТО.

Соглашения о нотации и терминологии. Ниже все формулы ЯТО приводятся в нотации, принятой в цикле статей [3]. В связи с этим могут возникать вопросы (например, в [3], в отличие от ряда других работ, не используются обратные йота-операторы; ЯТО *не* рассматривается как самоприменимый язык, etc.). Но, на мой взгляд, для обсуждаемой проблемы эти вопросы не первостепенны.

Ниже используется также применяемая в [3] терминология (в частности, термин «импликация» вместо «импликация»).

4. Перейдем к обсуждению формальных экспликаций понятий «системный параметр» и «значение системного параметра». В книге [8] А.И. Уёмов предлагает следующее определение:

Def_[8]. «Значение атрибутивного системного параметра формально можно определить как свойство, выражаемое любой ППФ <правильно построенной формулой – ЛЛ> нашего формального языка, имплицитующей определение системы» [8, с.152].

В адрес этого определения можно высказать следующие критические замечания:

Note 1. В работах [7] и [6] приводились аргументы в пользу того, что значение атрибутивного системного параметра есть отношение второго порядка между дескрипторами системы. Однако при этом не обсуждался вопрос о том, *любое* ли отношение второго порядка между ними может рассматриваться как ЗСП. По моему мнению, ЗСП не могут являться такими отношениями второго порядка, которые непосредственно вытекают из свойств и отношений первого порядка.

В книге [8, с.152] говорится, что в определении **Def_[8]** «implicite содержится и выражение системного параметра через отношение второго порядка, ибо только с помощью отношения второго порядка и выражается определение понятия системы». Это значит, что "имплицитные" отношения допускаются в [8] в качестве ЗСП. В результате, пользуясь определением **Def_[8]**, мы вынуждены считать значениями системных параметров такие формулы ЯТО, которые не соответствуют содержанию этого понятия. Например:

Ex.1.1 Во всех работах по ПОТС, предшествующих [8], системный параметр понимается как основание для классификации систем, и поэтому не рассматривается вырожденный случай монарного параметра, имеющего только одно значение. Об этом говорится и в [8, с.145 и с.151]. Однако если принять определение **Def_[8]**, то само определение системы должно быть значением некоторого системного параметра, поскольку $\{[a (*a)] t\} \rightarrow \{[a (*a)] t\}$. Но очевидно, что формула $\{[a (*a)] t\}$ выражает монарный параметр, так как она имплицитруется любой формулой, представляющей систему.

Ex.1.2 Рассмотрим одно конкретное значение системного параметра – полностью авторегенеративную по субстрату систему (ПАргСбС). В [8, с.159] ПАргСбС определяется так (напомню, используется нотация из [3]):

$$\{ (1A) \text{ ПАргСбС } \} =_{def} \{ [a (*1A)] t \} \cdot \{ \overset{\cup}{1A} \rightarrow 1A \}$$

Легко видеть, что дефиниенс здесь удовлетворяет определению **Def_[8]**. Мы, однако, можем определить "авторегенеративную вещь" следующим образом:

$$\{ (1A) \text{ "Авторегенеративная вещь" } \} =_{def} \{ (1A) \{ \overset{\cup}{1A} \rightarrow 1A \} \}$$

В этом определении содержится ровно столько же информации, относящейся непосредственно к понятию регенеративности, сколько и в предыдущем. Но из его дефиниенса не следует дефиниенс определения системы. Поэтому получается, что можно говорить об авторегенеративности, не имея в виду системы, что противоречит трактовке системного параметра «как такой характеристики объекта, которая предполагает его системное представление» [8, с.152].

Разумеется, можно попытаться уточнить определение ПАргСбС, например, так:

$$\{ (1A) \text{ ПАргСбС } \} =_{def} \{ [1a (*1A)] t \} \cdot \{ \{ [1a (*1A)] t \} \rightarrow \{ \overset{\cup}{1A} \rightarrow 1A \} \}$$

Теперь авторегенеративность вещи $1A$ есть следствие того, что $1A$ представлена в виде системы. Но это как раз и означает, что условие "и имплицитует определение си-

стемы" недостаточно для квалификации формулы \mathcal{A} как выражающей значение системного параметра – ведь выше *оба* определения ПАрГСБС имплицируют его.

Note 2. Определение $Def_{[8]}$ говорит лишь о том, что характеризуемый этим значением объект должен быть системой. То же, что любая система должна обладать тем или иным значением системного параметра (сравн. [8, с.144-145]), не отражено в этом определении. Вряд ли возможно и доказательство этого факта, поскольку, основываясь на определении $Def_{[8]}$, нельзя установить, какие из двух различных ЗСП относятся к одному и тому же, а какие – к разным параметрам.

В работах [8] и [4], где предлагались формализации *бинарных* системных параметров, эта проблема разрешалась путем использования особых операций "ЯТО-отрицания". Но такой подход неприменим к параметрам, не являющимся бинарными.

5. Статья [2] содержит две части. Первую написал я, и в ней предпринята попытка, исходя из требований 1° – 4°, сформулировать критерии:

А) того, что заданная формула ЯТО выражает некоторое ЗСП;

В) того, что заданное множество формул ЯТО выражает некоторый системный параметр.

Вторая часть статьи [2] написана И.Н. Сараевой и посвящена формальной экспликации в ЯТО понятия «системная закономерность».

Статья [2] доступна, поэтому я не буду приводить здесь подробностей. Но отмечу, что сформулированные в [2] критерии считаю сейчас "заслуживающими модернизации".

6. Обратимся теперь к циклу статей [4], в которых А.И. Уёмов использует иные, сравнительно с [2], критерии выражения ЗСП формулами ЯТО.

А.И. Уёмов отмечает, что задание ЗСП – то же самое, что выделение некоторого *класса* систем. Предлагается следующая схема [4, part II, p.135]:

$(m)\text{System of a definite class} =_{def}$

$$=_{def} ([R(*m)]P \cdot \{(P)a \vee (P/R)a \vee (R/P)a \vee (R/m)a \vee (m/R)a\} \quad (\text{SDC})$$

Здесь m – субстрат, R – структура и P – концепт системы. В фигурных скобках – дизъюнкция возможных *типов* ЗСП. Словами суть схемы (SDC) применительно к обсуждаемой проблеме можно передать так:

$Def_{[4]}$. Формула ЯТО \mathcal{A} задает класс систем (т.е. выражает ЗСП), если она есть, – или эквивалентна, – связанному списку, один из компонентов которого – дефиниенс определения системы, а второй – произвольная формула, выражающая либо свойство концепта $((P)a)$, либо отношение концепта к структуре $((P/R)a)$; либо отношение структуры к концепту $((R/P)a)$; либо отношение структуры к субстрату $((R/m)a)$; либо отношение субстрата к структуре $((m/R)a)$.

К определению $Def_{[4]}$ можно предъявить замечания, аналогичные высказанным выше замечаниям к $Def_{[8]}$. В [4] нигде не обсуждается вопрос о том, *любая* ли формула ЯТО – пусть и *выражающая* свойство концепта либо отношение дескрипторов системы – может замещать дизъюнкты схемы SDC. Таким образом, схема SDC формально допускает использование в качестве ЗСП *имплицитные* свойства и отношения, которые *не выделяют* класса систем, отличного от множества *всех* систем, так что нарушаются требования 1° и 2°. Нетрудно построить и формулы, удовлетворяющие $Def_{[4]}$, но нарушающие требования 3° и 4°.

Можно возразить, что требования 1° – 4° не являются божьими заповедями, и их можно пересматривать. Полностью согласен. Беда в том, что нигде в известных мне работах они *не* пересматривались, и в случаях их нарушения никаких аргументов в пользу такого пересмотра не приводилось.

7. Отдельное замечание – по поводу того, что согласно (SDC) свойство концепта как такового задает ЗСП. Вот как обосновывает это А.И.Уёмов: «*Fundamenta divisionis* для системной классификации суть характеристики системных дескрипторов. Среди дескрипторов $\langle \dots \rangle$ только концепту присуще самостоятельное значение. Его свойства мо-

гут указываться без какого-либо отношения к структуре и субстрату» [4, part II, p.135]. Далее следует пример: «В качестве примера концептуально-точечной системы можно взять натуральный ряд чисел, концепт которого не может иметь градаций <cannot be more or less>. Отношения же вроде “умнее”, “красивее” не удовлетворяют концепту полной или строгой упорядоченности. Здесь может иметь место лишь частичная упорядоченность, допускающая некоторые отклонения от строгого порядка» [4, part II, p.144].

Действительно, натуральный ряд относится к классу "вполне упорядоченных" систем, и "вполне упорядоченность" – точечное свойство. Но верно ли, что если некоторое точечное свойство чему-то приписывается, то *eo ipso* это "что-то" рассматривается как система?

Согласно условию 3°, если некоторое свойство P есть значение системного параметра, и объект D обладает свойством P , то D является системой. Возьмем следующее свойство: $P \equiv$ "шведский". По-видимому, оно точечное. Пусть P приписано некоторой вещи D . В *некоторых* случаях D при этом действительно будет системой: "шведский стол", "шведская стенка", "шведская семья". Спорный случай: "шведская спичка". Но как быть со "шведским послом" или "шведским сыром"?

8. Я думаю, что понятия «значение системного параметра» и «системный параметр» – как атрибутивный, так и реляционный, – нуждаются в уточнении их формальных экспликаций. Эти уточнения могут потребовать *пересмотра* некоторых из условий 1° – 4°. В заключение я приведу пример, свидетельствующий, на мой взгляд "в пользу" ослабления условий 1° и 2°.

Ex.2.1 Формальное определение "изоморфизма" выглядит следующим образом [9, с.134]:

$$\text{Изоморфизм} =_{\text{def}} [([\iota A (*a)]) \{ [(\iota A) t] (*\iota A, \iota A') \}]$$

Неформальное объяснение этого определения: здесь определено «значение бинарного реляционного системного параметра, а именно, различие субстратов при тождестве структур. Это отношение является более или менее точной экспликацией отношения изоморфизма» [9, с.135-136].

Не спора о «более или менее», отмечу: здесь речь идет о двух системах – обозначим их через $\iota_1 A$ и $\iota_2 A$ – с одинаковым концептом t , одинаковыми структурами ιA и различными субстратами ιA и $\iota A'$. Таким образом, приведенное определение можно преобразовать к виду:

$$\text{Изоморфизм} (*\iota_1 A \cdot \iota_2 A) =_{\text{def}} \{ [\iota A (*\iota_1 \{ \iota A \})] t \} \cdot \{ [\iota A (*\iota_2 \{ \iota A' \})] t \}$$

Такое преобразование мне нужно потому, что я хочу поставить вопрос о *бинарности* данного параметра. Отношение, альтернативное описанному выше "изоморфизму", можно, по-видимому, определить, пользуясь операцией отличения (см. [8, с.73] и [3, part III, p.177]):

$$\text{Неизоморфизм}_1 (*\iota_1 A \cdot \iota_2 A) =_{\text{def}} \{ [\iota A (*\iota_1 \{ \iota A \})] t \} \cdot \{ [\iota A' (*\iota_2 \{ \iota A' \})] t \}$$

Но ведь "неизоморфизмом" можно назвать и другое отношение:

$$\text{Неизоморфизм}_2 (*\iota_1 A \cdot \iota_2 A) =_{\text{def}} \{ [\iota A (*\iota_1 \{ \iota A \})] t \} \cdot \{ [\overset{\circ}{\iota} A' (*\iota_2 \{ \iota A' \})] t \},$$

определенное с помощью понятия диспарата (см. [8, с.78] и [3, part III, p.185]). Не-

ясно, какое из этих определений лучше. Первое из них, в силу импликации $\overset{\circ}{i} \rightarrow i'$ [8, с.193; 4, part III, p.609], выводимо из второго, и, казалось бы, поэтому предпочтительнее. Но нужно учесть, что структуры ιA и $\overset{\circ}{\iota} A'$, в чем-то отличаясь друг от друга, одновременно могут в чем-то являться одинаковыми – например, принадлежать одному и тому же *классу* отношений. (Скажем, у обеих рассматриваемых систем структурой может быть отношение "сослуживцы", но с разным числом коррелятов этого отношения). Формально это означает, что допустимо навешивание *одного и того же* йота-оператора ι_0 на объекты ιA и $\overset{\circ}{\iota} A'$ – откуда следует, что две системы со структурами $\iota_0 \{ \iota A \}$ и $\iota_0 \{ \overset{\circ}{\iota} A' \}$ *могут* оказаться "изоморфными" по приведенному выше определению.

С другой стороны, в силу определения диспарата навешивание одинаковых йота операторов на объекты iA и $i\dot{A}$ приводит к противоречию. Следовательно, системы, находящиеся в отношении "неизоморфизм₂", не могут одновременно быть "изоморфными". И в ряде случаев удобно противопоставить "изоморфизму" именно такую альтернативу.

Поэтому правомерно считать, что каждое из определений понятий "неизоморфизм₁" и "неизоморфизм₂" соответствует определенному пониманию отношения "неизоморфизм", и, следовательно, определенной альтернативе значению системного параметра "изоморфизм". Альтернативным "изоморфизму" будет и следующее отношение :

$$\text{Неизоморфизм}_3(*i_1A \cdot i_2A) =_{def} \{ [iA(*i_1\{uA\})] t \} \cdot \{ [LiA (*i_2\{uA'\})] t \}$$

"Неизоморфизм₃", будучи альтернативным "изоморфизму", всегда является вместе с тем "изоморфизмом", поскольку $LiA \Rightarrow iA$ (см. [8, с.193; 4, part III, p.610]).

На мой взгляд, при формализации системных параметров (как реляционных, так и атрибутивных) в ЯТО деление их на бинарные, многозначные, линейные и т.п. *не имеет смысла, если не зафиксировано отношение*, в котором значения параметров считаются *альтернативными друг другу*.

Если, допустим, альтернативным заданному ЗСП считать просто *отрицание* формулы ЯТО, выражающей это ЗСП; – как это принято в [8, с.144-146; 4, part II, p.136], то параметр, понимаемый как "набор значений", будет, конечно, бинарным.

С другой стороны, можно формально определить понятие "*тип* системного параметра" (здесь для этого мало места) и считать альтернативными значению параметра "изоморфизм" *всевозможные* формулы, получаемые путем постановок в схему, задающие такой тип, такой "параметр" будет бесконечнозначным.

Литература:

1. Уемов А.И. Основы формального аппарата параметрической общей теории систем. // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1984, М.: Наука, 1984, с.152–180.
2. Леоненко Л.Л., Сараева И.Н. О применении языка тернарного описания к моделированию значений системных параметров и установлению общесистемных закономерностей. // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1984, М.: Наука, 1984, с.181-193.
3. Uyemov A.I. The language of ternary description as a deviant logic // Boletim da Sociedade Paranaense de Matematica. – 1995, Vol.15, No.1-2, p.25-35; 1997, Vol.17, No.1-2, p.71-81; 1998, Vol.18, No.1-2, p.173-190.
4. Uyemov A.I. The ternary description language as a formalism for the parametric general systems theory: Parts I, II, III // Int. J. of General systems, 1999 Vol. 28(4-5), p.351–366; 2002, Vol. 31 (2), p. 131–151; 2003, Vol. 32 (6), p. 583–623.
5. Проблемы формального анализа систем. М.: Высш. шк., 1968. – 170 с.
6. Логика и методология системных исследований. Киев — Одесса. Вища школа, 1977. – 256 с.
7. Уемов А.И. Логический анализ системного подхода к объектам и его место среди других методов исследования. // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1969, М.: Наука, 1969, с.80–96.
8. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.
9. Уёмов А.И., Сараева И.Н., Цофнас А.Ю. Общая теория систем для гуманитариев. – Wydawnictwo "Universitas Rediviva", 2001. – 276 с.

*И. И. Марийчук***О ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ТЕХНИКАХ ЧТЕНИЯ ТЕКСТОВ**

За обширность интересов и вклад в фундаментальные науки биограф Эндрю Робинсон охарактеризовывает великого ученого-полимата Томаса Юнга «последним человеком, который знал все». Хотя на этот счет есть и другие точки зрения, согласно которым последним человеком, который полностью знал свою культуру, считают Аристотеля.

Специфика современного мира накладывает на человека узы специализации. Сфера знаний одного исследователя, сфера его власти и влияния в научном мире стремятся ко все меньшим масштабам. Такие ограничения приводят к появлению книг, подобных тексту Пьера Байяра «Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали». В ней исследователь выносит три неписанных запрета социума на усиливающиеся практики «нечтения». «Первый можно условно назвать «обязанностью читать». Второй запрет можно назвать «обязанностью читать целиком». Третий неписанный закон нашей культуры говорит, что необходимо прочесть книгу, чтобы высказываться о ней более-менее определенно» [1, с.5]. Ни в коем случае не призывая заниматься техникой «нечтения книг», мы все же должны наметить тенденцию в обществе, которая существует латентно и порой просто не может быть проговорена в виду своей табуированности.

Появление проблемы «нечтения» связано с количественным увеличением текстовых массивов и сложностями их обработки. Но если работа Пьера Байяра является скорее литературоведческим эпатажем, то работа Франко Моретти «Дальнее чтение» и наработки в сфере *digital humanities* являются примером конкретных техник, направленных на решение данной проблемы.

Сложность обработки гигантских объемов данных привычными методами актуализирует проблему поиска новых путей их исследования. «Оптический анализ», который основан на прямой концентрации над текстом и его составляющими, и герменевтический *close reading* не позволяют охватить систему целиком [3, с. 4]. Такие подходы не способствуют пониманию целостной ситуации и создают помехи в конструировании новых концептов.

Нельзя сказать, что данная проблема возникла только в эпоху информационной революции. Еще в первой трети XX-го века в работе «Поэтика заглавия» Сигизмунд Кржижановский намечает новый метод взаимодействия с большими объемами текстов. Кржижановский предлагает работать с такими массивами информации на уровне заглавия: «Заглавие, поскольку оно не в отрыве от единого книжного тела и поскольку оно, в параллель обложке, облегает текст и смысл, – вправе выдавать себя за главное книги» [2, с.13]. Кржижановский актуализирует проблему метода озаглавливания и логической схематики заглавия. Автор рассматривает ситуации того, как трансформируется заглавие, получая все больше власти и образуя вокруг себя систему, добавляя к названию текста имя автора, составителя, год, издательство и прочие элементы титулблата.

Проходя сквозь трансформации, заглавие текста становится частью заголовочного комплекса. Составные элементы этого комплекса: заглавие, которое реализовывает сигнально-привлекающую функцию и аннотация, представляющая собой формулировку основной проблемы и вывода работы. Вместе они ускоряют процесс ориентации и знакомства читателя с текстом на фоне гигантских массивов информации.

При увеличении просматриваемого объема текстов мы отходим от анализа уже еле заметных авторских структур и начинаем видеть картину текстовой системы целиком – многочисленные ситуации влияний и взаимоотношений внутри неё.

Продумывая пути дальнейшего анализа зафиксированной выше ситуации можно прийти к заключению, согласно которому в процессе «дальнего чтения» становится ва-

жен не сам текст, а образующуюся сложносистемная «текстовая ситуация», в которой текст является, скорее, следствием, а не предпосылкой.

В своей сущности метод дальнего чтения движим позитивистскими интенциями и подталкивает гуманитаристику к естественным наукам, что само по себе не является новаторским путем. В анализе определенного текста мы можем натолкнуться или проявить некую интерпретацию или же гипотезу, для подтверждения которой обнаруживается несколько предпосылок. Метод дальнего чтения манифестирует идею о том, что гуманитаристике нужен следующий качественный этап в проверке этой гипотезы и двух-трех предпосылок становится недостаточно.

В рамках Digital Humanities смещается взор и существенно меняется инструмент исследования. При смене инструмента видится и иная картина, а вслед за этим обнаруживаются иные исследовательские задачи.

Помогут ли количественные методы устранить субъективность исследователя и нужно ли это? Скорее всего, ответ на этот вопрос может дать только время и коллективный опыт развития гуманитаристики.

Литература:

1. Байяр Пьер. Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали / Пьер Байяр. – М.: Текст. – 2014. – 190 с.
2. Кржижановский С.Д. Поэтика заглавий / С.Д. Кржижановский // С. «Страны, которых нет»: Статьи о литературе и театре. Записные тетради. – М.: ТОО Радикс. – 1994. – С.13
3. Моретти, Ф. Дальнее чтение / Франко Моретти / пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука, А. Шели, Науч. ред. перевода И. Кушнарера. – М.: Изд-во Института Гайдара, – 2016. – 352 с.

Е. А. Московая

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АННОТАЦИИ
НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ**

Список литературы – это бесспорное «лицо» любого исследования. Помимо фундаментальных первоисточников и актуальных монографий огромную роль играют статьи из научных журналов. Принято считать, что подобного рода публикации обладают широким спектром действия. Во-первых, они являются своеобразным дискуссионным полем вокруг какого-либо произведения (например, «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакоффа и М.Джонсона). Во-вторых, обращение к научным статьям дает возможность составить представление об актуальных направлениях внутри интересующих нас тем.

Однако наступает момент, когда существующее изобилие статей играет во вред, и исследователь сталкивается с рядом сложностей, которые можно свести примерно к следующему: как *выделить* наиболее *важные* для себя тексты, и на чем следует фокусироваться при таком поиске в первую очередь? В данном случае своеобразной «точкой фокусировки» выступает аннотация.

Аннотация – важная часть научного дискурса. Ее важность являет себя через функции, которые она выполняет: а) презентацию содержания научной статьи, б) определение ее релевантности [2].

Аннотация – это особый источник информации, цель которого заключается в передаче краткого содержания научной статьи. Составляя аннотацию, автор сталкивается с идеей *компрессии* ряда первоисточников, используемых при написании работы. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что написание аннотации сродни тонкому искусству, ведь она «...лишь перечисляет вопросы, которые освещены в первоисточнике, не раскрывая самого содержания этих вопросов. Аннотация отвечает на вопрос: «О чем говорится в первичном тексте?»» [2, с.20].

Существует и другой ракурс рассмотрения особенностей аннотации, а именно через раскрытие ее рекламирующего потенциала. Исходя из этого ракурса анализа, выделяют два вида аннотаций: а) справочную и б) рекомендационную. Соответственно, справочная аннотация включает в себя краткую информацию о содержании и специфике того или иного произведения. Обычно справочная аннотация напрямую связана с научными, учебными и справочными изданиями. В свою очередь, рекомендационная аннотация составляется с целью заинтересовать читателя и представить наиболее значимые стороны того или иного произведения. Рекомендационные аннотации присущи научно-популярным изданиям и художественной литературе [1].

Рассматривая аннотацию с точки зрения ее рекламного потенциала, интересно обратить внимание на так называемые принципы «мягкой», и «жесткой» рекламы. «Мягкая» реклама фокусируется на рациональности и, соответственно, полезности того или иного исследовательского продукта, в данном случае – книги. Такой принцип соответствует упомянутой справочной аннотации. В случае применения «жесткой рекламы» делается акцент на эмоциональную составляющую. Апелляция к эмоциональной составляющей, а также психологическим оценкам присуща рекомендационным аннотациям. В любом из этих видов аннотаций прямо или косвенно содержится вопрос: необходимо ли обращаться к этому источнику? [1]

В качестве заключения отметим, что аннотацию можно представить как малоизученную специфическую составляющую научного дискурса, которой присущи малоформатность, компрессионность а также стимулирующий восприятие рекламный потенциал. В условиях существования больших потоков информации изучение возможностей аннотации видится актуальной и перспективной темой.

Литература:

1. Дзикович О.В. Анотація-опис книги як вид рекламного тексту [Текст] / О.В. Дзикович // Наукові записки Національного університету «Острозька академія» Серія «Філологічна». – 2016. – №61. – С.52-55.
2. Иноземцева Н.В., Вержинская И.В. Структурные особенности аннотаций научных и методических статей [Текст] / Н.В.Иноземцева, И.В.Вержинская // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2016. – №6(194). – С.19-23.

А. Ю. Прушковська

У ПОШУКАХ НЕМОЖЛИВОЇ СПІЛЬНОТИ: БЛАНШО ТА БАТАЙ

У 1983 році друком виходить есе Моріса Бланшо “Невимовна спільнота”. В розділі “Негативна спільнота” йдеться про становлення батаєвської думки про спільноту¹ у міжвоєнний період. В есе Бланшо дає визначення батаєвського досвіду сполучення, котрий на противагу синкретичному міфіві комунізму чи фашизму пропонує “спільноту відсутності” (“Внутрішній досвід” Жоржа Батай з’являється в 1943 році). Недиференційований характер спільноти стає ідеалом, сформованим як відповідь на тривогу впливу тогочасних ідеологій.

Будь-яка спільнота, незалежно від її природи, передбачає наявність відношення симетрії між її членами. Спільнота - це оприявлений модус існування зв’язків симетрії, що їй передують, які в свою чергу ґрунтуються на імпліцитних законах. Ці закони забезпечують можливість гомогенного простору, де зустрічаються, зближуються і сполучаються сингулярності [3, с. 239]. Акт сполучення викриває разючу дисиметрію між мною та Іншим, хоч і шукає нерозривності, суцільності. Під спільнотою Батай розуміє розрив з відношенням симетрії, в якій Інше існує лише як Тотожне. “Лише інший мене ставить під питання. Він несамовито намагається включити мене в нерозривність, з якої я намагаюсь виділитись заради буття, в той час як я можу почати існувати лише знову намагаючись включитись в нерозривність” [1, с. 67]. Батай відкидає “синкретичну завершеність в будь-якій колективній іпостасі” [2, с. 18]. Він вказує на неможливість окремому стати одним. Тоді спроби сполучатись, на які приречене людство, стають “негацією ізоляції” та виходом з меж дискретності.

Принцип “нестачі” викриває ілюзію суб’єкта, що вдовольняється сам собою. Суб’єкт прагне не бути визнаним (як то у трактовці Александром Кожевим гегелевської діалектики пана та раба), а бути поставленим під питання у конфронтації з Іншим. Ця постановка під питання власного існування як досвід може ввійти в поле “достовірності” лише за посередництвом смерті іншого. Вона започатковує “неможливу спільноту”, де нестача, як характеристика людської сутності, в контакт з Іншим не заповнюється чи компенсується, а навпаки акцентується. “Коли людина бачить смерть свого ближнього вона може продовжити існування лише поза себе” [2, с. 21]. Смерть, дружність, любов звільнюють простір близькості і сполучення, які у Батая є не-місцем суб’єкта. Спільнота, за словами Жана-Люка Нансі, може триматись лише як топос (не-місце), де нічого не можна втримати; як творіння, що існує лише в роз-творенні письма, в якому “індивід шукає не визнання, а оскарження: він йде, щоб існувати, до іншого, що його оскаржує і іноді заперечує, щоб почати існувати лише в цьому усуненні, яке дає йому досягнути неможливість бути самим собою, щоб стверджуватись як окремий індивід” [4, с. 47]. Якщо Батай призиває жити “на вершині смерті”, то йдеться не про створення спільноти над-індивідуальності замкненій на собі, а про переживання сполучення як шансу роз-творення спільноти, яке запускається переживанням (чужої) смерті.

У пошуках експлікації батаєвського концепту Бланшо звертається до досвіду спільноти “Ацефал”, чия вагомість, на його думку, полягає не в незавершеному проекті людського жертвоприношення, а в прогресивному та незворотному усвідомленні письма як єдиного аутентичного відношення з невідомим. Навіть якщо Бланшо вказує на помилковість проекту (навіть уявного) людського жертвоприношення, він тим не менш признає вдалість задуму формування сполуки спільного користування часом, адже смерть пориває з нерозривністю повсякденного часу роботи. (Навіть небажана) смерть підриває рабське існування направлене на проект, заради екстазу сполучення. Невдалі спроби Ба-

¹ У французькій мові слова “communication” (фр. сполучення), “communité” (фр. спільнота), “communion” (фр. причастя) мають спільний корінь “commun” (фр. спільний).

тая досягнути сполучення в рамках реальної спільноти (Контратака, Ацефал, Колеж Соціології) приводять до пошуків інакшого модусу спільності, котрий може розгортатись лише в просторі не-дискурсивному.

Бланшо згадує “Мадам Едварду” (1941) та “Маленького” (1943), оповіді сексуальної трансгресії, котрі яскраво відображають еволюцію Батая від безпосередньої і тілесної концепції поділу до спільноти письма, в якій до нього долучається Бланшо. Це “спільнота тих, у кого немає спільноти”, тобто, “неможлива спільнота”.

Письмо Жоржа Батая розгортається під знаком дружності. “Я не зміг би відрізнити себе від тих, з ким я бажаю сполучатись” [1, с. 86]. Це дружність з мертвими, які живлять філософську думку, з сучасниками, які розділяють його бажання спільноти, з читачами, яких він запрошує пере-жити свій і нічий досвід, та з невідомим, де губиться можливість майбутньої книги.

В серці письма палає жага сполучення, ми пишемо у спільноті з іншими. Хоч письмо і передбачає відрив від загального та абсолютну самотність (писати як всі принаймні з доби романтизму вважається негідним, майже злочином), ми пишемо завжди так чи інакше імітуючи іншого, переробляючи вдало чи ні чуже слово, проникаючи у (на перший погляд) закриті системи, вводячи заново старі принципи. Яким чином можна досягнути це протиріччя? Можливо розглянувши два види спільноти: спільноти живих (смертних), від якої ми відмежовуємося в письмі, де, втім, знаходимо сутнісне сполучення; і “спільноти відсутніх” (мертвих), з якими ми сполучаємось з першого написаного (і прочитаного) слова. Між ними розташована батаєвська “неймовірна” спільнота автора і кількох друзів-читачів, яких поєднує лише книга, в яку вони поринають, ізольовані один від одного в акті “жертвоприношення слів” [1, с. 156].

Хоч письмо і існує для іншого і через іншого, воно не може маскувати розрив між реальністю та міфом про ідилію людського сполучення закладаючи спільноту розтворення, неможливу спільноту.

Література:

1. Bataille Georges, *Expérience intérieure*, Paris, Gallimard coll. « Les essais », 1943.
2. Blanchot Maurice, *La communauté inavouable*, Paris, Ed. Minuit, 1983.
3. Hoppenot Eric, *L'oeuvre du Féminin dans l'écriture de Maurice Blanchot*, Grignan, Les Editions Complicités, 2004.
4. Nancy Jean-Luc, *La communauté désœuvrée*, Paris, Christian Bourgois, 1986.

К. В. Райхерт

ЩОДО ДИНАМІЧНИХ СИСТЕМ У ПАРАМЕТРИЧНІЙ ЗАГАЛЬНІЙ ТЕОРІЇ СИСТЕМ

У параметричній загальній теорії систем відсутні як клас динамічні системи через те що творець цієї теорії Авенір Іванович Уйомов не зважав на час як деякий фактор, який може впливати на систему, та, тому, в параметричній загальній теорії систем опис (або уявлення або зображення або моделювання) систем виглядає як опис (або уявлення або зображення або моделювання) статичних систем, тобто систем, ізольованих від будь-яких часових процесів, – це призводить до того, що будь-яка зміна в системі, в такому випадку, має розглядатися як припинення існування цієї системи та виникнення іншої системи.

Можна припустити, що те, що було описано вище, в параметричній загальній теорії систем може спричиняти певні ризики для цієї теорії: невідповідно варіант теорії систем, створений А. І. Уйомовим, у своїй назві має слово «загальна» – як загальна теорія систем вона повинна охоплювати фактично всі можливі види (чи, як мінімум, спробувати це зробити); динамічні системи насправді представлені в сучасній науці – та повз цього факту параметрична загальна теорія не має проходити, якщо воліє називатися та бути насправді загальною. Це міркування веде до підняття питання про динамічні системи в межах параметричної загальної теорії систем.

Тепер треба спробувати зрозуміти, як можливо щось осмислене говорити про динамічні системи в межах параметричної загальної теорії систем, якщо самі системи тут розглядаються насправді як статистичні, тому звернемося до вже даного визначення поняття «динамічна система», наприклад, запропонованого в «Економіко-математичному словнику»: «Динамічна система – будь-яка система, яка змінюється в часі (на відміну від статистичної системи)» [1, с. 83]. Та далі: «В економіко-математичних моделях динамічні системи можуть відображатися двояко: по-перше, за допомоги опису стану системи в певні моменти часу; виходить щось на кшталт моментальних знімків (або, краще сказати, кадри фільму про її розвиток), які називаються статичними моделями; по-друге, за допомоги динамічних моделей економіки, що описують сам процес еволюції системи» [1, с. 83]. Нас тут цікавить те, що динамічні системи можна описувати за допомоги статичних моделей стану системи, – для цього є дві передумови. Перша передумова: за думкою А. І. Уйомова, «динамічні та статичні системи передбачають співвіднесеність із часом: динамічні системи змінюються, а статичні не змінюються в часі» [5, с. 52].

Друга передумова: 2006 року А. І. Уйомов спільно з Л. Н. Любінскою опублікував статтю «Загальна теорія систем і поняття стану» [4], з назви якої очевидно, що там йшлося про поняття «стан» у параметричній загальній теорії систем. У цій статті її автори вказують на те, що «поняття стану неможна включати в базову мову загальної теорії систем» [3, с. 7], а саме – в базову мову параметричного варіанту цієї теорії, бо, по-перше, базовими поняттями цієї мови є так звані «системні дескриптори», до яких належать «концепт системи», «структура системи» та «субстрат системи», та, по-друге, «поняття стану частково-системне» [3, с. 7]. Останнє автори статті показують через приклади бінарних атрибутивних системних параметрів (специфічних системних властивостей). Так, наприклад, у параметричній загальній теорії систем є такий бінарний атрибутивний системний параметр, як варіативність: «Варіативні системи – це такі системи, в яких ті чи ті характеристики (субстрату чи структури) можуть змінюватися таким чином, у таких межах, що система не припиняє бути самою собою. Поняття стану вилучається з низки гранично загальних понять передусім через те що є неваріативні системи, де це поняття за певне неможна застосувати» [3, с. 6].

Приклад варіативних систем демонструє те, що в параметричній загальній теорії систем поняття стану використовується, та те, що стан тут пов'язаний зі змінами. На наш

погляд, на тлі вище наведеного визначення поняття «динамічна система» цього вже достатньо для того, щоб говорити про присутність динамічних систем у параметричній загальній теорії систем; тут варіативні системи цілком є динамічними системами, бо за допомогою поняття «варіативна система» фіксуються такі системи, стан яких може змінюватися.

Однак у загаданій спільній статті А. І. Уймова і Л. Н. Любінської вказується на те, що не лише варіативні системи мають справу з станом: автори статті наводять приклади інших бінарних атрибутивних системних параметрів [3] – субстратно та структурно відкритих систем, немінимальних систем, стабільних систем, стаціонарних систем і регенеративних систем. Усі ці приклади так або так пов'язані зі змінами стану структури чи субстрату системи та можливістю збереження системи в ході цього змінювання стану. Це дозволяє перелічені вище системи також позначити як динамічні системи.

Треба зауважити, що вище наведені системи (значення бінарних атрибутивних системних параметрів: варіативність, немінимальність, регенеративність, стабільність, стаціонарність, субстратна та структурна відкритість) у параметричній загальній теорії систем також можуть розглядатися як лабільні системи, тобто як такі, які «передбачають зміни своїх значень без того, щоб система зникла як така» [4, с. 162]. Основною характеристикою лабільної системи є її варіантність, нефіксованість – таким чином, лабільна система протиставиться жорстким системам, які неваріантні, фіксовані та які не передбачають змін своїх значень без того, щоби система не зникла як така [2]. На тлі усього сказаного можна припустити, що динамічні системи в параметричній загальній теорії систем – це лабільні системи. Звідси: динамічна система, яка є також лабільною, є такою, що передбачає зміну своїх значень без того, щоб сама ця система не припинила бути такою.

На завершення треба зауважити наступне: А. І. Уймов вважав, що динамічні системи – це атрибутивний системний субпараметр: «Я готовий визнати, що існують динамічні та статичні системи, проте вони самі є різновидами якогось класу систем, ознака якого можна застосувати для характеристики будь-якої системи» [5, с. 52]. Однак я припускаю, що динамічні системи цілком можна розглядати як бінарні атрибутивні системні параметри, позитивним значенням яких є динамічна система, а негативним значенням яких є нединамічна, тобто статична, система. Тут можна провести аналогію: ось є такий бінарний атрибутивний системний параметр як членованість, згідно з яким система може бути або членованою (тобто складатися з елементів), або нечленованою (не складатися з елементів), водночас ця система не може мати елементи та не мати їх. Те ж саме можна сказати про динамічну систему: або система змінюється на рівні своїх системних дескрипторів і зберігається як ця система, або ні, припиняє існувати саме як ця система, – одне з цих значень можна завжди приписати будь-якій системі.

Література:

1. Лопатников Л. И. Экономико-математический словарь: словарь современной экономической науки / Леонид Исидорович Лопатников. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Дело, 2003. – 520 с.
2. Райхерт К. В. Жёсткие, тоталитарные и оптимальные системы в параметрической общей теории систем / Константин Вильгельмович Райхерт // Молодий вчений. – 2014. – № 12 (15). – С. 196–200.
3. Уёмов А. И., Любинская Л. Н. Общая теория систем и понятие состояния / Аvenir Иванович Уёмов, Лада Николаевна Любинская // Философские исследования. – 2006. – № 3–4. – С. 5–12.
4. Уёмов А. И. Планирование эксперимента и параметрическая теория систем / Аvenir Иванович Уёмов // Системные исследования. Ежегодник. 1977. – М.: Наука, 1977. – С. 159–166.
5. Ujomow A., Sarajewa I., Cofnas A. Ogolna teoria systemow dla humanistow / Avenir Ujomow, Irina Sarajewa, Arnold Cofnas. – Warszawa: Wydawnictwo Universitas Rediviva, 2001. – 276 s. – (PTU – Biblioteka Dialogu).

Н. П. Савусин

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ОПЕРАЦИЯМ КАК ДЕЙСТВИЯМ

1. Реализации свойств и отношений. Сильные отношения.

Действие и его аналоги в виде одноместных отношений

1.1. Реализации свойств и отношений

Взаимосвязи категорий «вещь», «свойство» и «отношение» лежат среди философских оснований языка ЯТО, который служит формальным аппаратом для Параметрического Варианта Общей Теории Систем (ПВ ОТС) [1 - 10]. Чтобы различить, с одной стороны, роль отношения для его носителя, и, с другой стороны, роль свойства для его носителя, - надо указать то, каковы будут результаты их реализации – результаты *закрытого субъектного синтеза* и результаты *закрытого предикатного синтеза* [11 – 15]. Сначала надо проделать такие два вида синтеза для отношения, а затем, - для сравниваемого с ним свойства. Иными словами, - два вида реляционного и два вида атрибутивного синтеза [11 – 15]. Затем – сравнить плоды таких реализаций. О том, чем различаются свойства и отношения, можно сказать и так: «...по плодам их узнаете их...». Подобный подход проповедуется и в Библии (Матф.: 12.33). Для прояснения взаимосвязи категорий «вещь», «свойство» и «отношение», следует пристальнее посмотреть на разные типы синтеза свойств и отношений с вещами [15].

1.2. Сильные отношения.

Действие и его аналоги в виде одноместных отношений

1.2.1. Примеры сильных отношений

ПВ ОТС основан на неколичественном и на непространственном подходе к вещам. На этом пути, вещь понимается *качественно* [3 - 4]. Если трактовать вещи с такой точки зрения, то вещи различаются не пространственно, но – как *комплекс* (то есть, как результат синтеза) их существенных свойств. Существенных – значит *внутренних* (необходимых, неотъемлемых) [3 - 4].

При этом операция *конкретизации понятия* о данной вещи соответствует процедуре *конкретизации* самой этой вещи. Конкретизируя объект, например, *прямоугольник*, мы переходим к его *частному* случаю (то есть, – к его *невырожденному* случаю, или к его *невырожденному состоянию*). Скажем, – к такому состоянию, находясь в котором, *прямоугольник* проявляется как *квадрат*. Иначе говоря, - как вещь, по имени «*квадрат*».

В общем случае (то есть, вообще говоря), отношение меняет ту вещь, которая его приобретает. Отношение, обретаемое вещью, вообще говоря, модифицирует эту вещь, делает из неё – её *модификат*. И не всегда вещь, на которой реализовано отношение, является *частным* случаем исходной вещи. Устанавливаясь на вещи, отношение может изменить её *существенно, коренным образом* (и в этом смысле – *сильно*). Например, отношение *удара*, применённое к *чашке*, даёт результат – *разбитую чашку*. Но *разбитая чашка* – это уже не чашка, а *осколки* чашки. Осколки чашки *не являются* чашкой. Так же, как свиная кровь, сваренная для кровяной колбасы, уже не послужит кровью для переливания другой свинье. Человек убитый - это уже не человек. Это уже – труп человека. А труп человека *не является* человеком. Здесь *убийство* выступило как отношение для человека.

Мало того, отношение *удара*, реализованное на чашке, во-первых, исчезает в том смысле, что его уже нет в продукте (в осколках чашки): оно не имплицитируется осколками чашки. В сваренной крови нет уже самой *варки*. В трупе человека уже нет того отношения, которое есть, когда он убивается (нет отношения *убиения*). Во-вторых, отношение *удара*, реализованное на чашке, исчезает также и в следующем смысле. *Удар по разбитию или разбиению*, реализованный применительно к чашке, превращается в ту *итоговую* (или *результатирующую*) ситуацию, когда чашка разбита, а в этой ситуации тоже уже нет отношения упомянутого удара.

Иначе говоря, вещь, приобретая отношение, может перейти в свой *частный* случай, подобно тому, как понятие, конкретизировавшись, переходит в свой *частный* случай. Однако, понятие, может и *вырождаться*, то есть, переходить в нечто, отличное от его *частного* случая. Вещь, отображённая в этом понятии, тоже может вырождаться. Например, *эллипс* (как система типа *конического сечения*, или как *кривая второго порядка*) может выродиться в *точку*. Вырожденный случай эллипса не является его частным случаем. *Гипербола*, взятая среди конических сечений в её вырожденном состоянии, то есть, в её вырожденном (а не в частном) случае, оказывается уже *парой пересекающихся прямых* [16, с. 67]. Но вырожденный случай гиперболы не является её частным случаем.

Выше приведены примеры отношений, которые, по словам А.И. Уёмова, могут выступать как *сильная структура* или как структура в *сильной (валидной) системе*. Смотри о *валидности* работы [17, с. 66; 3, с. 171-172]. *Упомянутые сильные* отношения являются также *исчезающими в результате их реализации*. *Сильные* отношения весьма влиятельны для той вещи, на которой они реализуются. Их можно назвать также *действенными* для их коррелятов. *Действенными* – для той вещи, которую они существенно изменяют в ходе своей реализации на ней. Вещь, подвергнутая действительному отношению, то есть *воздействию* на неё, не конкретизируется, а вырождается.

Различие между *частным случаем* и *вырожденным случаем* очень существенно в теории понятия. Операции обобщения и конкретизации данного понятия (для его *вырожденного* и для его *частного* случаев) оказываются совершенно разными [18 – 22].

О том, как действие, и даже деятельность (как целенаправленное действие), *исчезают* в результате или продукте своей реализации, об этом подробно писал, например, К.Маркс. Имея продукт труда, мы уже не имеем того труда, который его создал. Это подобно тому, что *труд умирает в продукте*, по К. Марксу: «*процесс угасает в продукте...*» (в *продукте труда* – Н. Савусин) [23, с. 191 - 192]. Аналогично, происходит и амортизация средства производства.

Действие подобно и *силе* (в плане реализации их как отношений): «Сила проявляется единственно, что только в действии и по завершении действия в теле не остаётся». Так писал И. Ньютон [24, с. 34]. Причина как бы исчерпывается, истрачивается (по А. Поликарпову) – *ibid*.

2.2.2. Действие и его аналоги в виде одноместных отношений

Философская категория «отношение» не сводится к понятию «соотношение». Отношение не обязано быть соотношением вещей. Понятие о соотношении является частным случаем понятия «отношение». *Соотношение* – это отношение между вещами, или *интеръектированное* отношение, по А.И. Уёмову. Оно отличается от отношения, *инъектированное* в его носителе (то есть, - в вещи, на которой оно реализуется). *Инъектированное* отношение имеется в каждом *подобъекте* своего носителя [3, с. 77 - 78].

Любое соотношение можно представить как отношение одной вещи, установленное на другой (в частности, - к другой). Но не все отношения являются соотношениями. Например, многие действия (в частности, процессы) можно вполне понять, не представляя их как соотношения. Разумеется, можно моделировать то отношение, которым является любое *действие*, именно как соотношение. Но насколько такая модель будет реалистичной, насколько она будет адекватной практике, контексту той ситуации, где это действие происходит?

Бывают такие отношения для данной вещи (например, *действия* для неё), суть которых вполне можно понять, даже не представляя их как многоместные отношения (то есть, как соотношения). Можно, с успехом, ограничиться и тем, что считать, будто эти отношения одноместны. Бывают такие отношения (например, *действия*), смоделировав которые как соотношения, мы не вскроем этим их сущность.

Суть действия, реализуемого применительно к данной вещи, состоит в том, каковы его результаты, куда оно направлено, каким будет его итог. В частности, – в том, с

какой целью оно осуществляется, на получение какого продукта оно ориентировано. В этом и состоит *системоопределяющий* фактор действия.

Но если же мы сочтём, что *суть действия* как отношения (реализуемого на этой же вещи) состоит просто в том, что оно является соотношением на ней, то мы, конечно же, этим вовсе не отличим его сущность (как действия) от сущности таких свойств, которые тоже служат соотношением. Причём, - свойств, не служащих действием. Например, соотношение неравенства $\{ 2 > 1 \}$ ведь тоже свойственно паре чисел (2 и 1)! Но это соотношение неравенства не ведёт себя для этой пары как действие. Оно не меняет эту пару чисел радикально. Можно сказать, что оно не действительно для этой пары. А.И. Уёмов называл такие отношения *свошениями*.

Поэтому предикат «быть соотношением» не является эффективным *концептом* для системного анализа действия как отношения. Он не позволяет отличить сущность *действия как отношения* – от сущности *недействительных* отношений.

Соотношение часто интерпретируется как *ситуация, обстоятельства, описание, текст, контекст* и т. п. Роль таких отношений, которые не сводятся к соотношениям, обычно игнорируется разработчиками описаний для *больших систем*. Особенно, - для формализованных описаний. Например, в такой области знаний, как *ситуационное управление*, входящей в теорию *искусственного интеллекта*, выделяется больше сотни фундаментальных соотношений, отображающих типичные управленческие *ситуации* [25 – 27]. Отношения же, не являющиеся соотношениями, не используются там как фундаментальные. Они не рассматриваются там как конструктивные и оперативные. Однако, отношения, которые не являются соотношениями, часто отображает собою то, что мы понимаем как *действия, операции, поведения, функции, роли* и т.п.

Специфика таких отношений, как действие, вскрывается не путём анализа их носителя, или субстрата. Она выражается путём выяснения того, каков результат реализации данного отношения, и того, какова вещь, на которой это отношение реализовано. Иначе говоря, чтобы понять *суть действия* как отношения, нет нужды превращать его субстрат во множество вещей. Наоборот, - надо выяснить то, как реализуется данное отношение. Отношение, реализованное на своём субстрате, играет какую-то роль в среде для этой реализации; такую роль и нужно выяснить. Кроме того, очень важно знать, во что превратится вещь, служащая субстратом для отношения, после того, как данное отношение уже реализовалось на ней.

Если мы придадим объекту то, что может выступить для него как его *внутреннее* свойство, то оно (будучи ему придано) не изменит этот объект.

Если же мы припишем объекту то, что может выступить для него как *внешнее* свойство, то оно (будучи ему придано) лишь конкретизирует этот объект. Однако, конкретизированный объект, по-прежнему, является тем же самым объектом. Отношение же может существенным образом изменить свой носитель. Такие отношения, как действия, радикальным образом изменяют тот объект, на котором они реализуются. Как уже отмечалось, подобные отношения играют роль структуры в так называемых «*сильных* (или *валидных*) системах» [3; 17].

2.3. Примеры действий как отношений.

Функция, операция, процесс и смыслы их понимания

Примером *изменения* является *течение*, понятое как *действие*. По Гераклиту, «*Всё течёт*». Эта ситуация понимается в широком смысле. И при таком, широком, понимании слова «*течёт*», речь идёт не о простом механическом перемещении тела в пространстве за некоторый промежуток времени. Вообще говоря, при таком «*течении*», изменяется состояние объектов. И это состояние не обязательно является положением в нашем обычном трёхмерном пространстве, где есть длина, ширина и высота. *Исходное состояние* объекта переходит в *последующее состояние* этого же объекта. Последующее – это *последующее во времени*. Такой *переход* (такое «*течение*») – это *отношение*, а не свойство: переход радикально меняет состояние всего преходящего.

А.И. Уёмов моделировал *действия, операции, поведение, деятельность*, именно как *отношения* [13 – 14; 28 - 32]. В частности, он опубликовал несколько работ об *умственных действиях*. Таковыми, например, он считал и арифметические *операции*: сложение, вычитание, переход от исходного числа – к следующему в натуральном ряду (как в арифметике Пеано) и другие. Естественно, что *умственные действия* проводятся реально, они протекают во времени. *Умственными действиями* А.И. Уёмов считал и *логические операции*. Такое *поведение*, как *возрастание* или *убывание* (и вообще, *изменение*) – это тоже некоторое *действие*. В современной математике само *изменение* (в собственном смысле этого слова, или *процесс изменения*), моделируется с помощью *функции*.

В русле идей А.И. Уёмова, мы также будем рассматривать *операции как некоторые действия*. А действия – как *отношения*. Операция подобна *процедуре, мероприятию, акции, акту* и т.п. Естественно, что, рассматривая результат умственного действия или результаты мыслительных операций, мы часто абстрагируемся от времени. Хотя, для достаточно сложных (скажем, математических или логических) операций, выполняемых на ЭВМ, фактор времени очень существенен. Алгоритмически сложные операции, проводимые на ЭВМ, требуют большой оперативной памяти; такие операции обычно стараются упростить.

Процесс – служит отношением для *процессирующих* объектов. И он, по сути, тоже является неким действием. *Процесс* в кибернетике моделируется как *блок-схема*, или как *сетевой график*. Графы, соответствующие им *взаимобратны*, согласно теории графов (там, при их взаимобращении, вершины и рёбра графа меняются местами [33]).

2.4. Примеры формальных аспектов действий, являющихся одноместными и неопределённоместными отношениями

Рассмотрим несколько формальных аспектов моделирования в ЯТО *действий* как некоторых (*уместных, подходящих*) отношений.

1. Обратимся, для примера, к ситуации с *человеческой духовностью*. Пусть эта ситуация выражена во фразе «*духовность возникает*». Назовём такую ситуацию *исходной картиной* и обозначим её буквой Q_1 . Фраза «*духовность возникает*» построена в русском языке правильно. И она не бессмысленна. Очевидно, *картина* Q_1 представляет собою некое соотношение (между какими-то его коррелятами).

В ЯТО можно схематизировать эту фразу так, как *предикацию отношения* $\iota_v \mathfrak{K}$ на вещи $\iota_z \mathfrak{M}$:

$$Q_1 =_{\text{def}} \iota_1 \{ \iota_v \mathfrak{K} (\iota_z \mathfrak{M}) \}. \quad (2.1)$$

Здесь $\iota_z \mathfrak{M}$ схематизирует качество по имени «*духовность*» (точнее, будем иметь в виду, что это - «*человеческая духовность*»), а $\iota_v \mathfrak{K}$ – отношение, скрытое за словом «*возникает*».

Заметим теперь следующее. Если мы говорим, что здесь *возникновение – это отношение*, то мы при этом ещё не расчлняем носитель $\iota_z \mathfrak{M}$ такого отношения $\iota_v \mathfrak{K}$, то есть, мы ещё не расчлняем качество по имени «духовность», на несколько других качеств. Мы также ещё и не сочлняем качество по имени «духовность». Фраза «*духовность возникает*» остаётся вполне осмысленной и без того, чтобы рассматривать *возникновение* как соотношение.

Затем мы можем указать и уточнить *смысл понимания* указанного отношения $\iota_v \mathfrak{K}$ (*смысл его понимания на его носителе* $\iota_z \mathfrak{M}$). Мы можем указать то, как именно реализуется данное отношение. Иначе говоря, мы можем конкретизировать *способ* (или *тип*) *предикации отношения* $\iota_v \mathfrak{K}$. Иными словами, мы можем конкретизировать *режим реализации* нашего отношения *возникновения*, дополнив картину Q_1 *уточняющим обстоятельством* H_1 . По сути, H_1 - это *условие конкретизации* для картины Q_1 .

Пусть, конкретизировав *тип предикации* для отношения $\iota_v \mathfrak{K}$, мы перешли от ситуации Q_1 - к новой ситуации Q_2 , где

$$Q_2 = \text{def } \iota_2 [(\iota_1 a) N_1] . \quad (2.2)$$

Каково же здесь обстоятельство N_1 , уточняющее режим *возникновения* объекта по имени «духовность»? Пусть, этот режим таков: *духовность возникает из чего-то, скажем – из бездуховности*.

Например, можно считать, что N_1 таково:

$$N_1 = \text{def } \{ f(\iota_Z M) J[\iota_V R(a)] \} . \quad (2.3)$$

Оно означает: «Духовность $\iota_Z M$ – это вещь $[\iota_V R(a)]$ ». Выражаясь по-другому, *духовность* – это нечто, возникшее из какого-то объекта a (понимаемого, скажем, - как *бездуховность*). *Духовность* возникла путём применения к нему отношения $\iota_V R$. То есть, - отношения по имени «возникновение». А, например, *бездуховность*, выступила как *субстрат* (или *объект*) приложения такого отношения $\iota_V R$.

Таким образом, отношение $\iota_V R$ обнаружится в результате реляционного (скажем, исторического) анализа вещи $\iota_Z M$. Оно в ней выделится.

Однако, при этом мы вовсе не обязаны думать так, будто в данных картине Q_0 и в уточняющем её обстоятельстве N_1 само возникновение – это соотношение. В данном случае, возникновение – это отношение $\iota_V R$, имеющее своим носителем $\iota_Z M$. Но $\iota_Z M$ - это всего одно качество (качество по имени «духовность»). Отношение по имени «возникновение», хотя и одноместно, не оно не служит свойством для своего носителя по имени «духовность».

2. Рассматривая функцию возведения в «квадрат», рассматривая её именно как отношение, мы не обязаны фиксировать тот факт, что функция применяется не сама, но её применяет тот человек, который осуществляет умственное действие по имени «возведение числа во вторую степень». То же самое верно и тогда, когда возводит числа в квадрат не человек, но машина (ЭВМ).

3. Говоря «Всё изменяется», мы не обязаны думать, что оно (всё) изменяет само себя. Потому, дескать, - что здесь отношение *двухместно* (из-за наличия возвратной частицы «ся»). Подобны этому и те ситуации, когда число *возрастает* так: 1) либо экспоненциально; 2) либо квадратично (*основание возводится в степень 2*). И здесь тоже отношение по имени «возведение в квадрат» хотя и одноместно, но оно не служит свойством для своего носителя, выступающего в роли основания для возведения в степень. Не служит – ибо радикально меняет возводимое число.

4. Аналогично сказанному, констатируем и следующее. В *безличных* (или – в *неопределённоличных*) предложениях типа «Дождит», «Светает», «Холодает», глаголы выражают *отношения*. Но, в каждом из них коррелирует отношения является неопределённым объектом. Отношение по имени «дождит» вполне «работает» и без того, чтобы явно выделять несколько объектов, которых бы это отношение *соотносило*, то есть, анализировалось бы именно как *соотношение*. Мы здесь не обязаны выделять несколько неопределённых объектов, путём объединения которых (беря их всех вместе, синтезируя их), мы бы, опять же, получили бы неопределённый носитель упомянутого отношения. Например, мы бы могли получить такой носитель этих отношений, который обозначен словом «оно» (или «нечто»). Данные отношения также не служат свойствами для своих неопределённых субстратов.

5. В ситуациях, когда мы изъясняемся и *не безличными* предложениями типа «любовь исчезает» или «любовь исчезла», такое *исчезновение* можно мыслить как отношение, даже не моделируя его как соотношение.

Однако, без использования *соотношения* мы не можем обойтись, если указываем (или уточняем) *тип предикации* нашего отношения. Скажем, - если сравниваем то наше состояние, когда любовь была и то, когда её уже нет. Соотношения (новые соотношения) появляются, когда мы рассматриваем исходное отношение по имени «исчезновение» в

его среде. Новые соотношения появляются при тех условиях, - если мы изучаем место и роль данного исчезновения в следующей картине: «событие по имени "любовь исчезает", это событие совпадает с той ситуацией, когда появляется *отсутствие любви*».

б. «Часовой спит», пример с одноместным отношением (приведенный А.И. Уёмовым), - из той же серии [34, с. 199]. Отношение, выраженное словом «спит», - внешнее для часового. Оно *действительно*. Оно его существенно изменяет (делает уже не часовым). Для человека, выполняющего функцию часового, такое его поведение, когда он спит, несовместимо с этой функцией.

Примеры «Дельфин плывёт», «Вселенная живёт», - аналогичны уже рассмотренным выше *одноместным* отношениям.

2.5. Одноместные отношения как отношения, «развёртываемые экстенционально»

Рассмотрим лаконичное предложение «Я иду». Глагол «иду» явно выражает здесь отношение (обозначим интенционал этого отношения через W_1). Опять же, предложение «Я иду» построено в русском языке правильно. И оно осмысленно.

Видимо, суть предложения «Я иду» можно смоделировать как *одноместный* предикат $W_1(t)$, где t - это я. Кстати, этот же предикат будет соответствовать даже ещё более лаконичному, лапидарному предложению «Иду».

Первое предложение («Я иду») можно счесть синонимом (или неким эквивалентом) для более обстоятельных, более развёрнутых, распространённых предложений или фраз: 2) «Я изменяю ходьбой своё пространственно-временное *состояние* (или *положение*)»; 3) «Я иду с одного места до другого места»; 4) и т.п. Они отображаются, соответственно, многоместными предикатами $W_2(x_1, \dots, x_2, \dots)$, $W_3(y_1, \dots, y_2, \dots)$ и т.п. Таким образом, отношение, выраженное во фразе «Я иду», можно представлять себе как некое *соотношение* моих разных состояний (исходного и следующего, по времени). Или - как *отношение меня самого к моим разным последовательным состояниям*. И - т.п.

Очевидно, символом W_2 здесь обозначен интенционал более «развёрнутого», более обстоятельного *соотношения*, которое отражено во второй фразе («Я изменяю ходьбой своё пространственно-временное *состояние*»). Итак, мы перешли от предиката $W_1(t)$, моделирующего предложение «Я иду» - к предикату $W_2(x_1, \dots, x_2, \dots)$, моделирующему второе предложение. При этом, сравнивая первые два предложения, можно думать, например, так, будто более обстоятельное, более «развёрнутое» отношение, выраженное через $W_2(x_1, \dots, x_2, \dots)$, будто оно просто было свёрнуто по своему экстенционалу. Свёрнуто - так, как свёртывается отношение по своим коррелятам, согласно методу, описанному в [35, с. 59; 36, с. 137; 37, с. 92 - 93]. Можно думать так, будто - оно (это отношение) свёрнуто, по коррелятам, до своего состояния, выраженного через $W_1(t)$. При таком свёртывании, связь одного коррелята с другими просто перешла в интенционал W_1 того лаконичного отношения, которое смоделировано как $W_1(t)$. Происходит «квази-снижение» числа мест у соотношения [36, с. 137]. При этом, интенционал W_2 бывшего предиката $W_2(x_1, \dots, x_2, \dots)$ усложнился до интенционала W_1 у предиката $W_1(t)$.

2.6. Условия, когда модель действия как одноместного отношения бывает эффективной

Часто *действие* вполне может быть понято как *одноместное* (или даже как *неопределённоместное*) отношение. В этих случаях *действие* допустимо представить как *систему*. За *системоопределяющий* фактор (*концепт*) такой системы берётся характеристика того, как именно это отношение реализуется (то есть, - берётся *тип предикации действия*). Видимо, не случайно, *тип предикации* для отношений и свойств А.И. Уёмов называет также *смыслом их понимания* [38].

1. Иногда предложение, где глагол выражает *неопределённоместное* отношение, называют *безличным* (или *бессубъектным*). *Бессубъектность* отношения кажется даже чрезмерным отсутствием информации о нём. И, тем не менее, при этом *системная мо-*

дель действия, всё же, оказывается достаточной, целесообразной и эффективной для его понимания. В этих случаях важно указывать *тип предикации (или режим)* действия как отношения на вещи в целом.

Иногда (в качестве *режима*) важно фиксировать *генетическое соотношение* между действием и тем, что оно даёт (к чему оно приводит). Например, - важно указывать такие соотношения: 1) между действием, целевой (или итоговой) ситуацией действия - и его средством, взятым в целом; 2) между действием, ресурсом действия - и его продуктом (или результатом); 3) причинное отношение (то - как действие *имплицитирует* его реализацию [24]). В таких случаях тип предикации для одностепенного действия (или его режима) выступает как концепт этого действия.

2. Как, например, может быть направлено моё внимание, когда я думаю, что я иду, и при этом я мысленно сделал «свёртку» своего отношения ходьбы в указанном выше режиме? Тогда, для того, чтобы понять *ходьбу* как действие в целом, мне нужно прежде всего выделить *концепт* ходьбы. Мне нет необходимости сразу осознавать отношение, выраженное глаголом «иду», как соотношение. Скажем, - как отношение меня самого к дороге или к пути, по которым я иду. Тогда мне не обязательно будет нужно анализировать состав *интенционала* и *носитель* отношения по имени «иду» (*интенционал* и *носитель* отношения ходьбы)! Выделяя *носители*, или *субстрат* ходьбы, её реистические корреляты, я перевёл бы внимание на те *второстепенные дескрипторы* системы, которые уже предопределяются концептом. Я не обязан буду выделять (синтезированное и скрытое в данном интенционале) отношение идущего человека к тому объекту, по которому он идёт. Вместо этого, для понимания ходьбы как действия в целом, мне достаточно будет проанализировать *результат осуществления ходьбы* (её *цель* и *продукт*).

И тогда я могу, например, думать так: «Сейчас я здесь, а, пойдя, буду там». То есть, я могу при этом, думать, что моя *ходьба завершится определённой ситуацией на финише* и я, *пойдя, окажусь в этой ситуации.* Это и есть *целенаправленность* ходьбы. Она слугит концептом ходьбы как системы. А мои соотношения с другими коррелятами ходьбы «свёрнуты» и пребывают в интенционале ходьбы как отношения. Они «свёрнуты», потому, что предопределяются этой целенаправленностью как концептом.

3. Первостепенная важность *типа предикации, или смысла понимания,* ходьбы (как её *концепта*) ярче осознаётся, когда мы сравниваем разные виды ходьбы как действия. Например, - когда мы сравниваем свою ходьбу с той, которая имеется в виду, когда мы говорим «идут часы». Здесь слово «идут» тоже выражает действие. И здесь не самым главным является то, каков субстрат часов (ходики ли это с гирями, или это пружинные часы, или электронные и т.п.). Ясно, что в случае антонима для слова «идут» (как во фразе «идут пожарному усы»), *концепт* для отношения «идут» будет совершенно другим (не таким, как для *действий*). Ибо здесь «идут» - означает «уместны». Точнее, здесь слово «идут» синонимично или эквивалентно слову «уместны».

4. Ситуация «Пловец ныряет» аналогична уже рассмотренной ситуации с ходьбой. Состояние пловца на старте *ныряния* завершается его состоянием на глубине. Именно *намерение*, отражающее такую *целенаправленность*, очень существенно в *нырянии*. Оно является *системоопределяющим* в *нырянии* (является *концептом ныряния*). Соотношение же пловца с другими *коррелятами ныряния* подразумеваются в интенционале этого ныряния как отношения. Оно «свёрнуто», так как менее существенно, чем *целенаправленность*, поскольку предопределено ею.

2.67. Примеры, когда действие вещи (или – воздействие, оказываемое на вещь) не является для неё свойством

1. Говоря, подобно Гераклиту, кратко, лаконично «Всё течёт», мы мыслим отношение объектов к их последующему состоянию (во времени) как включённое в интенционал *отношения* по имени «течёт». Это отношение присутствует в таком интенционале, будучи там в своём *свёрнутом* виде.

В ситуациях типа «Время течёт», «Временное состояние вещи течёт» наука не

требует выделять Бога или Природу, которые перемещают временные точки или движут (передвигают) состояния объекта во времени. Не требуется обязательно указывать того *демиурга*, который скачкообразно меняет состояния объектов от одного временного момента к следующему по их ряду. *Течение времени как отношение не требует соотнесения* того, кто' меняет – с той вещью, которую он меняет. В квантовой механике используется операция *сдвига во времени*. Есть там и *оператор сдвига во времени*. Но там не используется такой объект, который сдвигает всё во времени.

Течение (как отношение изменения), само, применяясь к временному положению (или состоянию) вещи, существенно её меняет (скажем, *старит наш возраст во времени*). Действие, выраженное словом «течёт» можно не толковать как *соотношение*. Это действие вполне можно понять и как одноместное отношение. Как отношение, - но не как свойство.

Итак, пусть, говоря «*время течёт*», мы рассматриваем действие по имени «течёт» - рассматриваем его как *отношение*. Строя *временную ось*, мы обычно уславливаемся, что время течёт из прошлого через настоящее в будущее. Некоторые, впрочем, считают, что наоборот, - настоящее уходит в прошлое. А будущее приходит. Но при этом мы вынуждены считать, что время движется опять же – во времени. Время, характерное для одной системы отсчёта, течёт (то есть изменяется) во времени, характерном для другой системы отсчёта²⁾. Например, психологическое время, присущее данной личности, течёт в системе отсчёта, так называемого *Мирового времени* на Земле (времени – «по Гринвичу»).

Как мы рассматриваем *способ предикации*, или *режим действия* по имени «течёт»? Мы моделируем этот *режим* в виде *соотношения* (между точками на временной оси или между коррелятами, именуемыми как прошлое, настоящее, будущее). Представляя себе *режим течения времени* именно так, мы вынуждены говорить, что одно *время течёт в другом времени*. Пускай – и не только во времени, но и в пространстве и т.д. Скажем, исходное значение дискретного времени (в движущейся системе отсчёта) скачкообразно превращается в новое значение такого времени. А при этом также значения времени измеряются и относительно неподвижной системы отсчёта. Итак, течение времени означает его существенное изменение (изменение характеристик времени). Поэтому за словом «течёт» прячется не свойство (для времени), а отношение.

2. Категорию «*существование*» можно трактовать по-разному. Например, - как аналог *истинности* в логике (или «*бытийности*», по А.И. Уёмову [12]) и т.д. Но здесь мы пока взглянем на отношение, выраженное глаголом «*существует*», как на *поведение*, то есть, - *действие*. Станем понимать *существование* как процесс *пребывания* в пространственно-временном континууме. Например, - так можно трактовать и существование во фразе «*Материя существует вечно*».

Что теперь означает, когда мы говорим «*Вещь существует*», мысля существование как отношение? Это значит, что данное отношение, реализуясь на вещи, изменяет или сохраняет её состояние в пространственно-временном континууме. Но такое отношение не обязано дробить данную вещь на её части. Оно же и не обязано соединять части существующей вещи, даже, если она представляла собою множество каких-то объектов. Иначе говоря, мы воспринимаем ситуацию, когда *вещь существует*, - как одноместное отношение. Причём, - как такое отношение, которое не служит для этой вещи свойством! Ибо – оно, реализуясь на вещи, ведёт себя как *действие*, оказываемое на эту вещь.

2) Некоторые философы полагают, что время может не существовать как определённый объект. Но в тех измерениях, *где время является неопределённым*, существуют, тем не менее, возможности (или потенциалы) изменений, а также - и возможности результатов этих изменений [39 - 41].

2.8. Действие как *сильное и исчезающее* отношение

2.8.1. Тип предикации действия как отношения

Такая зависимость, как зависимость между *продуктом* и *ресурсом* для него, она выражается через некое *действие*, протекающее во времени, то есть, - через *процесс*. Действие можно смоделировать в виде особого отношения (в виде *сильного* отношения, *исчезающего* после своего применения). И, в этом смысле, такое отношение можно было бы назвать *вырожденным* и *вырождающим* отношением [10; 15]). Об этом смотри – ниже. Можно считать, что функция также представляет собою некоторое действие. Впрочем, - как и операция.

Когда функция применяется к её аргументу (или, точнее, - к значению её аргумента), то такое её *применение* (или её *апликация*) могут быть разными. Поэтому нужно указывать *способ* её такого *применения*. Поскольку функция – это некое подобающее *отношение* для её аргумента, то мы указываем *способ предикации* данного отношения. Мы указываем *способ, или тип, предикации данного отношения на той вещи, которая служит его аргументом*. Теперь заметен следующий факт: конкретное соответствие между аргументом функции и результатом её применения является именно способом её предикации на её аргументе. То, что в обычных определениях функции [42, с. 95 – 96; 43, с. 35 – 36, 55; 16, с. 98, 106, 369] именуется их авторами как *указанное соответствие* между элементами из областей определения и значения функции (или – как *общее правило* соответствия, или как *закон* для такого соответствия), всё это является, по сути, *способом упомянутой предикации*. Упомянутые соответствия (и в случае функций, - и в случае операций) между областью определения и областью значений иногда иначе могут называться *комбинаторными конфигурациями* [16, с. 570]. Хотя способ предикации данного отношения является именно неким *соотношением*, но само *предикаруемое* отношение не обязано быть *соотношением*. Определяя функцию, мы не обязаны полагать, будто функция – это отношение того субъекта (или объекта), которые её применяет, к тому значению аргумента (или операнду), который подвергается указанному применению.

2.8.2. Путь формализации действия в языке ЯТО.

Результат и продукт действия

Рассмотрим, как можно формализовать в языке ЯТО собственно само *действие*. Причём, - действие, понятое как отношение. В этом смысле, *действие* подобно *операции*.

Исследователь действия не обязан выделять отношение субъекта (как действующего фактора) к тому объекту, на который он действует. Часто соотношение «субъект действия – его объект» бывает синтезировано и скрыто в интенционале действия. Вместо этого, эксперту, исследующему действие, для понимания *действия* (или - *операции как действия*), часто бывает достаточно лишь проанализировать *результат* осуществления действия (или *операции – как действия*).

Как уже говорилось, *действие* аналогично следующим вещам: *поведение, деятельность, мероприятие, операция, процедура, акт, акция* и т. п. *Поведение* можно рассматривать как *действие*, направленное на *неопределённый* результат.

Скажем, камень, катясь с горы при камнепаде, в итоге, предстаёт в весьма неопределённой *результатирующей ситуации*. Он занимает неопределённое место в ней. Такое *поведение* камня (которое соответствует фразе «камень скатился») завершается во многом *неопределённым результатом*. Говоря «камень покотился», мы оставляем *результатирующую* ситуацию этого качения ещё более неопределённой. Мы её не проясняем.

При этом заметно, что различие *поведения* и *операции* относительно. То отношение, которое в одном плане служит *поведением*, в другом плане может быть *операцией* (если *результат* его реализации проявляется как *определённый*). Операция – это *определённонаправленное* действие. *Деятельность* можно рассматривать как целенаправленное *поведение*, или как действие, направленное на *определённый* результат [13 - 14; 28 - 32].

Операция – это тоже особое *действие*. Значение *вещественного итога* (а точнее, - *продукта*, или *результанта*) применения операции – это значение *ресурса, подвергнутого упомянутой операции, претерпевшего, или пострадавшего, от неё*. Это - если использовать аристотелевскую категорию *страдания*.

Обратим внимание на значение *реляционного итога* действия (то есть, его *результата*, по терминологии А.И. Уёмова). Иначе такой *результат* иногда называют *эффектом* действия. Значение *результата* реализации действия – это та (*результатирующая*) *ситуация*, которая воцаряется, когда действие реализовано как отношение. Это и есть действие, реализованное как отношение применительно к своему *ресурсу*, или *объектам действия*, взятым в целом. *Реализованное действие* - это *завершённое действие*.

В частности, для функции и для операции (*a*, подавно, и для деятельности) *результатирующая ситуация (по своему значению) является определённой*.

1. Возьмём такой вид действия, как *рубка*, или *разрубание* (скажем, - *рубка* дерева). Используя язык ЯТО, обозначим его, это отношение по имени «*рубка*», через

$$\mathbf{r} a . \quad (2.4)$$

Оно применялось к тому, что названо *ресурсом* действия, или его *операндом*. Обозначим этот *ресурс*, или *операнд*, через

$$\mathbf{r} a . \quad (2.5)$$

В данном случае, *ресурс*, или *операнд*, – это *дерево*. Обе ситуации, - когда, во-первых, отношение $\mathbf{r} a$ применялось к *операнду* и когда, во-вторых, *операнд* подвергался действию, - эти ситуации выражаются в ЯТО так:

$$\{ \mathbf{r} a (* \mathbf{r} a) \} \quad (2.6)$$

$$\{ \mathbf{r} a (\mathbf{r} a) \}. \quad (2.7)$$

Трактуя *рубку* как *операцию*, Авенир Иванович назвал бы упомянутый *продукт* рубки её *результантом*. *Результант* – это операнд, к которому применена операция как отношение. Иначе говоря, *продукт* (или *результант*) операции – это то, что образовано в результате *реляционного (а не реистического) синтеза* операнда и операции. У нас *результант* – это

$$[\mathbf{r} a (\mathbf{r} a)] \quad (2.8)$$

Пусть в нашем примере с *рубкой дерева результат* считается определённым, и таким: это - *дрова*.

Итог же

$$[\mathbf{r} a (* \mathbf{r} a)] \quad (2.9)$$

применения этого отношения $\mathbf{r} a$ к операнду $\mathbf{r} a$ Авенир Иванович называл бы *результатом* рубки. Он - это нечто, образованное данным (реализуемым) отношением [15, с. 260 – 262; 44].

В случае такого действия $\mathbf{r} a$, как *операция рубки*, результат применения отношения $\mathbf{r} a$ к тому, что названо выше операндом $\mathbf{r} a$, устанавливается как определённый и обозначается буквой *t*. Таким образом, мы имеем, фактически, определённую *целенаправленность*. Операция направлена (её *результат* отождествляется с определённой вещью *t*):

$$\{ \mathbf{r} a (* \mathbf{r} a) \} \mathbf{t} \quad (2.10)$$

Фактически, при данной *рубке*, *результат t* представляет собою ту (*целевую*) *ситуацию*, которая воцарилась, когда действие по *рубке дерева* завершилось. Результатирующая (целевая) ситуация *t* задана интенционально.

В этой (целевой) *ситуации* мы обнаруживаем *дрова* как *продукт* данного действия. Этот *продукт* участвует в данной *целевой ситуации*. Он ею характеризуется [15, с. 260 - 262].

Иначе говоря, соотношение (2.10) – это *целенаправленность того отношения $\mathbf{r} a$* , которое выступает как действие! Это – *направленность на целевую ситуацию t*. Действие направлено на достижение этой *целевой ситуации t* и, при этом, - на получение *продукта* $[\mathbf{r} a (\mathbf{r} a)]$. В итоге, отношение $\mathbf{r} a$ выступает как *действие*.

Если результат $[\mathbf{r} a (* \mathbf{r} a)]$ применения сильного отношения $\mathbf{r} a$ оказывается

неопределённым, то мы имеем дело не с *операцией*, но, просто, - с *действием*. Операция является частным случаем действия. *Операция – это направленное действие, точнее, - это определённо направленное действие.*

В случае такого действия $\Gamma_p a$, как операция, её продукт $[\Gamma_p a (\Gamma_a a)]$ также может конкретизироваться. Обозначим его как конкретный объект, имеющий схему $\iota_\chi \mathfrak{B}$. Таким образом, мы имеем, фактически, определённую *направленность* операции на *продукт*, или её *продуктивность*. Операция – это продуктивное действие:

$$\{ \{ [\Gamma_p a (\Gamma_a a)] \} J (\iota_\chi \mathfrak{B}) \} \quad (2.11)$$

Аналогично, *продуктивная деятельность* – это деятельность, продукт которой тоже является конкретным.

2. Рассмотрим теперь пример *умственного действия* [13 - 14; 44]. Возьмём такой род действия, как арифметическое действие. Будем, для начала, интерпретировать его в виде *сложения чисел в уме*. Пусть взято умственное действие по сложению чисел 1 и 2.

Как уже говорилось, естественно, что *реально проводимое сложение* – это *действие*. Сложение тоже называют *операцией*. *Умственное действие*, называемое сложением (и требующее, как известно, энергетических затрат, умственных усилий, работы интеллекта), А.И. Уёмов тоже представлял как особое отношение. Используя язык ЯТО, как и выше, обозначим его, это отношение, через $\iota_p a$. Оно применялось к тому, что названо *операндом*. Операнд обозначен как $\iota_a a$. Ситуации, когда отношение применялось к операнду и когда операнд подвергался операции, выражаются в ЯТО так: $\{ \iota_p a (* \iota_a a) \}$ и $\{ \iota_p a (\iota_a a) \}$.

Упомянутый *продукт* операции сложения – это, по А.И. Уёмову, *результант* операции. *Результант* $[\Gamma_p a (\Gamma_a a)]$ в нашем примере сложения – это число 3. Итог же $[\Gamma_p a (* \Gamma_a a)]$ применения этого отношения $\Gamma_p a$ к операнду $\Gamma_a a$ - это *результат* операции.

В данном случае (в случае *операции сложения*), результат применения отношения $\Gamma_p a$ к тому, что названо выше операндом $\Gamma_a a$, устанавливается как определённый и обозначается буквой t . Таким образом, опять же, мы имеем, фактически, определённую *целенаправленность*. Операция направлена (её результат отождествляется с определённой вещью t). Это и выражено выше формулой (2.10).

Фактически, при данном *сложении*, *результат t представляет собою ту* (целевую) *ситуацию, которая воцарилась*, когда умственное действие по сложению чисел 1 и 2 завершилось.

Далее, для простоты изложения данного примера, мы будем абстрагироваться от времени, в течение которого проводится операция сложения. Тогда в этой (целевой) *ситуации* мы обнаруживаем число 3 как *продукт* данного сложения. Этот *продукт участвует* в данной целевой ситуации. *Он ею характеризуется* (см. формулы (1.4)).

На содержательном уровне, в этой (целевой) ситуации t имеется то соотношение *соответствия* (2.12), которое можно обозначить стрелкой (со знаком плюса) так:

$$\langle 1, 2 \rangle \xrightarrow{+} 3 . \quad (2.12)$$

Это – соотношение *соответствия* между операндом и результатом. Результирующая (целевая) ситуация t задана *интенционально*. В данном случае (в случае сложения единицы с двойкой) *результат t* может интерпретироваться как упомянутая *целевая ситуация*, которой свойственно соотношение (2.12).

В итоге, отношение $\Gamma_p a$, опять же, выступает как *действие*.

Действие как отношение можно определить поэтапно, определить его в ЯТО формально, за несколько шагов, описанных ниже (в п. 2.7.4.), пока ещё, во многом, - «на словах».

2.8.3. Функция и операция как действия.

Функция – это особое *действие* (поэтому *функциональная зависимость* – это особая *зависимость*). В общем случае область определения функции (то есть, область зна-

чений её аргумента) и область её собственных значений могут оказаться не только множествами чисел, но и областями любой корректно заданной природы. В этих случаях под словом «значение» будем понимать то, что обычно зовётся как «предметное значение».

Функция и операция качественно аналогичны друг другу. Как уже отмечалось, в математике и логике обычно отвлекаются от времени, в котором происходит их выполнение. Однако, иногда (например, когда функцию понимают как *роль*, а операцию, как *мероприятие*) учёт времени бывает существенным ¹⁾.

Значение *продукта* применения функции (как *действия*) – это значение *ресурса*, подвергнутого упомянутой функции (как *действия*). Иначе говоря, значение *вещественного итога* (а точнее, - *результанта*) – это значение *аргумента*, подвергнутого упомянутой функции.

В этом смысле, *продукт зависит от ресурса*. Ресурс обуславливает, *предвосхищает собою* тот продукт, который из него (из ресурса) может быть сотворён. *Ресурс предрасположен к образованию из него продукта*. Проведя анализ продукта, мы обнаружим тот ресурс, из которого этот продукт получен (или исторически образовался).

Значение *зависимой переменной* (в случае функции) аналогично значению *продукта действия*. Допустим и иной оборот: «Значение *продукта* применения функции – это значение *ресурса, претерпевшего, или пострадавшего, от неё (от указанной функции)*». Опять же, так можно сказать, – если использовать категорию *претерпевания, или страдания*, по Аристотелю.

1) Обратим внимание на значение *реляционного итога* функции как действия (то есть, *результата применения функции*. Иначе такой *результат* можно назвать *эффектом* выполнения функции как действия. Значение *результата* реализации функции – это та (*результатирующая*) *ситуация*, которая воцаряется, когда функция реализована как отношение. Это и есть функция, реализованная как действие применительно к своему *аргументу* как *объекту действия*. В частности, для функции, как и для операции, *результатирующая ситуация (по своему значению) тоже является определённой*.

2.8.4. Действие как *вырождающееся и вырождающее* отношение. *Вырождаемость функций и операций как действий*.

1. Рассмотрим первую особенность действия – его особенность как *сильного* (или *вырождающего*) отношения. Она представлена следующим очевидным обстоятельством: ресурс $\Gamma_a a$ операции *не имплицитруется* её продуктом $[\Gamma_p a (\Gamma_a a)]$. То есть,

$$\{ \{ [\Gamma_p a (\Gamma_a a)] \rightarrow \Gamma_a a \} \supset \rightarrow N \}. \quad (2.13)$$

Здесь N – знак *небытийности*, в ЯТО [12].

Тем более, продукт не является ресурсом:

$$\{ \{ [\Gamma_p a (\Gamma_a a)] \Rightarrow \Gamma_a a \} \supset \rightarrow N \}. \quad (2.13a)$$

Здесь знак « \Rightarrow » двойной стрелки означает *конкретную импликацию* в ЯТО.

Для иллюстрации «*силы*» отношений, вернёмся к некоторым прежним примерам. *Разбитая чашка уже является осколками чашки, но не является чашкой*. Здесь *разбивание* (или *разбиение*) выступило как *сильное отношение*. Человек, подвергнутый *умерщвлению* (или *умиранию*), то есть, *умерший человек, не является человеком, но является трупом человека*. Здесь слово «умерший человек» отражает человека, претерпевшего *умирание* как отношение.

2. Дальше поговорим о второй особенности действия (а также - и функции, и операции, понимаемых как действия). *Продукт действия не имплицитует самого действия*. По аналогии с подходом К. Маркса к *продукту труда* [23], можно сказать, что *действие угасло в его продукте*. Действие, реализовавшись, *исчезло* в его продукте (оно *завершилось, выродилось в этом продукте*):

$$\{ \{ [\Gamma_p a (\Gamma_a a)] \rightarrow \Gamma_p a \} \supset \rightarrow N \}. \quad (2.14)$$

Сказанное, однако, не противоречит тому, что действие может быть обнаружено в

ходе реляционного анализа продукта (скажем, - в ходе его исторического анализа). Аналогично, проведя подобный анализ продукта, также модно обнаружить тот ресурс, из которого исторически возник этот продукт.

3. Теперь – о третьей особенности действия. Глядя на результирующую ситуацию действия, мы видим следующее. Имея результирующую ситуацию действия, мы уже не имеем при этом того действия, которое реализовалось (как отношение) в виде неё. Как уже говорилось выше, действие, *исчезло* (или *выродилось*). Иначе говоря, очевидно, что действие не имплицируется тем состоянием этого действия, когда оно уже реализовано на объекте:

$$\{ \{ [\Gamma_p a (*\Gamma_a a)] \rightarrow \Gamma_p a \} \supset \rightarrow N \}. \quad (2.15)$$

Поскольку действие, реализуясь, и само переходит в своё вырожденное состояние, то отсутствует и конкретная импликация $\{ [\Gamma_p a (*\Gamma_a a)] \Rightarrow \Gamma_p a \}$,

То есть, результирующая ситуация действия не является этим действием.

Иначе говоря, верно, что

$$\{ \{ [\Gamma_p a (*\Gamma_a a)] \Rightarrow \Gamma_p a \} \supset \rightarrow N \}. \quad (2.15a)$$

Например, ситуация, в которой, оказались осколки чашки (ситуация, когда *есть осколки того, что раньше было чашкой*) уже не является *разбиванием*.

Опять же, в ходе реляционного анализа данной результирующей ситуации (в ходе её исторического анализа) может быть обнаружено и то действие, которое реализовалось в виде неё.

Вместо импликаций, помеченных выше как ложные, существуют, как мы видели, соответствующие *генетические отношения* (когда одно получено из другого путём его синтеза с чем-то третьим). А синтезированные компоненты можно обнаружить путём анализа итоговых объектов [45 - 46].

Как видим, то, что обычно называется *входом* и *выходом* у действия (и, в частности – у поведения или у деятельности, в её *бихевиористской* модели) всё это имеет более разнообразную природу. На *входе* мы имеем то, что выражают формулы (2.4) - (2.7), а на *выходе* – то, что выражено формулами (2.8) и (2.9).

2.8.5. Действия во времени как сильные отношения

1. Рассмотрим случай умственных действий, когда мы не отвлекаемся от затрачиваемого на них времени. В этом случае обратим внимание на время, в котором протекает арифметическая операция.

Например, пусть мы осуществляем такое умственное действие, как возведение числа **3** во вторую степень. Число 3, взятое до его возведения в квадрат, – это число 3, находящееся в исходных условиях, в настоящем (или в прошлом). То есть, - это число **3**, находящееся в определённом пространственно-временном состоянии. Обозначим его как **3₀**.

Число **3**, возведенное в квадрат, - это уже другая вещь. Это уже – число **9**, находящееся в последующих во времени (заранее определённых) условиях t. В тех условиях, - когда продукт возведения уже получен. Обозначим такой продукт через **9_t**.

Подобным же образом, число **3**, которое будет возводиться в квадрат, - это уже не просто число **3**, но число **3**, взятое в особом состоянии (это **3**, взятое как кандидат на его возвышение во 2-ю степень). Это тоже уже вещь, отличная от числа **3**. И - т.д., и т. п.

Очевидно, что ресурс **3₀** операции не имплицируется её продуктом **9_t**. Условно записывая корреляты импликаций, мы видим, что

$$\{ 9_t \rightarrow 3_0 \}.$$

То есть, нельзя сказать так: «Имея продукт **9_t** (в указанном выше конкретном смысле), мы, тем самым, имеем ресурс **3₀** в том же смысле».

Для точности, надо видеть более полную картину действий. В действии мы имеем дело с состояниями того, что претерпевает действие (или воздействие), и не просто – с состояниями, но именно с вырожденными состояниями, а не с частными случаями ис-

ходных объектов и отношений. Здесь мы имеем дело не просто с неизменными объектом и действием.

Строго говоря, операция исчезает в результате своего применения, Её результат появляется как *реализованная операция*. А продукт появляется как *операнд*, на котором *реализовалась операция* (см. выше и [23]).

В частности, также не верно, что, если учитывать время, то продукт может являться частным случаем (конкретизацией) ресурса. Это значит, что ресурс изменяется существенно. Он модифицируется радикально, точнее, он переходит в такое своё состояние, которое называется *вырожденным*. В частности, с учётом времени, продукт действия (как вырожденный ресурс) уже не является ресурсом. В этом случае, *действие* представляется как *сильное отношение*.

В случае функции, значение аргумента – это, по сути, его состояние в пространственно-временном плане. То же касается и значения результата.

2. Вот – ещё пример. Пусть, мы реально проводим в языке ЯТО *операцию* конкретизации *прямоугольника* до такой степени, что вместо *прямоугольника* мы получаем *квадрат*. Известно, что *квадрат* действительно является *прямоугольником*. Однако, очевидно при этом и следующее. Качество по имени «*прямоугольник*», существовало в одних временных условиях, а качество по имени «*квадрат*» появилось в совсем других временных условиях. И *прямоугольник, взятый в прошлом, превратился в квадрат, полученный позже*. Налицо факт: «*квадрат, полученный позже, не является прямоугольником, взятым в прошлом*». То есть, продукт нашей операции конкретизации (взятой как *сильное отношение*) не является её ресурсом.

3. Возьмём ещё похожий пример. Проведём реальную операцию *сохранения зафиксированного объекта t*. Констатируем такое обстоятельство: *объект t, взятый в прошлом (или в исходной ситуации), превратился в объект t, полученный позже (или – в новой ситуации)*. Опять же, имеем факт: «*объект t, полученный позже (или – в новой ситуации), не является объектом t, взятым в прошлом (или в исходной ситуации)*».

2.9. Качественный скачок при выполнении действия

1. На приведенных выше примерах видна важность следующего обстоятельства. Хотя *действие* и не обязано выражаться в виде *многоместного предиката* (оно вполне может пониматься и как *одноместный предикат*), но его нельзя рассматривать как свойство для объекта действия.

Нельзя, - ибо налицо совокупность (системоопределяющих) фактов, выраженных в следующих формулах: (2.13; 2.14; 2.14а; 2.15; 2.15а).

Действие является отношением для своего коррелята, или носителя. Оно, будучи придано объекту (реализовано на объекте), *существенно* изменяет его. Оно *вырождает* ту вещь, на которой оно реализуется и само при этом *вырождается* в ней. Оно *преобразует* вещь в её *вырожденное состояние*. И само переходит в своё *вырожденное состояние*.

При этом, продукт, полученный из исходной вещи (как ресурса) не является той же вещью и, вообще, её никак не имплирует. Результирующая ситуация действия тоже не является этим действием и его тоже никак не имплирует.

К тому же, имея продукт действия, мы уже не имеем этого действия: оно, как бы амортизировалось.

В этом (в совокупности этих *системоопределяющих фактов*) и состоит *концепт действительного отношения как системы*.

2. Совокупность указанных (*системоопределяющих фактов*) говорит о *скачкообразных изменениях* и того объекта, на котором реализуется *действительное отношение*, и самого этого *действительного отношения*. Эти *системоопределяющие факты* отображают собою то, что можно назвать *дискретно-генетическими* отношениями. Тогда проиллюстрированное выше поведение действия удобно будет считать дискретно-генетическим, или скачкообразным. Системное представление действия в ЯТО, соответствующее этой

иллюстрации, мы также будем называть дискретно-генетическим.

3. Однако, ничего, подобного скачкообразному поведению действий и дискретно-генетическому представлению действий, нельзя сказать о функционировании свойств. Таких (действительных) свойств не бывает. Отношения могут быть действиями, а свойства – нет.

4. Выбор всех остальных системных дескрипторов действительного отношения будет уже предопределяться зафиксированным выбором указанного концепта. Например, результатирующую ситуацию можно зафиксировать (сделать определённой). Тогда действительное отношение станет направленным действием, или операцией. Продукт действия позволительно сделать конкретным. В этом случае, операция станет продуктивно-ориентированной.

5. При таком смысле понимания действительного отношения, его сущность не определяется тем обстоятельством, является ли носитель этого отношения расчленённым или нет. Привлекательное обстоятельство имеет далеко не первостепенную важность. Если бы мы, например, смоделировали носитель действительного отношения как расчленённый, а действие как соотношение между компонентами этого носителя, то мы бы перешли только к частному случаю действия. Или - к его разновидности.

6. Действительное отношение можно смоделировать и как соотношение. Для этих целей удобно будет представить интенционал действия так, будто оно содержит в себе (в «свёрнутом виде») отношение к сокорреляту для действующего объекта. Удобно представить себе дело так, будто соотношение некоего действующего фактора (скажем, - субъекта действия) и объекта действия, будто это соотношение было «свёрнуто по своим коррелятам», согласно методу свёртки коррелятов соотношения, разработанному в [35 - 37].

6.1. Например, пусть действительное одностное отношение реализуется следующим образом.

6.1.1. Действительное отношение реализуется как воздействие действующего фактора (скажем – действующего субъекта). Тогда из интенционала у этого действительного отношения можно извлечь отношение, направленное к объекту приложения действия. Пример: «Стихия бушует».

6.1.2. Действительное отношение реализуется как претерпевание воздействия. Тогда из интенционала у этого действительного отношения можно извлечь отношение, направленное от действующего фактора к объекту, претерпевающему воздействие (воздействие, оказываемое со стороны действующего фактора). Примеры: «Дерево сломано». «Камень падает». Здесь можно счесть, что оно сломано чем-то, а он падает из-за тяготения.

6.1.3. Действительное отношение реализуется как целенаправленное воздействие некоего фактора, то есть, - как операция. Тогда из интенционала у этого действительного отношения можно извлечь соотношение следующих сокоррелятов, входящих в этот фактор: 1) средства в собственном их смысле для операции (скажем, вещественные ресурсы, материалы, оборудование; 2) энергия; 3) информация и т.п.). Пример: «Компьютер вычисляет».

6.1.4. Действительное отношение реализуется как целенаправленное воздействие такого фактора, как субъект. То есть, оно реализуется как деятельность. Тогда из интенционала у этого действительного отношения можно извлечь соотношение следующих сокоррелятов, входящих в действующий фактор: 1) субъект деятельности; 2) средства (в собственном их смысле) для деятельности (скажем, - вещественные ресурсы, материалы, оборудование; 3) энергия; 4) информация; 5) финансы и т.п.). Пример: «Педагог учит».

2.10. Качественный скачок при выполнении таких действий, как операции и функции

1. Факт (2.13) отсутствия импликации интерпретируется как качественный скачок в операции. Это - скачок от ресурса к продукту, полученному из ресурса. Такой скачок

может интерпретироваться и как *противоречивая ситуация*: есть *противоречие* между тем, что операнд находится в одной точке на временной оси, а продукт (или результат) находится в совершенной иной точке, *не совместимой* с первой, исходной точкой. Упомянутый *скачок* также иногда интерпретируется как *проблема*, или *проблемная ситуация* (когда операция истолковывается как поведение или деятельность). Аналогично интерпретируется и скачок (2.15) «действие – результирующая ситуация как завершённое действие».

Первый скачок (2.13) *отображает силу (или валидность) того отношения, которое послужило как действие. Сила его в том, что оно существенным образом изменило ресурс (превратив его в продукт)*. И ресурса, при этом, уже нет в продукте.

Второй скачок (2.14) *отражает исчезновение действия в его продукте. А третий скачок* (2.15) *свидетельствует о том, что действие завершается: оно превращается в воцарившуюся результирующую ситуацию*.

На *метауровне* для ЯТО, качественным скачкам (2.13) и (2.14) соответствует переход от открытой формулы ЯТО (2.7) - к закрытой формуле (2.8), отображающей *продукт* операции. На этом же *метауровне* для ЯТО, *третьему* качественному скачку (2.15) соответствует переход от открытой формулы ЯТО (2.6) - к закрытой формуле (2.9), отображающей *результирующую ситуацию* как *завершённое действие*.

Несовместимости, подобные тем, что выражены формулами скачков (2.13 – 2.15), отображают упомянутые выше, *противоречия* [10; 22, с. 124 - 162].

В итоге, *операцию* можно определить как такое *отношение* $\gamma_p a$, которое характеризуется всеми перечисленными особенностями. Во-первых, *оно целенаправленное*. Во-вторых, *оно продуктивное*. В-третьих, *оно сильное* (продукт не является ресурсом и ресурс не имплируется продуктом). В-четвёртых, оно – *исчезает в своём продукте*. В-пятых, *оно вырождается* в результате своей реализации. Результирующая ситуация им не является и его не имплирует (то есть, *оно завершается*).

Несмотря на скачки, всё же, мы имеем следующие импlicative связи.

Продукт действия - это то, что действительно характеризуется результирующей ситуацией этого действия. Иначе говоря, продукту действия свойственен реляционный результат этого действия, реализованного на ресурсе, как отношение. Продукт участвует в результирующей ситуации этого действия и характеризуется ею. С другой стороны, результирующая ситуация действия – это нечто образованное данным действием как отношением. Поэтому продукт может быть представлен системно (по двойственной схеме) [9]. В самом деле, в продукте есть некоторое свойство, образованное действием (как отношением для ресурса). Таким свойством служит результирующая ситуация. Но упомянутая ситуация - это нечто, образованное данным действием как отношением [15].

Естественно, говоря всё это, мы имеем в виду область философских предпосылок для ЯТО, - тех, где функционируют категории «вещь» «свойство» и «отношение» [45 - 46].

Литература:

1. Avenir I. Uyemov. The Language of Ternary Description as a deviant logic. Boletin da sociedade Paranaense de Matematica: Editora UFPR. 1-2 as, V.15 n 1/2, 1995; II-(2s). V.17, 1/2 (1997); III - V.18, N 1-2, 1998.
2. Avenir Uyemov. The Ternary Description Language as a formalism for the Parametric General System Theory; Part 1—Int. J. General Systems, - 1999 OPA, N.Y., Vol. 28 (4-5). Part II—2002, Vol. 31 (2), p.p.131 - 151.
3. Уёмов А.И. Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1978. – 272 с. С. 79 – 89.
4. Ujomov A.I. Dinge, Eigenschaften und Relationen. - Berlin: Akademie – Verlag, 1965. – 185 s. Послесловие.
5. Уёмов А.И. Системные аспекты философского знания. – Одесса: Студия «Негоциант», 2000. – 160 с. С. 23 – 36.

6. Уёмов А.И. Метафизика. Учебное пособие. - Одесса: «Астропринт», 2010. - 260 с. С. 102 – 103.
7. Уёмов А.И., Терентьева Л.Н. Лекции и задачи по метафизике: в 2. ч. – Одесса: Астропринт, 2009. – 280 с. С. 103 – 109.
8. Уёмов А.И. Основные типы научного знания. // Уёмов А.И. и др. Философия науки: системный аспект. - Одесса: «Астропринт», 2010. - 360 с. С. 150 – 157.
9. Савусин Н.П. Формализация определения системы средствами новой версии ЯТО // Проблемы системных исследований. Межвузовский сб. научн. трудов. – Новосибирск: Изд.-во НГУ, 1985. С. 89 – 96.
10. Савусин Н. П. Системное исследование процедур формирования целевых комплексных программ. // Целевые комплексные программы хозяйственного освоения ресурсов Мирового океана. /А.И. Уёмов, Киев: Наукова думка, 1988. С. 107 – 117.
11. Уёмов А.И. Формальные аспекты систематизации научного знания и процедур его развития // Системный анализ и научное знание. – М.: Наука, 1978. – 247 с. С. 95 - 141.
12. Уёмов А.И. Основы формального аппарата параметрической общей теории систем // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1984. – М.: Наука, 1984, С. 152 – 180.
13. Уёмов А.И. Формализация элементарных приёмов познавательной деятельности в языке тернарного описания // Системно-кибернетические аспекты познания. – Рига: «Зинатне», 1985. – С. 41 – 88.
14. Уёмов А. И. Анализ операций как средство изучения динамики систем // Философия: вопросы методологии и логики. Научн. труды Лат. Ун.-та. – Рига, 1990. – Вып. 551. С. 143 – 170.
15. Савусин Н.П. Взаимосвязь категорий «вещь», «свойство» и «отношение» в терминах языка ЯТО // // Уёмовские чтения 1 - IV (2013 – 2016). Материалы Научных чтений памяти Авенира Уёмова. – Одесса: «Печатный дом», 2016. – 310 с. С. 257 – 265.
16. Корн Г., Корн Т. Справочник по математике. – М.: Наука, 1974. – 831 с. С. 570.
17. Ujomow A., Sarajewa I., Cofnas A. Ogolna teoria systemow dla humanistow. – Wydawnictwo Universitas Rediviva, 2001. – 276 s.
18. Войшвилло Е.К. Понятие. – М.: Изд.-во МГУ, 1967. – 286 с.
19. Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления. – М.: Изд.-во МГУ, 1989. – 240 с.
20. Горский Д.П. Определение. - М.: Мысль, 1974. – 312 с. С. 226 – 261.
21. Горский Д.П. Обобщение и познание. – М.: Мысль, 1985. – 208 с.
22. Горский Д.П. Проблемы общей методологии наук и диалектической логики. – М.: Мысль, 1966. - 376 с.
23. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. В трех томах. Том 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. Отд. 3. Гл. V. 1. Процесс труда и процесс увеличения стоимости. М. Политиздат, 1983. - VI. 905 с., факс., 1 л. портр.
24. Уёмов А.И. О временном соотношении между причиной и действием: Борьба против индетерминизма в квантовой механике и временное соотношение причины и действия. – Учёные записки Ивановского гос.пед. ин.-та, 1960 г. Т. XXУ, вып. 1. – Иваново, 1960. – 94 с. С.92.
25. Альбани Э. Чеккато С., Маретти Э. Семантическая классификация, правила и код операциональной грамматики, предназначенной для машинного перевода // Математическая лингвистика. – М.Прогресс, 1964.
26. Скороходько Э.Ф. Информационный язык для технических наук. Семинар «Математическая и структурная лингвистика». Вып.1. – Киев, 1962.
27. Клыков Ю.И. Семантические основы ситуационного управления. – М.: Изд.-во МИФИ, 1974. – 171 с.
28. Савусин Н.П. Системный подход к анализу деятельности // Системный метод и

- современная наука. Сб. научн. трудов. Вып. 5. Новосибирск: Изд.-во НГУ, 1979. С. 11 – 21.
29. Уёмов А.И., Савусин Н.П. Системно-параметрическое моделирование процесса познания и проблема машинного обнаружения закономерностей. – Рига: Изд.-во Рижского политехн. Ин.-та, 1981. С. 21 – 34.
30. Уёмов А.И., Савусин Н.П. Теоретико-системный анализ структуры целевых комплексных программ освоения Мирового океана // Экономика моря. Сб. научн. трудов. – Киев: Изд.-во АН УССР, 1982. С. 29 – 36.
31. Савусин Н.П. Форма представления знаний о процессах, удобная, для генерации концептуальных моделей мышления // Тез. докл. и сообщений к Всесоюзному семинару «Интеллектуальные системы», 3 – 5 октября 1989 г. Часть I. Интеллектуальные системы и формы представления знаний. – Новосибирск: СО АН СССР. 1989. С. 30 – 32.
32. Савусин Н.П. Моделирование действий средствами языка тернарного описания // Системология: Логика междисциплинарных исследований сложных систем (СМИ-89). Апрель 1989 г. Школа-симпозиум. Программа. Львов: Изд.-во Ин.-та прикладных проблем механики и математики АН УССР, 1989.
33. Харари Э. Теория графов. 287. Харари Ф. Теория графов. – М.: Мир, 1973. – 302 с.
34. Логика и методология системных исследований. – Киев – Одесса: Вища школа. 1977. – 256 с.
35. Уёмов А.И. Проблема эквивалентности логических структур // Формальная логика и методология науки. – М.: Наука, 1964. – С. 52 – 64.
36. Плесский Б.В., Портнов Г.Я., Терентьева Л.Н., Уёмов А.И. Эквивалентные преобразования систем // Проблемы формального анализа систем. – М.: «Высшая школа», 1968, с. 136 – 145. С. 137.
37. Сумарокова Л.М. Семіотичні системи та проблема їх складності // Філософські проблеми сучасного природознавства. Міжвідомчий науковий збірник. Вип.. 27. К.: Вид.-во Київського ун.-ту, 1972. - С. 90 – 96.
38. Уёмов А.И. Логические основы метода моделирования. – М.: Мысль, 1971. – 312 с.
39. www.kryon.com
40. www.PLANETLightworker.com.
41. www.drunvalo.net
42. Фихтенгольц Г.М. Курс дифференциального и интегрального исчисления. Том 1. Издание шестое. М.: «Наука». Глав. Ред. Физ.-мат. лит.-ры, 1966. – 608 с.
43. Дорофеева А.В. Учебник по высшей математике для философских факультетов университетов. – М.: Изд.-во МГУ, 1971. – 424 с.
44. Отчёт по НИР «Разработка элементной базы машины, основанной на логике девиантного типа». – Одесса. ООИЭ АН УССР. 1988. – 220 с. Машинопись.
45. Савусін М.П. Філософські й теоретико-системні передумови критеріїв порівняно більшої визначеності об'єктів у мові тернарного опису (МТО). // Перспективи. Соціально-політичний журнал. Серія: філософія, соціологія, політологія. № 4 (62). 2014. – Одеса: Вид.-во Південноукраїнського національного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського, 2014. С. 45 – 57.
46. Савусін М. П. Приклади порівняння значень простоти-складності систем на базі передумов ентропійного вимірювання невизначеності-визначеності // Перспективи. Соціально-політичний журнал. Серія: соціологія. № 1 (67), 2016. – Одеса: Вид.-во Південноукраїнського національного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського, 2016. С. 100 - 112.

Л. Н. Сумарокова

ТЕРМИН «КОНЦЕПТ» В СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Как известно, термин «концепт» является одним из ключевых в теории систем и в методологии системных исследований. Вместе с тем, он получил широкое распространение во всей гуманитарной сфере и, в частности, в современной культурологии. Наряду с выражением «концепт системы» не менее часто употребляют выражение «концепт культуры» [1], [2].

Возникает полифония смыслов этого термина, что практически неизбежно при столь значительном увеличении предметной области и что вызывает потребность в анализе и структурировании смыслового поля этого термина. На первый взгляд, эта задача трудно выполнима. В самом деле, даже внутри теории систем нет единой дефиниции концепта. Здесь сосуществуют по меньшей мере две интерпретации. Первая опирается на несколько размытую ассоциацию с выбором системы отсчета, с фиксацией иерархии задач, целей, ценностей, с наличием свободного выбора субъектом разных вариантов «видения» объекта как системы, когда под заранее фиксированный концепт «подбираются» соответствующие ему структура и субстрат будущей системы. Вторая интерпретация предполагает обязательное принятие двух двойственных по отношению друг к другу формул, отражающих два логически возможных варианта построения системной модели объекта. Эти формулы строятся с помощью специального логического языка (ЯТО). Концепт здесь – лишь «системный дескриптор», элемент соответствующей формулы.

Одни «системщики» обходятся первой интерпретацией, для которой присутствие формул приветствуется, но практически не является обязательным, и для которой концепт является своего рода манифестацией субъекта, проявлением его компетенции, свободы выбора и творческого потенциала. Другие «системщики» принимают вторую интерпретацию и обсуждают проблему построения формализованной общей теории систем с фиксированными правильно построенными формулами, аксиомами, правилами вывода, теоремами и т.п. Здесь концепт изучается в рамках ЯТО и является результатом предикации достаточно высокого (по меньшей мере, третьего) уровня, когда определенное свойство приписывается некоторому отношению или определенное отношение устанавливается в некоторых свойствах. Часто «системщики», придерживающиеся разных интерпретаций, плохо понимают друг друга, поскольку говорят «на разных языках».

Число интерпретаций термина «концепт» в семиотике культуры еще больше (концепт-понятие, концепт-символ, концепт-образ, концепт-идея, концепт-чувство, концепт-настроение и т.д.).

Целью данного сообщения является уточнение реального соотношения между столь различными интерпретациями термина «концепт».

Главная мысль, которую хотелось бы здесь обосновать, состоит в том, что в действительности существует единая, методологически важная цепочка формирования концептов, одни звенья которой, – «смысложизненные» концепты – отражены в культурологических и философских исследованиях, а другие – «инструментально-технологические» концепты – представлены в теории систем как «мягкой логике» научного мышления.

Вырвать из этой цепочки одни звенья как «главные», «более важные» и игнорировать остальные – это значит нести потери в значимости и эффективности мышления в целом.

Обоснование такой трактовки единства теоретико-системного и культурологического понимания концептов, как представляется, может производиться на общепhilosophическом и логико-семиотическом уровнях.

Философское обоснование связано с признанием того неоспоримого факта, что современная методология все больше осознает «человекоразмерность», антропологичность любого знания о мире. Философская антропология, как отмечает Поль Рикер, «стала неотложной задачей современного мышления, ... а в ее эпицентре находится проблема антиномичности структуры человека, пролегающей между полюсами бесконечности и конечности» [3, с. 13]. П. Рикер обращает внимание на ту «срединность» человека, которая осознается в категориях конечного и бесконечного, добра и зла, разума и чувства, единого и многого, общего и индивидуального и т.п.

Ж. Делез и Ф. Гваттари, развивая динамическую, процессуальную интерпретацию социума, характеризуют современную философскую стратегию как «мышление посреди», протекающее в «промежуточном пространстве», подвижном и ускользающем. И это не только метафора, но и отражение реальной метаморфозы [4, с. 44-45].

В.С. Степин считает одним из главных признаков современного этапа развития рациональности четкое осознание ее включенности в культуру, осмысление роли «ценностно-целевых структур и их социальной обусловленности» [5, с. 27]. Л. Абрамян, говоря о роли этих «ценностно-смысловых» структур, и, в частности, представлений о добре и зле, предостерегает от «нацеленности» только на уничтожение одной из крайностей, на ее неприятие, отвержение. Нужна не столько борьба со злом, считает автор, сколько усилия, направленные на сохранение и укрепление добра, как бы это ни казалось утопичным. «Добродетель действительно не приносит дивидендов. Но должны ли мы думать, будто человек – всего лишь собственный коммерческий директор?» [6, с. 55]. Добро не может побеждать любой ценой и любыми средствами, как не может оно побеждать и «автоматически». К нашему рассуждению о единой смысловой цепочке, в которую встроены концепты разных уровней, это имеет прямое отношение: «чистая», объективистски понятая теоретичность и хорошо просчитанная исходящая из нее «технологичность» столь же неэффективны, сколь и «чистая» аксиологичность, провозглашающая высокую духовность, творческое начало человека, но туманно представляющая себе пути ее утверждения, игнорирующая логику мышления, организующую движение к высоким целям. Главное предназначение концептов – быть медиумами, помогающими человеку, занимающему неустойчивое «срединное», «пограничное» положение в бытии и в познании, сохранять хрупкое, подвижное равновесие, без которого невозможно само существование человека. Первое условие поддержания этого равновесия – укрепление *всей цепочки*, о которой шла речь выше, а не только ее отдельных звеньев, какими бы важными они ни были. А второе условие – *подвижность* концептов, которые должны быть адекватны сменяющимся ситуациям, системам отсчета.

Логико-семиотическое обоснование выдвинутого тезиса опирается на признание многоуровневости смыслов любого слова, в том числе научного термина. Концепт, с семиотической точки зрения, является определенной ступенью на «лестнице значений», возникшей в результате эволюции связки «язык – мысль». Наглядный образ лестницы помогает представить, как каждой ступеньке ставится в соответствие особый тип значения, знаменующий определенный этап формирования мысли – от нижних, менее сложных, к верхним – более сложно устроенным. К примеру, первую, нижнюю ступень значения термина можно обозначить как «имя», затем идут более сложные варианты, в том числе «предикатор», «языковое (повседневное) понятие», «понятие», «категория», «концепт», «идея» и, может быть, «фрейм» [7, с. 277-278], [8, с. 37-44].

Каждый научный термин может пройти все перечисленные ступени формирования, но в каждый момент времени может функционировать лишь на какой-то одной из них. Важно отметить, что функции предшествующих ступеней имплицитно сохраняются на каждой последующей ступени и могут быть реализованы, проявлены в тех или иных ситуациях.

Концепт в самом широком понимании можно охарактеризовать как такой «квант» смысла, который, имея все признаки понятия и категории, кроме этого, обладает рядом

дополнительных признаков а) отражающих способ его вхождения в ценностный универсум культуры и б) помогающих организовать любую человеческую активность, в том числе познавательную, в соответствии с принятой моделью бытия. Указанная организационная, по сути, праксеологическая функция концептов в литературе называется по-разному: нормативностью, конструктивностью и т.п. С.С. Неретина связывает ее с коммуникативным эффектом концептов, которые, кроме понятийного (объективного) значения, несут в себе способность обеспечить единство, взаимопонимание коммуникантов в «схватывании» ситуации как целого: достижение согласия в знании, в понимании, продуцирование единого для коммуникантов чувства – эмоции, настроения и т.п. [9, с. 589, 627].

Подводя итог, отметим, что концепт как «системный дескриптор» предполагает в качестве необходимой предпосылки сведения о том, что уже построена системная модель объекта, которая, в свою очередь, имплицитно учитывала результаты предшествующего процесса выбора наиболее значимых для субъекта аспектов объекта; еще более глубинную часть семантики системного концепта образует соотношенность с функционирующими в бытии социума «ценностно-целевыми структурами».

Концепты культуры задают рамочные условия и необходимые предпосылки для методологии научных, в том числе теоретико-системных исследований, а теоретико-системные концепты входят в логико-технологический инструментарий методологии исследования культуры.

Литература:

1. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. / А.И. Уемов. – М.: «Мысль», 1978. – 272 с.
2. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. / Юрий Степанов. – М.: ЯСК, 2007. – 248 с.
3. Рикер П. Философская антропология. Рукописи и выступления. / Поль Рикер. – Пер. с фр. М.: Изд. гуманит. лит., 2017. – 312 с.
4. Я.И. Свирский. Философские стратегии Ж. Делеза и Ф. Гваттари в контексте парадигмы сложности. // Философия мышления. Сб. статей. – Одесса: Печатный дом, 2013. – 444 с.
5. Степин В. Типология научной рациональности и синергетика. // Філософія освіти. Науковий часопис. – 2017, №1 (20). С. 6-29.
6. Абрамян Л.-А. Письма о моралистах прошлого. / Левон-Арутюн Абрамян. – Ер.: Арег, 2001. – 120 с.
7. Соломоник А. Философия знаковых систем и язык. / Абрам Соломоник. – М.: ЛКИ, 2011. – 408 с.
8. Сумарокова Л.Н. Юридическая логика: коммуникативная концепция. / Л.Н. Сумарокова. – Одесса: Феникс, 2015. – 204 с.
9. Неретина С.С. Этьен Жильсон: новый взгляд на старое наследие. Примечания. // Жильсон Э. Философия в средние века. 2-е изд. – М.: Республика, 2010. С. 578-658.

Л. Н. Терентьева

**ПЛАТОН И АРИСТОТЕЛЬ:
КОНЦЕПЦИИ МЫШЛЕНИЯ И БЫТИЯ В КАТЕГОРИЯХ
ДВОЙСТВЕННОГО СИСТЕМНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ**

На протяжении более чем двух тысячелетий остается актуальным противостояние идей двух великих философов, Платона и Аристотеля, по проблемам сущности и строения бытия и анализа мыслительного процесса. Оба философа оставили свои концепции мышления и бытия, которые подвергались аналитическому разбору на протяжении более двух десятков столетий в категориях принятых философских концепций, о которых ни Платон, ни Аристотель и не мыслили. Будь течение времени возвратным, то Платону пришлось бы узнать, что он основатель «философской системы объективного идеализма», а Аристотелю пришлось бы уяснить, что он беспомощно «колебался между идеализмом и материализмом», и трудно предположить их реакцию на подобную оценку их философского творчества.

Рассмотрим проблему, которая волнует философов с античных времён: «Где и как существует бытие идеальное?» Так, например, Платон утверждал, что идеи существуют в «умопостигаемом месте» в то время как Аристотель считал, что идеи находятся в самих объектах. Какая же из позиций верная?

«Умопостигаемое место» Платона несовместимо с миром бытия чувственных объектов, о которых надо сформировать теоретическое знание, которое работает с идеями. Научное знание о бытии может быть истинным или ложным и без идей оно не создается. Идеи принимаются учеными, когда они вдруг непостижимым образом появляются в уме, поскольку извлекаются либо из «умопостигаемого места», либо из «души».

Обратим внимание на то, что в процессе философского анализа сущности бытия и мышления, зачастую упускается возможность анализа структуры бытия и структуры мыслительного процесса. Именно с анализа структуры мышления и бытия начинают своё исследование Платон и Аристотель.

Проведём анализ структуры мышления и бытия концепций Платона и Аристотеля в категориях структуры и в категориях двойственного системного моделирования, разработанного А. Уёмовым [5-7].

Представим концепции мышления и бытия Платона и Аристотеля в качестве двух систем, находящихся в отношении двойственности и обоюдности по отношению друг к другу и обладающих двойственными значениями системных определителей (дескрипторов): концепта, структуры и субстрата системы. Используем идею двойственного системного моделирования параметрической общей теории систем.

Идея двойственного отношения в паре «свойство» – «отношение» просматривается в двойственном системном моделировании параметрической общей теории систем [5-7]. Рассмотрим две, двойственные системные модели, предложенные А. Уёмовым.

Системная модель с атрибутивным концептом P и реляционной структурой R : $(m)Syst =_{df} ([R(*m)])P$ (1) находится в отношении двойственности с системной моделью с реляционным концептом R и атрибутивной структурой P : $(m)Syst =_{df} R([(m*)P])$ (2).

Приведенная формула (1) является схемой определения понятия системы, то есть некий системный инвариант, который читается так: «Вещь (m) является системой, если на этой вещи реализуется отношение R , обладающее свойством P в форме: $([R(*m)])P$ ».

Схема определения понятия системы по формуле (2) представляет собой двойственное определение понятия системы, т.е. двойственный системный инвариант, который читается так: «Вещь (m) является системой, если на этой вещи реализуется свойство P , обладающее отношением R в форме: $R([(m*)P])$ ».

В параметрической ОТС вводится «принцип дополненности двойственных системных описаний»: Полное системное представление можно получить лишь в том слу-

чае, если будут использованы обе, двойственные друг другу, системные модели, которые, таким образом, оказываются также и дополнительными друг другу. Принцип дополненности двойственных системных описаний является обобщением известного принципа дополненности, сформулированного Н. Бором. [2, с. 143-144].

В категориях двойственного системного моделирования концепции мышления и бытия Платона и Аристотеля различаются по значению трёх системных дескрипторов, предложенных А. Уёмовым: **концепта, структуры и субстрата** системы.

Концепт системы как общая идея некоторого единства объектов, объединённых в некоторую целостность, может быть выражен категорией свойства, тогда это будет **атрибутивный концепт**, либо может быть выражен как отношение, в таком случае это будет **реляционный концепт**.

Структура системы представляет собой либо единство неких отношений, в таком случае это будет **реляционная структура**, либо это будет **атрибутивная структура**, представляющая некое единство свойств системы.

Субстрат системы представляет собой некие элементы системы, на которых реализуется структура: либо атрибутивная структура системы, либо реляционная структура системы.

В категориях двойственного системного моделирования можно исследовать все логические формы мысли, логические операции над суждениями, аксиомы аподиктического силлогизма, сопоставить индуктивные и дедуктивные выводы [4].

В настоящем исследовании рассмотрим концепции мышления и бытия Платона и Аристотеля в категориях двойственного системного моделирования А. Уёмова: определим различие и соотнесённость системных дескрипторов моделей мышления и бытия: концепта, структуры, субстрата; покажем соотнесённость и двойственность концепций Платона и Аристотеля. Подчеркнём то обстоятельство, что работы названных авторов рассматриваются на протяжении двух тысячелетий, разумеется, без использования метода двойственного системного моделирования А. Уёмова.

Концепцию мышления и бытия Платона представим в качестве системной модели с **атрибутивным концептом и реляционной структурой**, а концепцию мышления и бытия Аристотеля рассмотрим в качестве системной модели с **реляционным концептом и атрибутивной структурой**. Обе модели мышления и бытия Платона и Аристотеля находятся в отношении двойственности и соотнесенности друг к другу.

Атрибутивный концепт P системной модели бытия и мышления Платона в форме $(m)Syst =_{df} ([R(*m)])P$ представлен его учением об «идеи блага». Идея блага, по Платону, понималась в качестве органа (способа, инструмента) познания всех вещей на основании их идей (сущность) и способа познания самих идей. «Познаваемые вещи могут познаваться лишь благодаря благу: оно же дает им бытие и сущность, хотя само благо не есть сущность, оно за пределами сущности, превышая его по достоинству и силе» [3, с. 11]. «Идею блага» Платон называл «божественным разумом», который Платон помещает в «умопостигаемом» месте, вне чувственного мира. Чувственный мир находится в постоянном изменении и превращении, «идея блага» и другие идеи, составляющие идею блага, неизменны.

В системной модели с атрибутивным концептом P (идея блага) выделяется **реляционная структура $[R(*m)]$** , где R обозначает реляционную структуру, которая реализуется на **субстрате $(*m)$** . Реляционная структура представляет собой набор отношений между науками, обладающими свойствами, выраженными атрибутивным концептом P . Реляционная структура есть такое отношение между науками, которое Платон распределял по степени абстрактности их объектов и возрастающей сложности. Самой сложной, по Платону, оказывается наиболее абстрактная наука философия, которой подчиняются все другие науки, исследующие идеалы гармонии и пропорциональные отношения. Учение о числах подчинено арифметике, которая подчиняется философии. Уже более двух

тысячелетий известен тот запрет, который красовался над входом в Академию Платона: «Не знающий математики да не войдет сюда».

Миром правят отношения, по Платону, числовые отношения. Платон требует следовать «идеи» и числа «в себе», т. е. то, что они могут содержать в себе. Идея о том, что мир есть гармония и число была высказана ещё Пифагором. Замечательная идея о числовой гармоничности мироздания остается значимой и до настоящего времени. Удивительно и непостижимо то, как продуктивно работало античное мышление по проблеме сущности и структуры бытия!

Платон исследовал и *реляционную структуру мыслительного процесса* или способности познания. Р. К. Луканин замечает: «Способности познания Платон располагает по нисходящей линии: «На высшей ступени разум, на второй – рассудок, третье место занимает вера и последнее – уподобление». Первые две из них – это моменты мыслительной деятельности, а две других – мнения» [3, с. 11].

Особое отношение у Платона к математике: она никак не выводима из чувственных отношений! Она получена только умозрением и находится где-то на «полпути между восприятием и умозрением» [3, с. 10].

Реляционную структуру познания Платона, если воспользоваться системной моделью А. Уёмова $(m)Syst =_{df} ([R(*m)])P$ (1), представляет собой некое реляционное единство $[R(*m)]$ как упорядоченность, подчинённая атрибутивному концепту «идеи блага» P .

Платон рассматривает способы познания понятий – это индукция и интуиция (воспоминание). Индукция приводит нас к идеи понятия. С помощью интуиции как «воспоминания», которое находится в нашей душе, мы постигаем сущность идеи понятия, поскольку разум человека «соприкасается» с разумом, скрытым в самих вещах. Отношение «воспоминания» обозначим как реляционную структуру познания Платона. Не будь в нашей душе «воспоминания», мы бы не могли познать, заложенный в вещах смысл, подчинённый атрибутивному концепту «идеи блага» P .

Платон в процесс познания понятий вводит идею двойственности: процесс обобщения и деления понятий. В обобщении мысль движется от чувственных вещей к понятию их сущности и идеи понятия. В операции деления понятий мысль движется в обратном направлении: от общего понятия мысль переходит к сумме его разновидностей.

В современной формальной логике обе логические операции (обобщения и деления понятий) приобрели свои правила, без которых не обходится мыслительный процесс. Платон обозначил эти операции как «взаимное отношение» или обоюдная двойственность, которая, как показано в исследовании [4], встречается не только на уровне понятия, но и у всех логических формах: суждении, умозаключении, доказательстве.

Субстрат в системной модели концепции мышления и бытия Платона это бытие и мыслительный процесс его постижения. Бытие двусоставно: неизменный класс идей, подчиняющийся «идее блага», находящийся в «умопостижимом месте» и изменяющийся мир чувственных впечатлений, которые постигаются в научном мышлении.

Модель мышления и бытия Аристотеля выражается двойственным образом: системной моделью с *реляционным концептом и атрибутивной структурой*: $(m)Syst =_{df} R([(m*)P])$ (2).

Реляционный концепт R Аристотель выражает как «Форма форм», которым является Ум. Аристотель отличает «творческий ум» от «претерпевающего ума»: первый есть «форма форм» и первый двигатель, более того, «творческий ум есть бессмертная и вечная сущность, независимая от тела. «Ведь этот ум не таков, что он иногда мыслит, иногда не мыслит. Только существуя отдельно, он есть то, что он есть, и только это бессмертно и вечно. У нас нет воспоминаний, так как этот ум ничему не подвержен; ум же, подверженный воздействиям, преходящ и без деятельного ума не может мыслить». (Метафизика. Глава 5. Книга третья. 430a 20-25). Аристотель вводит аналогию: «Таким об-

разом, душа есть как бы рука: как рука есть орудие орудий, так и ум есть форма форм, а ощущение же есть форма ощущаемого» (Метафизика. Глава 8. 432a 1-2).

Чувственное восприятие есть «форма воспринимаемых (качеств)». Категория **формы как отношения** является реляционным концептом системной модели мышления. Аристотель противопоставляет или соотносит реляционный концепт Ума как «формы форм» или мышления о собственном мышлении с атрибутивным концептом системной модели мышления Платона.

Атрибутивная структура системной модели мышления Аристотеля есть некое единство чувственно воспринимаемых величин, которые обладают разными свойствами: «Так как помимо чувственно воспринимаемых величин нет, как полагают, ни одного предмета, который бы существовал отдельно, то постигаемое умом имеется в чувственно воспринимаемых формах: (сюда относится) и так называемое отвлечённое, и все свойства и состояния ощущаемого. Когда созерцают умом, необходимо, чтобы в то же время созерцали в представлениях: ведь представления – это как бы предметы для ощущения, только без материи» (Метафизика. Книга третья. Глава 8. 432a 1-10).

Двойственное системное моделирование концепций мышления Платона и Аристотеля раскрывают двойственное различие в понимании субстрата мышления: для Платона – субстратом является всё то, на чём может реализоваться реляционная структура, которая зависит от атрибутивного концепта «идеи блага» как идеи идей. Для Аристотеля субстратом для концепции мышления является всё то, на котором реализуется атрибутивная структура, которая зависит от реляционного концепта «формы форм».

Аристотель создает атрибутивную структуру мышления: понятие, суждение, умозаключения, доказательство как логические формы, различающиеся по своим свойствам – атрибутам.

Субстратом системных моделей мышления Платона и Аристотеля является обоюдная двойственность и соотнесенность его понимания: субстрат концепции Платона представлен набором элементов, способных реализовать реляционную структуру мыслительных актов; субстрат концепции Аристотеля представлен как набор форм мышления, способных реализовать атрибутивную структуру: понятия, суждения, умозаключения и доказательства. Логические формы, предложенные Аристотелем, составляют непреходящую ценность классической силлогистики и до сих пор.

Литература:

1. Аристотель. Соч.: в 4-х тт. – М.: Мысль, 1976-1983.
2. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. – М.: Из-во иностранной лит-ры, 1961. – 151 с.
3. Луканин Р.К. «Органон» Аристотеля. – М.: Наука, 1984. – 290 с.
4. Терентьева Л.Н. Лекции и задачи по логике для тех, кто любит философию. – Одесса: ОНУ, 2017. – 255 с.
5. Уёмов А. И. Вещи, свойства и отношения. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 184 с.
6. Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль., 1978. – 272 с.
7. Уёмов А.И. Системные аспекты философского знания. – Одесса: Негоциант, 2000. – 159 с.

О СОБЫТИЙНОМ ВАРИАНТЕ ЛОГИКИ ОДНОМОДУСНОГО ВРЕМЕНИ УЁМОВА

Логика одномодусного времени, основы которой заложены А.И. Уёмовым [1], представляет собой оригинальное направление во временной логике и обладает ещё не раскрытым потенциалом. Необходимы дальнейшая разработка этой логики, исследование её философских оснований и применения в прикладных областях знания.

Философские аспекты логики времени Уёмова рассматривались в ряде наших статей, в т. ч. [2], [3]. В работе [4], выполненной под руководством автора этих строк, осуществлён логический анализ аксиоматики и получены формулы вывода в логике времени Уёмова.

Представляется возможным строить формализмы и аксиомы логики одномодусного времени на предпосылках, дополнительных тем, которые видятся в контексте указанной работы. В основании данной, пока единственной, версии логики одномодусного времени Уёмова лежит неявное предположение о том, что время как таковое существует изначально и, подобно абсолютному времени И. Ньютона, наполняется событиями. Это проявляется, в частности, в том, что ППФ логики времени строятся, начиная с обозначений моментов времени, а не с замыкания символов событий. При этом «определённый момент времени может быть рассмотрен как некоторое событие. Таким образом стирается грань между моментами времени и событиями» [1, с. 274].

Известен иной взгляд на соотношение моментов времени и событий – когда событие рассматривается как момент времени. К такому пониманию ближе взгляды Г. Лейбница и А. Эйнштейна. Временные моменты и интервалы не заполняются событиями, а как бы порождаются ими или накладываются на них. Возможен вариант такого формализма, в котором исходными параметрами являются не моменты времени, а события.

Прежде чем предложить формулы для этого варианта одномодусной логики времени, приведём элементарные формулы, составляющие аксиоматику логики одномодусного времени из указанной выше работы Уёмова [1, с. 274]:

1.1 $(t < t >) T$	2.1 $(t < a >) \{T, F\}$	3.1 $(t < A >) F$
1.2 $(a < t >) \{T, F\}$	2.2 $(a < a >) \{T, F\}$	3.2 $(a < A >) \{T, F\}$
1.3 $(A < t >) F$	2.3 $(A < a >) F$	3.3 $(A < A >) F$

Здесь: t , a , A – соответственно, определённый, неопределённый и произвольный моменты времени (в угловых скобках) или события (слева от угловых скобок);

T – истинность, F – ложность, $\{T, F\}$ – амбивалентность.

При построении ППФ событийного варианта логики одномодусного времени будем замыкать в угловые скобки обозначения событий, а символы моментов времени окажутся при этом справа от угловых скобок.

Формула, соответствующая аксиоме событийной временной логики: $1'.1 (< t > t) T$ – означает, что определённое событие может быть рассмотрено как определённый момент времени. Тем самым, здесь также стирается грань между событиями и моментами времени, что является признаком одномодусного времени. Иными словами, в событийной логике времени, как и во временной логике Уёмова, нет различий между прошлым, настоящим и будущим.

Однако при этом отношение события и момента времени оказывается обратным тому, которое установлено аксиомой 1.1. При этом важно подчеркнуть, что отношения отождествления, выражающиеся формулировками: «момент времени может быть рассмотрен как событие» и «событие может быть рассмотрено как момент времени» не тождественны между собой. Здесь наблюдается асимметрия, подобная соотношению свойств и отношений с объектами в ПОТС: высказывания «объект обладает свойством

(отношением)» и «свойство (отношение) принадлежит объекту» не тождественны между собой.

Асимметричность, направленный характер отношения отождествления событий с моментами времени и наоборот можно также проиллюстрировать на шутовом примере асимметрии отношения сходства в известной японской притче. Император спросил у своего визиря: «Это правда, будто я похож на обезьяну?». – «Нет, что Вы, Ваше величество, – ответил визирь. – Совсем наоборот, это обезьяна похожа на Вас».

Имеет ли какое-то значение для логики времени переворачивание отношений отождествления между моментами времени и событиями? Ясно, что по своему философскому содержанию эти понятия различаются. Тождественными они могут быть только в формально-логическом отвлечении от содержания. Но при заложении аксиоматики логики времени мы всё же исходим из интуитивного различения смысла этих категорий и направленности отношений сравнения их друг с другом.

Принимая такую философию, в которой временные отношения производны от событий, нужно иметь в виду, что не каждое отдельное событие самостоятельно порождает соответствующий момент времени, а всеобщая связь событий определяет течение времени, характер и структуру темпоральных отношений. Но это интегральное отношение детерминации проявляется и в дифференциальном плане, находя отражение в асимметрии первых аксиом двух вариантов логики времени.

Совпадут ли значения валентности соответствующих формул событийной логики времени в сравнении с вариантом, предложенным А.И. Уёмовым? Если да, то смысла в построении дополнительного варианта к этой логике будет немного. Если нет, то почему, и каково значение этой асимметрии аксиоматических формул?

Различия возникают, как будет видно из дальнейшего, в тех формулах, оценка валентности которых вызывает вопросы или даже определённые сомнения в приведенном выше варианте. Прежде всего, это случаи амбивалентности.

Так, «аксиома 1.2 говорит о том, что в определенный момент времени всегда происходит какое-то событие. Но вместе с тем какого-то события и не происходит. Значит, мы имеем здесь случай амбивалентной формулы» [1, с. 274].

Ясно, что во втором суждении речь идёт о каком-то *другом*, а не о том же самом событии. Поэтому амбивалентность здесь справедлива потому, что события накладываются на данный момент времени, а не временные координаты налагаются на какие-то конкретные события.

Соответствующая аксиома событийной временной логики 1'.2 говорит о том, что определённое событие всегда происходит в какой-то момент времени. Высказывание о том, что это же событие происходит в какой-то *другой* момент времени, противоречит первому, не делая аксиому амбивалентной, а лишает её смысла. Суждение же, что это событие *не* происходит в какой-то *другой* момент времени, будет тождественно аксиоме 1'.3, согласно которой, определённое событие не происходит в *любой* момент времени. Поэтому формула аксиомы 1'.2 имеет валентность *T*.

Аналогично рассуждая, аксиому 2'.1 формулируем следующим образом: «Какое-то событие происходит в определённый, заранее заданный, момент времени». Такие, дополнительные к нему, суждения, как: «Но это событие может произойти в какой-то другой момент времени» или: «Но этот момент может и не наступить», очевидно, неверны и лишают аксиому смысла. Поэтому аксиома не амбивалентна и соответствующая формула имеет валентность *T*.

Аксиома 2'.2: «То или иное событие происходит в некоторый момент времени» – не имеет себе амбивалентной формулировки вроде такой: «Но это событие не произойдёт в какой-то другой момент времени», т. к. оно вполне согласуется с первым высказыванием. Очевидно, что иной вариант дополнительного суждения: «Но другой какой-то момент времени для него может не наступить» имеет разумный смысл только в случае, если это событие не происходит. Значит, и эта аксиома выражается элементарной форму-

лой с валентностью T .

Особый случай амбивалентности может иметь место в аксиоме 3'.1: «Произвольное событие, в общем случае, не происходит в заранее заданный момент времени, однако неверно, что *никакое* событие не может произойти в предустановленный момент». Аксиома справедлива, если мы придерживаемся такого понимания детерминизма, согласно которому, все события вероятностны, за исключением запланированных на определённый момент времени или неизбежных, для которых можно рассчитать достаточно точно, когда они произойдут.

Формулировка «Никакое событие не происходит в заранее предопределённый момент времени» лишает смысла понятия «определённый» и «любой», тем самым требуя отказа от соответствующих дескрипторов в параметрической общей теории систем. Таким образом, в соответствии с ПОТС и её философскими основаниями, признаём амбивалентность аксиомы 3'.1.

Наконец, аксиома 3'.2: «Любое событие происходит в какой-то момент времени» не имеет себе альтернативных формулировок по основаниям, аналогичным для аксиомы 2'.2. Таким образом, соответствующая формула имеет валентность T .

Остальные аксиомы – 1'.3, 2'.3 и 3'.3 относятся к тому, чего не может быть. Они сводятся к тому, что ни определённые, ни неопределённые, ни произвольные события не могут происходить в какой угодно момент времени. Соответствующие им формулы имеют валентность F .

9 элементарных формул аксиоматики событийной логики одномодусного времени таковы:

$$\begin{array}{lll} 1'.1 (< t > t) T & 2'.1 (< a > t) T & 3'.1 (< A > t) \{T, F\} \\ 1'.2 (< t > a) T & 2'.2 (< a > a) T & 3'.2 (< A > a) T \\ 1'.3 (< t > A) F & 2'.3 (< a > A) F & 3'.3 (< A > A) F \end{array}$$

Здесь: t , a , A – соответственно, определенное, неопределенное и произвольное события (в угловых скобках) или моменты времени (справа от угловых скобок);

Нетрудно видеть, что 5 из 9 формул этой системы аксиом имеют валентность, отличающуюся от истинностного значения соответствующих формул аксиоматики А.И. Уёмова.

Как известно, аксиоматика любой формальной системы или теории требует проверки на полноту, непротиворечивость и независимость аксиом друг от друга.

Непротиворечивость аксиом частично выявлялась в процессе построения их системы. На основе попарного сравнения формулировок и формул можно с достаточно высокой степенью уверенности сделать вывод о непротиворечивости данной системы аксиом.

Полнота аксиоматики событийной логики времени обеспечивается полным классом сочетаний определённых, неопределённых и произвольных событий и соответствующих моментов времени между собой. Но основоположения и требования к теории могут иметь статус постулатов, определений понятий и символов, а также неявных аксиом. Последние могут выявиться лишь в дальнейшем, определения заимствуются из логики времени Уёмова, и остаётся сформулировать постулаты событийной логики времени.

Первый постулат заключается в первенстве событий по отношению к моментам времени. Второй – в предположении о том, что события рассматриваются как происходящие, т. е. как свершающиеся факты.

Возможна иная аксиоматика, в которой события могут происходить, а могут и не происходить, имея как актуальное, так и потенциальное или виртуальное бытие. В таком варианте большинство элементарных формул будут амбивалентны.

Полнота постулатов, однако, требует более углублённого анализа.

Имеются, наконец, философские основания и иные принципы событийной логики времени, выходящие за пределы логики в целом.

Проверка взаимной независимости аксиом логической системы событийной темпологии производится аналогично анализу логики времени Уёмова в работе [4].

Если происходит определённое событие, то это означает, что происходит и некоторое событие. Поэтому аксиомы 2'.1, 2'.2 и 2'.3 вытекают, соответственно, из 1'.1, 1'.2 и 1'.3, т. е. являются зависимыми от последних.

Если происходит любое событие, то происходит и некоторое, и любое событие. Поэтому 1'.2 и 2'.2 и зависят, соответственно, от 3'.2.

Если не может происходить никакое событие, то не происходят ни определённые, ни неопределённые события. Следовательно, 1'.3 и 2'.3 зависят от 3'.3.

Поэтому аксиоматика из 9 элементарных формул оказывается избыточной и можно исключить 5 зависимых аксиом, являющихся, по существу, теоремами.

В итоге проверки системы аксиом событийной однодусной логики времени на независимость их друг от друга, непротиворечивость и полноту остаются 4 аксиомы, необходимых и достаточных для построения формальной системы:

$$\begin{array}{ll} 1'.1 (< t > t) T & 3'.1 (< A > t) \{T, F\} \\ & 3'.2 (< A > a) T \\ & 3'.3 (< A > A) F \end{array}$$

В результате анализа системы аксиом временной логики Уёмова, осуществлённой в [4], вместо 3'.3 остаётся 1'.3. В этом, вероятно, также проявляется асимметрия отождествлений событий и моментов времени друг с другом.

Дальнейшее развитие событийной логики времени может осуществляться путями, аналогичными указанным в [1, с. 275], т. е. «за счёт усложнения выражений для событий, моментов времени или того и другого».

Некоторые формулы, как и в логике Уёмова, могут быть модифицированы, например, «если будут найдены такие события, которые имеют место вечно, т. е. во все моменты времени» [1, с. 276].

Дальнейшее расширение временной логики может осуществляться и путём разработки трёхдусных её вариантов. Это представляется возможным на основе включения в её аппарат понятий вещи, свойства и отношения и других категорий ПОТС, что составляет предмет самостоятельного исследования.

Литература:

1. Уёмов, А.И. Послесловие / А.И. Уёмов // Л.Н. Любинская, С.В. Лепилин. Проблема времени в контексте междисциплинарных исследований. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 272–276.
2. Фалько В.И., Любинская Л.Н. О событийной философии времени // Основные направления гуманитарного образования в техническом вузе / Науч. тр. – Вып. 328. – М.: МГУЛ, 2004. – С. 138–149.
3. Любинская Л.Н., Фалько В.И. Однодусная логика времени А.И. Уёмова и актуальные проблемы темпорологии // Параметрическая общая теория систем и её применения: Сб. трудов, посвящённый 80-летию проф. А.И. Уёмова. – Одесса, «Астропринт», 2008. – С. 123–139.
4. Шойко А.С. Правила вывода во временной логике Уёмова // Уёмовские чтения I–IV (2013–2016): материалы Науч. чтений памяти Авенира Уёмова. Одесса, Печатный дом, 2006. – С. 190–196.

*Д. І. Чорноморденко***ФІЛОСОФІЯ ЗА МЕЖАМИ УНІВЕРСИТЕТУ**

Приємно визнати, що серед талановитих вчених, котрі зробили значний внесок у розвиток українського гуманітарного знання в цілому, філософії, логіки, методології науки, зокрема був Авенір Іванович Уйомов. Вартим уваги є той факт, що він прищепив популярність використання способу творчого викладання філософії через моделювання різних форм проведення занять на власному прикладі, а також фактично, сприяв формуванню підвалин до сучасного тестового виду контролю знань студентів на базі відповідного програмного забезпечення, використовуючи комп'ютер. Нині актуальним залишається і посилюється у значущості свого використання саме другий аспект – так-званий «зріз знань» студентів (а по-новому – здобувачів вищої освіти) чи поточний контроль у вигляді різного роду тестування на базі інформаційно-комунікаційних технологій. В той час як програвання різних ролей з філософського досвіду на практичних заняттях є не надто популярним явищем, і дарма, оскільки виникнення міждисциплінарних досліджень, реалізація проектів на основі методологічного плюралізму з необхідністю передбачають осмислення засад і передумов таких трансформацій. Це спонукає до використання нових способів конструювання суб'єкта (наприклад в межах синергетичної програми як дослідження складних людиновимірних систем) як умови осмисленого прийняття змін.

Обговорення розуміння фундаментальних філософських проблем є передусім творчим завданням. В цьому сенсі під творчістю маємо на увазі відсутність погляду на предмет і спосіб викладу дисципліни виключно з її історичного ракурсу як презентацію способів розуміння світу і його пояснення у різні історичні епохи тими чи іншими філософами, мудрецами чи презентовані схопленим у книжках мисленням цих філософів. Має бути присутня аналітична інтерпретація підходів, концепцій, ідей що базується на рефлексивному ставленні суб'єкта пізнання до багатовікового філософського досвіду крізь призму власної ідентичності.

Як ми вже натякали вище, нині філософія є не надто популярною з-поміж інших дисциплін у закладах вищої освіти і тим паче за її межами. Ця форма людської інтелектуальної діяльності, що вимагає від її носія високого рівня абстракції, гарної пам'яті, наявності здорового глузду, сумніву до існуючого знання, аналізу та прогнозування, врешті здатності до ефективної комунікації та іншого рідко асоціюється із загальними засадами освіченості. Філософія є ширшою за своїм застосуванням формою людського розуміння світу на противагу її академічному аспектові. Вона є розумовою діяльністю, що спонукає до формування власного, унікального та аргументованого ставлення до усїєї сукупності найрізноманітніших феноменів світу, і в цьому сенсі проявляється її системний характер. Її системність полягає в тому, що вона вибудовує, структурує, описує всю множину відношень, властивостей та характеристик об'єктивної дійсності в найзагальнішій формі.

Людина, яка здобуває вищу освіту має визначений план дій, (погоджується на нього вступаючи у заклад вищої освіти) програму навчання, перелік курсів та дисциплін визначений державою. Проте, в її межах вона має вибудувати свій власний досвід, уявлення про проблеми буття, самої себе, створити обґрунтування власним принципам та цінностям, які через безперервне використання (яким воно передбачається в освіті) мають сформулювати і закріпити здатність до саморозвитку та самореалізації в умовах перманентної соціокультурної динаміки вже й поза межами освітнього закладу як фасилітаційного щодо особистості інституту. І взагалі, сама особистість вже має бути сформована на цей час.

Використання у викладанні філософських дисциплін не лише академічного, визначеного та усталеного матеріалу дозволяє сформулювати якісні ціннісні орієнтири. А. І. Уйомов у своїй діяльності та творчості подав приклад філософії, логіки та методології

науки не лише і не стільки як академічної дисципліни, але й як дороговказу для успішної діяльності майбутніх фахівців. Філософія на рівні викладання повинна відповідати запитам сучасності і йти в ногу з часом, модернізуючи власні підходи та впливаючи на формування самосвідомості здобувачів освіти навіть після того, як вони залишають стіни освітнього закладу, оскільки вона перш за все є не стільки дисципліною, скільки світоглядом.

Література:

1. Кочергин А. Нм Плесский Б. В., Уемов А. И. Философский лабиринт: Сборник задач и упражнений по философии. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 173 с.
2. Цофнас А. Філософ Авенір Уйомов Останнє інтерв'ю. Доторк: Усні історії філософії /А. Цофнас // Філософська думка. – 2012. – Вип. № 5. – С. 95-112

І. В. Чорноморденко

МЕТОДОЛОГІЧНІ ЗАСАДИ І ПРИНЦИПИ СУЧАСНОЇ ОСВІТИ В УКРАЇНІ

*«Багато на світі корисних і потрібних мистецтв
але немає нічого прекраснішого, ніж філософія,
за всієї її практичної марності»*

Аристотель.

Зважаючи на уже існуючі, наявні ознаки та зразки, реформування освітнього процесу в Україні, дискусії щодо її вдосконалення все одно не вщухають. З одного боку не дають спокою і прагнуть збереження бодай частки «ідеального» минулого, а з іншого впровадження ще чогось нового, не врахованого.

У процесі дослідження проблеми методологічних, теоретичних засад і принципів сучасної освіти провідними філософами України (В. Г. Кремінь, В. П. Андрущенко, Н. М. Островерхова, І. Д. Бех, С. У. Гончаренко, В. С. Лутай т. ін.) з'ясовано, що існує ціла *система* найбільш поширених наукових підходів у соціально-педагогічних дослідженнях та практиці – *системний, діалектичний, синергетичний, компетентнісний, інформаційний* тощо. Враховуючи той факт, що матеріали цього дослідження присвячені 90-й річниці з дня народження професора А. І. Уймова, який своєю працею «Логіка і методологія системних досліджень» вніс неоціненний вклад, в якості підвалин, майбутнього розвитку наукового пізнання.

Очевидно, що для повноти формування будь-якого дослідження, зокрема і методології освіти, необхідно спиратися на досвід не такого вже і далекого минулого. Схвальним є те, що Н. М. Островерхова розробляючи теоретичні засади технологій управління загальноосвітнім навчальним закладом, пропонує необхідну для їх впровадження в життя розгалужену структуру і визначає як базовий системний підхід, даючи йому наступне означення: «Системний підхід як методологічна основа розвитку пізнання оточуючої дійсності передбачає розгляд об'єкта, явища, процесу як цілісної динамічної складної системи» [1, с. 4]. При цьому вона посилається (все ж згадуючи Берталанфі) на А. І. Уймова і його вище названу працю, вважаючи її основоположною. Справді, маємо віддати належне Авеніру Івановичу в тому як він формулював означення поняття «система», розкривав його як «множину об'єктів, на яких реалізується заздалегідь визначене відношення з фіксованими якостями», і, по-друге, як «множину суб'єктів, котрі володіють заздалегідь визначеними якостями з фіксованими між ними відношеннями» [2, с. 21]. Таким чином, ми не лише згадуємо А. І. Уймова, але і віддаємо йому належну шану і подяку за фундаментальні розробки в методології наукових досліджень. На сьогодні, досягнуто чималих результатів щодо осмислення процесу наукового пізнання якому притаманні такі категорії як «динамічність», «міждисциплінарність», «відкритість», «нелінійність» тощо.

Враховуючи обмеженість обсягу нашої публікації, маємо намір ґрунтовно зупинитися ще на одному структурному елементі сучасної освіти – *компетентнісному* підходу який є на сьогодні найбільш запитаним і поширеним, тобто таким, на якого покладають великі надії щодо вдосконалення не лише процесу пізнання. Провідні вчені-філософи вважають компетентнісний підхід найбільш активною соціально-педагогічною системою. Н. М. Островерхова, яку ми уже згадували, визначає певну структуру компетентнісного підходу, котрий є досить поширений у освітній практиці. Зокрема, майбутні бакалаври чи магістри мають володіти наступними компетентностями, а саме:

- ціннісно-сміслова компетенція якою має оволодіти молодий спеціаліст це мати чітко сформований світогляд, який у подальшому визначатиме напрямок, зміст, сенс життя, діяльності і мислення;

- загальнокультурна компетенція передбачає обізнаність особистості в національній та світовій культурі і є головною передумовою входження кожної людини в загальнокультурний світовий контекст;

- пізнавальна компетенція має множину компетенцій особистості у сфері самостійної пізнавальної діяльності, тобто «вчитися знати», формувати мету, планувати і разом з тим давати оцінку, точніше самооцінку власній навчально-пізнавальній діяльності;

- інформаційна компетенція сприяє формуванню самодостатньої особистості яка здатна самостійно добирати, компоновати та логічно вибудовувати інформацію (використовуючи доступні технічні засоби та інформаційні технології) для самостійного прийняття рішень «вчитися бути»;

- соціально-трудова компетенція вчитися (маючи знання і досвід) знаходити своє місце у громаді та соціально-трудовій сфері – «вчитися робити»;

- комунікативна компетенція – володіння іншими мовами, способами взаємодії із суб'єктами, вмінням комунікувати – «вчитися співіснувати»;

- компетенція особистісного самовдосконалення спрямована на оволодіння способами фізичного, духовного, інтелектуального саморозвитку, емоційної саморегуляції і самопідтримки.

Варто зазначити, що нові засади освіти майбутнього були сформульовані наприкінці ХХ сторіччя Міжнародною комісією з питань освіти в ХХІ сторіччі, яка була створена за ініціативою ЮНЕСКО і очолювана Жаком Делором (відомим французьким економістом, публіцистом і політиком) назвала і обґрунтувала, як базові, чотири основні засади освіти майбутнього: «Вчитися знати, вчитися робити, вчитися бути, вчитися співіснувати». [3, с.6]. Приємно процитувати доктора філософських наук, професора, академіка НАН і НАПН, президента НАПН України В.Г. Кременя котрий теж заперечує старі принципи освіти (ЗУН), він зазначає у своїй статті «Постулати філософсько-освітньої діяльності», що «предметом діяльності всіх суб'єктів освітньої діяльності – вчителів, учнів, батьків, керівників і всіх тих, хто так чи інакше включається в її простір, є не тріада – знання, уміння і навички, а культурні потреби і творчі здібності». [4, с.5]. Потребує деякого уточнення чим же все-таки різняться названі принципи освіти. Відмінності є, і ось у чому. Ще починаючи входження в соціум через систему соціальних інститутів (ясельки, дитсадок, початкова школа) і продовжуючи підійматись вище (неповна середня, середня, середня-спеціальна і вища школи) не здатні, як ми вже говорили, навчити людину чомусь раз і назавжди, тобто до кінця її життя... На нашу думку, незаперечним є те, що формування особистості неможливе без освіти, без безперервної потреби в освіті – саме формування і розвиток потреби в освіті, в безперервній освіті і є «ахілесова п'ята» нашої освіти зокрема.

Література:

1. National Report on the State and Prospects of Education Development in Ukraine / National Academy of Educational Sciences of Ukraine; [editorial board: V. G. Kremen (head), V. I. Lugovyuy (deputy head), A. M. Gurzhii (deputy head), and O. Ya. Savchenko (deputy head)], edited by V. G. Kremen. – Kyiv: Pedahohichna dumka, 2017. — 336 p.

2. Уймов А. І. Логика и методология системных исследований. – К.:Высш.шк.,1977. – 255 с.

3. Делор Ж. Освіта для майбуття. Ж-л “Кур’єр ЮНЕСКО”, червень 1996, стор.6.

4. Кремень В. Г. Постулати філософсько-освітньої діяльності, К., ж-л Рідна школа, №1-2 (січень-лютий), 2013р., с.5.

А. С. Шохов

**«ФИЛОСОФСКИЙ СЕРФИНГ» КАК СПОСОБ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
С ПАРАДИГМАЛЬНЫМИ ПРИТЯЖЕНИЯМИ**

Вселенная, изучаемая наукой и осмысляемая философией, представляет собою объект неисчерпаемой комплексности². Надежда ухватить её сущность как целого (некогда вдохновлявшая представителей Милетской школы), всё более становится несбыточной мечтой. Рассматривая ситуацию исследования, можно увидеть, что «наблюдатель сложности» (термин В.А.Аршинова [1, с.59]) волей-неволей выступает также как её «конструктор» [2, с.78-79]. С одной стороны, он наблюдает то, что может увидеть с помощью имеющихся у него средств различения. С другой стороны, он изменяет то, что наблюдает, использует природу для своей деятельности, и, тем самым вносит собственную лепту в комплексность Вселенной.

Термин «сложность» двусторонен так же, как и *наблюдатель*: Вселенная справляется с процессами любой сложности, не заботясь о том, чтобы понять их; наблюдатель описывает то, что изучает, с помощью имеющихся у него языковых и концептуальных средств, и сложность становится сложностью описания и сложностью понимания, которые взаимно индуцируют друг друга. Наблюдатель может верить, что для каждой ситуации можно подобрать средства описания, которые сделают её более понятной, ясной и принесут простоту и зримый порядок в то, что раньше наблюдалось как сложное или хаотическое.

Если наблюдатель дополнительно принимает на себя роль исследователя, пытаясь решить некую исследовательскую задачу, он отправляется в путь, чтобы найти подходящие языковые средства. Поиск средств может осуществляться интуитивно, а может направляться особым мыслительным конструктом, исследовательской стратегией, функция которой напоминает функцию компаса или навигатора.

В пути исследователь подвергается различным соблазнам, ощущая притяжение и неглубоко втягиваясь в различные парадигмальные – и даже шире – эпистемологические «гравитационные воронки». Поддавшись их притяжению, ход его мысли может стать понятным специалистам, живущим в глубинах этой эпистемологической воронки, и «тот, кто хотел познать» будет пойман в ловушку, изнутри которой паттерны смыслов, описываемые имеющимися в рамках данной парадигмы языковыми средствами, выглядят как достаточно точная, установившаяся картина «реальности». Жизненный мир исследователя наполнится паттернами, которые начнут в той или иной мере подтверждаться откликами многоликого объекта неисчерпаемой комплексности (Вселенной). Впрочем, подтверждение почти никогда не будет полным, поскольку природа Вселенной отличается от природы описания, и вполне допустимо, что истина о ней не может быть полностью выражена в человеческом языке.

Глубокое вхождение в *эпистемологические воронки* – это, очевидно, не путь философского исследования. Философ скользит по интерференционному рисунку, создаваемому гравитационными волнами эпистемологических воронок, словно сёрфер, получая энергию от волн, но не погружаясь в них. Жизненный мир философа-исследователя оказывается пронизан влияниями различных эпистемологических конструктов и языковых паттернов, отражающих познавательные и смысловые построения, но ни одно из этих влияний не получает статус основы мировоззрения. *Многообразие* в жизненном мире философа-исследователя как бы моделирует сверхкомплексность Вселенной, позволяя ему строить сеть мостиков-связей между эпистемологическими конструктами различного происхождения.

² Далее в тексте всюду будет разделяться термин *комплексность* (от англ. complication) и *сложность* (от англ. complexity) [4, с. 790].

Почти настоящая магия начинается там, где возникает «невероятность» (Н.Луман) [3, с.7] коммуникации между философами-исследователями, решающими свои исследовательские задачи. Несколько жизненных миров, моделирующих с той или иной мерой приближенности комплексность, многообразие и многомерность Вселенной, вступаая в коммуникативный контакт друг с другом, создают мощный сгусток смысловой сложности, находящийся в состоянии хаотической неустойчивости, напоминающей сингулярность. В возникающей конкуренции сценариев дальнейшего движения появляется шанс понять нечто важное о природе Вселенной как о целом, осуществить «макросдвиг» (Э.Ласло), заложить основу для очередной «научной революции» (Т.Кун), обнаружить новый «странный аттрактор», тем самым оказав заметное влияние на эволюцию человеческой культуры и мышления в целом.

Несколько сёрферов, скользящих по эпистемологическим гравитационным волнам разными, но всё же движущихся сонаправленными курсами, могут в коммуникации друг с другом приблизиться к решению своих исследовательских задач на шаг ближе, чем каждый из них по отдельности. Однако, роль понимающего и познающего, которая ранее приписывалась субъекту познания (наблюдателю, исследователю), органично перетекает при этом к другой сущности, которую можно охарактеризовать как аутопойэтически становящуюся целостность субъектов, сцепленных (запутанных) друг с другом в коммуникативном контакте.

Литература:

1. Аршинов В. И. Наблюдатель сложности в контексте парадигмы постнеклассической рациональности / Владимир Иванович Аршинов // Философия мышления. – Одесса: Печатный дом. – С. 59–71.
2. Аршинов В. И. Сложностный мир и его наблюдатель. Часть вторая / В. И. Аршинов, Я. И. Свирский // Философия науки и техники Т. 21. № 1. – Москва, 2016. – С. 78–91.
3. Луман Н. Медиа коммуникации / Никлас Луман. – Москва: Логос, 2005. – 280 с.
4. Strum S. S. Redefining the social link: from baboons to humans / S. S. Strum, B. Latour. // Social Science Information. – 1987. – №26. – С. 783–802.

А. Т. Щедрин

**ПРОБЛЕМА «СЕТІ – SETI»:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ
В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Заметным явлением в культуре зрелого Модерна явилось начало работ в сфере СЕТІ – SETI (Communication with Extraterrestrial Intelligence – связь с внеземным разумом, в дальнейшем – поиски...), начатых на рубеже 50-60-х гг. XX в., последующая реализация целого ряда программ поиска сигналов **внеземных цивилизаций (ВЦ)**, осуществляемых в различных странах. На протяжении уже почти шести десятилетий неуклонно совершенствовалась аппаратура, расширялся круг участников этих работ, происходила закономерная смена поколений исследователей. Но, несмотря на растущие усилия, успех на этом направлении исследований, исключительно важных для дальнейшего развития человечества, достигнут *не был*. Одним из возможных путей преодоления трудностей, возникших при реализации СЕТІ – SETI-программ, является анализ методологических оснований проводимых исследований.

Теория культуры, культурология и проблема СЕТІ – SETI. Последняя четверть XX в. – время интенсивного становления **культурологии** как самостоятельной области теоретического знания. По целому ряду признаков теоретический статус культурологии укладывается в модель *научной парадигмы* [5]. В качестве таковой она интегрирует методы и результаты других наук социально-гуманитарного профиля вокруг актуального проблемного поля – роли культуры, гуманитарного знания, менталитета, и т. д. в развитии земной цивилизации, трансформирующейся в техногенную, космическую.

Исходя из необходимости дать общее *определение культуры*, Э. С. Маркарян (1929–2011) подчеркивал, что без учёта её космических измерений сам этот феномен не может быть осмыслен с достаточной степенью глубины. Поэтому, преодолевая границы геоцентризма, начиная построение основ **экзкультурологии**, он выделил три уровня абстракции, работа на которых позволяет решить эту задачу. Во-первых, это формы культуры, сложившиеся на Земле; во-вторых, морфологически близкие культуры, предпосылкой формирования и развития которых может являться деятельность существ, субстратно-субстанциональная основа которых близка земным формам жизни. В-третьих, это тот высший уровень абстракции, на котором понятие «культура» может быть положено в своем широком значении, где обобщения в основном должны иметь функциональный характер, быть отвлекающимися от субстратно-субстанциональных характеристик. Исходя из сформулированного подхода, Э. С. Маркарян выделил в качестве специфических ряд черт культуры: *внебиологичность* как субстанциональная основа культуры; *технологичность*, т. е. наличие «механизмов приспособительно-преобразовательного отношения к среде»; *продуктивность*, т. е. творчески порождающий характер бытия в мире; стереотипичность – способность к воспроизведению наличного [8, с. 26-52; 9, с.13, 39-43]. Становление культурологии как самостоятельной области теоретического знания, таким образом, способствовало принятию расширительно-космического истолкования культуры.

Закреплению расширительно-космического истолкования культуры в рамках складывающейся культурологической парадигмы способствовал выход монографии В.Е. Давидовича (1922-2009) и Ю.А. Жданова (1919-2006), посвященной философскому анализу феномена культуры. «Проблема поиска внеземных цивилизаций, – отметили они, – сейчас переведена на практические рельсы. В этой связи и встает вопрос о космическом статусе культуры» [4, с.156-157]. Поэтому для решения проблемы ВЦ надо выяснить «что имеется ввиду, когда говорят об аналогах земной культуры...? Какие черты подобия, качественного единства должны быть обнаружены, чтобы признать, что некоторому космическому объекту присущи черты культуры?» [4, с. 157].

Парадоксальным образом нарастание кризисных явлений в развитии техногенной цивилизации, заявившее о себе глобальными проблемами современности, выявило не только зависимость успехов и неудач социума от деятельности субъектов различного уровня, её интенсивности, положительной или отрицательной мотивации, но и от **способов деятельности**, которые заданы культурой социума. Это касалось также и проблематики SETI – SETI, которая уже самими астрономами рассматривалась не только как технико-технологическая, но и, в первую очередь, как **проблема всей культуры человечества в целом**. Этот подход был связан с деятельностью В.Ф. Шварцмана (1945-1987) и нашёл неуклонно растущую поддержку в среде профессиональных астрономов, представителей технических наук [3; 7; 13].

Геокультурные факторы антропосоциогенеза и субъектность человечества. Поскольку в настоящее время нам известна единственная цивилизация во Вселенной – земная, – то русле культурологической парадигмы вполне методологически оправданным является **поиск возможным инвариантов развития ВЦ**, имеющих сходную субстратную основу, на основе анализа существенных черт, закономерностей, выявляемых в развитии человечества на основе использования социокультурной методологии.

Важнейшей предпосылкой возникновения разума на планете является наличие **биосферы**, относительно стабильно развивающейся на протяжении длительного времени. Именно в такой биосфере Homo Sapiens окончательно формируется как планетарное явление. При этом современные представления об обстоятельствах появления Homo Sapiens'a за последнюю четверть века изменились радикальным образом [2, с. 2]. Это обстоятельство не могло не оказать влияние и на проблематику SETI – SETI, не могло придать динамики обсуждению целого комплекса вопросов о месте **разума в биосфере**, – он, разум, случайность или закономерность?

Расширение Ойкумены, «антропное расширение», позволило повысить устойчивость бытия «Человека Разумного» на Планете; новые геокультурные измерения позволили нейтрализовать негативные следствия известной парадоксальности **антропосоциогенеза**, – наличия в его ходе своеобразных «ретроградных движений». Осваивая планету, человек создаёт универсальные **технологии**, которыми мы успешно пользуемся до настоящего времени: резание, пиление, шлифовка, сверление, плетение, термообработка, обжиг,ковка и т. д. Дополнение круга сложившихся технологий новыми, выход за пределы мезокосмоса, субстратных границ самого человека, было, в конечном счёте, движением в направлении техногенной цивилизации.

Формирование «Человека Разумного», его становление как субстрата развития цивилизации на Планете, подчинялось биоэкологическим закономерностям. Заняв пустующую экологическую нишу крупного дневного **хищника** в районах африканской саванны, где шло формирование гоминоидных, гоминидных форм, человек постепенно занял вершину пищевой пирамиды в биосфере Земли. Однако **гетеротрофность** человечества, систематическое массовое уничтожение сложноорганизованных организмов как необходимое условие его бытия на Планете, всё более очевидно превращается в тормоз дальнейшего развития человечества, превращение его в субъект галактического социокультурного пространства. Гетеротрофность как способ бытия человечества, понижая ценность **жизни** в её онтологическом измерении, в конечном счёте, ослабляет, расшатывает «антропологический фундамент» становящейся **техногенной цивилизации**, деформирует аксиологическую «сеть», столь важную для самоопределения социума во Вселенной, в Универсуме. Можно предположить, что феномен «Молчания Вселенной», «Великого Молчания», с которым встретились исследователи, работающие в сфере SETI – SETI, связан не с отсутствием потенциальных «космических собеседников» человечества, а с нежеланием этих собеседников вести разговор, поддерживать какие-либо отношения с человечеством- гетеротрофом. То есть, речь идёт не о технологических, а о **гуманитарных барьерах** на пути возможного Контакта.

Развивая идеи В.И.Вернадского об **автотрофности человечества** как закономерном этапе его развития, современные авторы подчёркивают эвристический потенциал его идей в связи с новым потенциальным расширением Ойкумены за пределы Земли. «Жизнь на Земле должны завершить автотрофы... социального плана (социоавтотрофы)», которые «при помощи космических энергоинформационных (прежде всего солнечных) излучений сами строят свой организм на основе косного низкоорганизованного вещества окружающей среды» [11, с.86]. Нельзя исключать, что достигнутое состояние автотрофности будет одновременно означать качественное изменение субстратных основ развития земной цивилизации. Человек-гетеротроф превратил Землю в свою Ойкумену. Одним из важных следствий расширения антропосферы на небесные тела Солнечной системы, экзосолнечные планетные системы может стать изменение субстратных основ человека. «Текущая телесность» человека потенциально способна стать фактором приспособления *Homo Sapiens*'а к экологии Звёздной Ойкумены. Тем самым человечество-автотроф трансформируется в одну из **цивилизаций-метаморфов**, станет полноценным субъектом галактического социокультурного пространства, Ойкуменой которой будет звёздная Вселенная.

Философская мысль эпохи Модерна: поиск геокультурных факторов социальной динамики. Большая работа в сфере методологического анализа оснований программ СЕТИ – SETI была проделана **философией**. Она включала в себя как анализ состояния проблемы множественности обитаемых миров (из «эпохи до-SETI»), так и основных направлений поиска **ВЦ**, открытых революцией в астрономии второй половины XX – XXI вв. [1; 14]. Проблемным «полем встречи» культурологического и философского анализа проблемы СЕТИ – SETI явился **системный подход**. В методологии научного он выделился в 40-х гг. XX в., – прежде всего под влиянием общей теории систем Л. фон Бергаланфи (1901-1972). В качестве общенаучной методологии познания его успешно разрабатывал А.И.Уёмов [18]. В рамках общей теории систем разрабатываются общеметодологические принципы исследования систем (которыми являются космические цивилизации) и общих их характеристик, – таких как «вход», «выход», «процесс», «цель», «обратная связь», «взаимодействие», «функционирование», «развитие» и других. Системный подход позволял анализировать проблему ВЦ на третьем (по Э.С.Маркарян) уровне абстракции, отвлекаясь от их возможных конкретных субстратно-субстанциональных характеристик, не совпадающих с человеческими.

Общеметодологические принципы системного подхода, применённые к **цивилизационным исследованиям**, получившим развитие в конце XIX – начале XX вв., позволяют выявить целый ряд факторов социальной динамики – от **геокультурных** (в контексте развития социальной философии и становления социологии) до космокультурных (в контексте **философии космизма** как одной из неклассических философий начала эпохи Модерна). Они, по видимому, могут быть общими для земной, и иных космических цивилизаций, обладающих сходными субстратно-субстанциональными характеристиками.

Одним из путей исследования геокультурных аспектов социальной динамики **земной цивилизации** является ретроспективный анализ всемирно-исторического процесса. Именно он позволил Л.И.Мечникову (1838-1888) выявить зависимость содержания, уровня, направленности развития социальных процессов от геокультурных измерений бытия социума. В ранней истории развития земной цивилизации он выделил **три** последовательные **эпохи**: речная; морская, начало которой положили финикийцы. Основав многочисленные города на берегах Средиземного моря, они, тем самым, положили начало «новой великой цивилизации международного характера, носившей черты *морской культуры*, совершенно отличной от древних цивилизаций, бывших *изолированными* друг от друга и имевших *речной* (Курсив Л.И.М. – А.Щ.) характер» [10, с. 181-182]. И, наконец, третья эпоха, – океаническая, ставшая важным шагом в формировании субъектности человечества.

Особый интерес представляет генезис греческой (греко-римской) цивилизации, в развитии которой в полной мере проявились сущностные характеристики «морской» эпохи. «Античная цивилизация ..., – отмечает современная исследовательница Е. Ю. Терещенко, – ... не единственная, но самая крупная цивилизация Средиземноморья, господствовавшая здесь более двенадцати веков. На берегах Средиземноморья обитало около 20 народов, у каждого из которых была попытка создания своей цивилизации» [17, с.183]. Именно у древних греков выявился не только стохастический характер отмеченной социокультурной трансформации; греко-римская цивилизация намечает движение в направлении **техногенной цивилизации**, закономерным этапом которой является выход в космическое пространство, расширение хронотопа бытия человека и человечества за пределы Земли.

Воспользовавшись в полной мере достижениями «железной революции», античная цивилизация с VIII в. до н.э. приступила к **Великой колонизации** Средиземноморья, создающая специфическую, **сетевую, топологию бытия молодой цивилизации**, столь же похожую на способ бытия соседей [19]. Эллинические поселения возникали в Малой Азии, Киликии, Фракии, Сицилии, на юге Италии, севере Африки, Кипре, по берегам Чёрного моря. Восточное побережье Сицилии и юг Италии оказались усеяны поселениями греков столь густо, что эти страны стали называть **Великой Грецией**. Возможно, греческая колонизация, которая имела единый стратегический и логистический план, является своеобразным **прообразом стратегии** освоения человечеством Солнечной системы и звёздного мира, моделью выхода на стадию «солярного», а затем и «сидерического» человечества.

Философско-культурологическая мысль эпохи Модерна: поиск космокультурных факторов социальной динамики. Обращение к космокультурным факторам социальной динамики земной цивилизации, было связано с появлением **философии космизма**. В его контексте не только стабильность развития человечества, расширение его способностей к саморазвитию путём саморегуляции обмена с уже внеземной средой, но и достижение человечеством социального бессмертия рассматривались с **неизбежным расширением хронотопа его бытия**.

Эта зависимость «**пространственная структура / социокультурная динамика**» в контексте **философии космизма** была экстраполирована А.В. Сухово-Кобылиным (1817-1903) на новую космографию, основы которой были заложены классической наукой. Он исходил из того, что «спекулятивная» (т.е. теоретическая) социология «устанавливает три момента истории человечества по форме занимаемого им пространства». Первая стадия – «теллурическое или земное человечество, заключённое в тесных границах нами обитаемого земного шара». Вторая стадия – «солярное человечество, т.е. то, которое является как бы всекупота обитателей нашей Солнечной системы». И, наконец, это «сидерическое, или всемирное человечество, т.е. вся тотальность миров, человечеством обитаемых во всей бесконечности Вселенной» [15, с.54].

Философия космизма исходит из того, что развитые цивилизации рано или поздно выходят в Дальний космос. Современные теоретические модели развития ВЦ предполагают, что типичная технологическая цивилизация за время экспансии способна освоить **домен** (то есть зону влияния, **сидерический «аналог» Великой Греции**) радиусом 62,5 св.л., используя корабли с термоядерным приводом (скорость распространяется от своего центра 0,25 % от скорости света). В зависимости от времени жизни техногенной цивилизации (10 000; 50 000; 200 000 лет), их количество в Галактике может составить не более 1 млн; 5 млн; не менее 20 млн ; радиусы их доменов составят 5 – 25 св.л.; 25 –125 св.л.; 250 – 500 св.л. Расстояния между центрами доменов (316 св.л.; 185 св.л.; 130 св.л.) делают прямые контакты между космическими соседями: либо единичными, либо вообще не происходящими; реально осуществимыми, но вряд ли происходящими часто и регулярно; неизбежными. И здесь в последнем случае возникает дилемма, стоящая перед земной цивилизацией: **агональность** (греч. *ἀγών* – борьба) или **синергичность** (греч. *συνεργός* –

обоюдное, согласованное действие). «Высшая мудрость заключается в том, – отмечает современный исследователь Р.Зубрин, – что ни одна разумная раса не станет вредить другой ради преходящей выгоды»; «зрелые цивилизации третьего типа добровольно руководствуются принципом “не навреди”. Поэтому общегалактическая цивилизация может быть только их содружеством, а не империей, разросшейся из одного центра путем завоеваний» [6, с. 257-258].

Морфология планетной системы и «антропное расширение». Анализ космокультурных факторов социальной динамики имеет отчётливо выраженный **прогностический аспект**. Возможность достижения «солярной» стадии, как показывает опыт земной цивилизации, в развитии которой наступила космическая эра, определяется целым **рядом факторов**, имеющих самую различную природу, – как астрономических, «космографических», так и технико-технологических, биоэкологических, социальных, социокультурных; как случайных, так и закономерных.

Степень «космографического везения» человечества на пути превращения в «солярное» позволяют работы по компьютерному моделированию планетных систем у солнцеподобных звёзд. Астрономы из Торонтского университета (Канада) оценили, пользуясь подобным теоретическим инструментарием, количество землеподобных планет, способных поместиться в пределах **зоны обитаемости** вокруг солнцеподобной звезды. Оказалось, что в пределах зоны обитаемости с устойчивой динамикой солнцеподобной системы могут быть совместимыми до *пяти небесных тел размером с Землю*; общее число возможных устойчивых орбит в данном случае оценивается в миллиард [12].

Известны ли более благоприятные, по сравнению с реальной Солнечной системой, уже реализованные в Галактике, «космографические» варианты? По-видимому, да. Весной 2016 года астрономы заявили об открытии крайне необычной звездной системы, сравнительно близкой к Солнечной системе – TRAPPIST-1 (удаленной от нас всего на 40 *св. лет* в направлении созвездия Водолея). Все три обнаруженные планеты, вращающиеся вокруг красного карлика, находились внутри так называемой «**зоны жизни**», где вода может находиться *вода в жидком состоянии*, и предположительно обладают массой, сопоставимой с земной. Позднее полученные данные о морфологии системы TRAPPIST-1 были уточнены: на самом деле планет оказалось не три, а семь. Причем шесть из них находятся в пределах «зоны жизни», и, как показывают расчеты, жизнь в принципе может существовать на поверхности двух планет – TRAPPIST-1f и TRAPPIST-1g, больше всего похожих на Землю по своему составу и свойствам [16].

Таким образом, анализ негеоцентрических аспектов динамики антропосферы, геокультурных аспектов развития земных локальных цивилизаций, выполненный на основе системного подхода, позволяет усилить эвристический потенциал работ в сфере SETI – SETI. Он может стать основой для прогнозов относительно путей и направлений формирования, самой морфологии галактического социокультурного пространства, его субъектности, космокультурных измерений. Взаимодействие культурологи и философии является важным индикатором изменения методологических оснований науки, отражением кластерного характера тех проблем, которые возникают в современном научном познании.

Литература:

1. Визгин, В.П. Идея множественности миров: Очерки истории [Текст] / В.П. Визгин. – М.: Наука, 1988. – 291, [3] с.
2. Вишняцкий, Л. Как Номо стали sapiens. Происхождение и ранняя история нашего вида [Электронный ресурс] / Л. Вишняцкий. – СПб., 2014. – 138 с. – Режим доступа. – URL: www.rfh.ru/downloads/Books/144193016.pdf. – Название с экрана.
3. Гиндилис, Л.М. Горизонты астрономии и SETI / Л.М. Гиндилис, К.А.Михайлов, А.Д.Панов// Земля и Вселенная. – 2006. – № 2. – С. 72-81.

4. Давидович, В.Е. Сущность культуры / В.Е. Давидович, Ю.А. Жданов. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1979. – 263 с.
5. Запесоцкий, А.С. Современная культурология как научная парадигма / А.С. Запесоцкий, А.П. Марков // Вопросы философии. – 2010. – №8. – С.76-87.
6. Зубрин, Р. Галактическое сообщество / Р. Зубрин; Подг. Л. Щекотова // Ес-ли. – 2003. – №1. – С.251-258.
7. Мазор, Ю. Л. Радиоконтакт с внеземными цивилизациями: монография / Ю. Л. Мазор ; Нац. техн. ун-т Украины «Киев. политехн. ин-т» . – К.: НТУУ «КПИ», 2013. – 709 с. : рис., табл.
8. Маркарян, Э.С.. Вопросы системного исследования общества / Э.С. Маркарян – М.: «Знание», 1972. – 64 с. Новое в жизни, науке, технике. Серия «Философия», 3.
9. Маркарян, Э.С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. / Э.С. Маркарян. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1973. – 147с.
10. Мечников, Л.И. Цивилизация и великие исторические реки / Л.И. Мечников; Предисл., коммент. В.И.Евдокимова. – М.: Айрис-пресс, 2013. – 320 с.: ил. – Серия: «Библиотека истории культуры».
11. Московченко, А.Д. Философия автотрофной цивилизации. Проблема интеграции естественных, гуманитарных и технических наук: учебное пособие / А.Д.Московченко. – 2-е изд., доп. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и ради-электроники, 2010. – 268 с.
12. Названо максимально возможное число землеподобных планет в Солнечной системе [Электронный ресурс] // Электрон. текст. дан. [Б.м.], 1999–2017 ООО «Лента.Ру». – Режим доступа. – URL: <https://lenta.ru/news/2017/04/03/solarsystem/>. – 177 КиВ (Дата обращения: 29. 09. 2017) . – Название с экрана.
13. Панов, А. Д. Универсальная эволюция и проблема поиска внеземного разума (SETI) / А. Д. Панов; послеслов.: Л. М. Гиндилиса. – М.: ЛКИ, 2008. – 208 с.: ил.
14. Рубцов, В.В. Проблемы внеземных цивилизаций: Философско-методологические аспекты / В. В. Рубцов, А. Д. Урсул. 2-е, доп. изд. – Кишинёв: Штиинца, 1987. – 335 с.
15. Сухово-Кобылин, А.В. Первый набросок социологии как философии истории в его трёхмоментном теллурическом человечестве, солярном и сидерическом / А.В. Сухово-Кобылин // Русский космизм: Антология философской мысли / Сост.: С. Г. Семенова, А. Г. Гачева. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – С.54.
16. Телескоп НАСА открыл семь потенциально обитаемых «сестер» Земли [Электронный ресурс] // Электрон. текст. дан. [Б.м.], Сетевое издание «РИА Новости», 21:0022.02.2017. – Режим доступа. – URL: https://ria.ru/science/20170222/1488606069.html?utm_source=smi2&utm_medium=banner&utm_campaign=gian_partners (дата обращения: 16. 09. 2017). – Название с экрана.
17. Терещенко, Е.Ю. Феномен морской культуры и морской цивилизации / Е.Ю. Терещенко. – Общество. Среда. Развитие («Тerra Humanа»). – 2010. – №4. – С.180-184.
18. Уёмов, А. И. Системный подход и общая теория систем / А. И. Уёмов. – М.: «Мысль», 1978. – 272 с.
19. Щедрин, А.Т. Античная философия как источник парадигмального знания: социокультурные и ментальные аспекты бытия в универсуме культуры / А.Т. Щедрин // Актуальні проблеми філософії та соціології. Науково-практичний журнал – Одеса, 2017. – Вип.. 19. – С. 142–145.

ВІДОМОСТІ ЩОДО АВТОРІВ

Афанасьєв Олександр Іванович – доктор філософських наук, професор кафедри філософії та методології науки Одеського національного політехнічного університету.

Барда Микола Сергійович – випускник Національної музичної академії імені П. І. Чайковського, координатор освітнього проекту «Intellectuarium».

Богата Лідія Миколаївна – доктор філософських наук, професор кафедри культурології Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

Василенко Ірина Леонідівна – кандидат філософських наук, доцент кафедри політології Одеської національної академії зв'язку імені А. С. Попова.

Воробйов Сергій Григорович – старший викладач кафедри філософії та методології пізнання Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

Габович Олександр Маркович – доктор фізико-математичних наук, професор, провідний науковий співробітник відділу кристалів Інституту фізики НАНУ.

Голубович Інна Володимирівна – доктор філософських наук, професор кафедри філософії та загальногуманітарного знання Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

Гончарова Ольга Євгенівна – кандидат технічних наук, доцент кафедри автомобільного транспорту Одеського національного політехнічного університету.

Доннікова Ірина Анатоліївна – доктор філософських наук, професор кафедри філософії Національного університету «Одеська морська академія».

Зобенко Ксенія Ігорівна – аспірант кафедри філософії та методології пізнання Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

Івченко Ганна Сергіївна – аспірант кафедри культурології Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

Кузнєцов Володимир Іванович – доктор філософських наук, професор, головний науковий співробітник відділу логіки, методології та філософії науки Інституту філософії імені Г.С. Сковороди НАНУ.

Кирилюк Олександр Сергійович – доктор філософських наук, завідувач кафедри філософії Одеської філії Центру гуманітарної освіти Національної академії наук України.

Кравчик Марія Олександрівна – кандидат філософських наук, доцент кафедри мистецтвознавства та загальногуманітарних дисциплін Міжнародного гуманітарного університету.

Леоненко Леонід Леонідович – кандидат філософських наук, доцент.

Марійчак Ілля Ілліч – аспірант кафедри культури Одеського національного університету.

нального університету імен І. І. Мечникова.

Москова Катерина Олексіївна – аспірант кафедри культурології Одеського національного університету імен І. І. Мечникова.

Моцаренко Катерина Вадимівна – здобувач кафедри історії музики та музичної етнографії Одеської національної музичної академії імені А. С. Нежданової, координатор освітнього проекту «Intellectuarium».

Прушковська Анастасія Юріївна – аспірант кафедри філософії та методології пізнання Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

Райхерт Костянтин Вільгельмович – кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії та методології пізнання Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

Савусін Микола Павлович – методист департаменту освіти та науки Одеської міської ради.

Сумарокова Людмила Миколаївна – кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії Національного університету «Одеська юридична академія».

Терентьєва Людмила Миколаївна – доктор філософських наук, професор кафедри філософії та методології пізнання Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

Фалько Володимир Іванович – кандидат філософських наук, доцент кафедри «Філософія» (СГН-4 МФ) Московського державного технічного університету імені Н. Е. Баумана (Митіщинська філія).

Чорноморденко Дмитро Іванович – кандидат філософських наук, асистент кафедри філософії Національного університету біоресурсів і природокористування України.

Чорноморденко Іван Васильович – доктор філософських наук, професор кафедри філософії Київського національного університету будівництва і архітектури.

Шохов Олександр Сергійович – здобувач кафедри культурології Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

Щедрин Анатолій Трофимович – доктор культурології, кандидат філософських наук, професор кафедри філософії та політології Харківської державної академії культури.

Наукове видання

УЙОМОВСЬКІ ЧИТАННЯ VI

(2018)

Матеріали

Наукових читань пам'яті Авеніра Уйомова

Українською та російською мовами

Комп'ютерна верстка – К. Райхерт